

DOI: 10.15507/2413-1407

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

РЕГИОНОЛОГИЯ **REGIONOLOGY**

Том 27, № 1, 2019 (январь – март)

Сквозной номер выпуска – 106

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68/1

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

Vol. 27, No. 1, 2019 (January – March)

Continuous issue 106

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia
Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2019

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.**

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим отраслям науки:

Социально-экономические и общественные науки

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main content of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The Journal is included in the **List of the peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of Ph. D. and doctoral theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches of science should be published.**

The names and content of the Journal's sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the editorial office for the purpose of their expert evaluation in the following fields of science:

Socio-Economic and Social Sciences

Economics and national economy management

Social structure, social institutions and processes

Political institutions, processes and technology

Political issues of international relations, global and regional development

Editorial staff's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legitimacy, plagiarism, ethical principles, kept in community of leading scientific issues publishers. Journal's editorial policy is based upon traditional ethical principles of Russian academic periodicals; it supports Academic Periodicals Ethical Codex, stated by Committee on Publication Ethics (Russia, Moscow) and it is formed in account of standards of ethics of editors' and publishers' work confirmed by Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers, developed by Committee on Publication Ethics (COPE).

The Journal is indexed and archived in *Russian Science Citation Index* (RSCI), in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals and in *German National Library of Economics* (ZBW).

All the materials of the *Regionology* journal are available under Creative Commons “Attribution” 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, директор НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Россия)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, член Европейской ассоциации научных редакторов (EASE), кандидат педагогических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Саранск, Россия)

Ахмад Наср Салех Мохамед – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Россия)

Барыгин Игорь Николаевич – профессор кафедры европейских исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор политических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (Санкт-Петербург, Россия)

Большаков Андрей Георгиевич – заведующий кафедрой конфликтологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Казань, Россия)

Гришин Виктор Иванович – ректор ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», доктор экономических наук, профессор, rector@gea.ru (Москва, Россия)

Дахин Андрей Васильевич – заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Россия)

Дружинин Павел Васильевич – заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики ФГБУН «Карельский научный центр Российской академии наук», доктор экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Россия)

Дулина Надежда Васильевна – профессор кафедры социологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Россия)

Кизима Сергей Анатольевич – заведующий кафедрой международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Ковалев Виктор Антонович – профессор кафедры политологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Сыктывкар, Россия)

Лапин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Россия)

Макарова Марина Николаевна – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», доктор социологических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Ижевск, Россия)

Немировский Валентин Геннадьевич – старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории кафедры общей и экономической социологии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Россия)

Патрушев Владимир Иванович – профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор социологических наук, профессор, vipatrushev@yandex.ru (Москва, Россия)

Резник Галина Александровна – заведующий кафедрой маркетинга и экономической теории ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Пенза, Россия)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центральном-Азиатском регионе Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, ai gul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Симанавичене Жанета – заведующий лабораторией инноваций в предпринимательстве Университета Миколаса Ромериса, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mrni.eu (Вильнюс, Литва)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Туровский Ростислав Феликсович – вице-президент Центра политических технологий, доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Москва, Россия)

Шаласев Владимир Павлович – декан факультета социальных технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», доктор философских наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevp@volgatech.net (Йошкар-Ола, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief, Rector of National Research Mordovia State University, Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russia)

Svetlana V. Gordina – Executive Editor, Member of European Association of Science Editors (EASE), Ph. D. (Pedagogy), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Saransk, Russia)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Ghrian, Libya)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russia)

Igor N. Barygin – Professor, Department of European Studies, St. Petersburg State University, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (St. Petersburg, Russia)

Andrey G. Bolshakov – Head of Department, Department of Conflict Resolution, Kazan (Volga) Federal University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Kazan, Russia)

Andrey V. Dakhin – Head of Department, Department of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russia)

Pavel V. Druzhinin – Head of Department, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russia)

Nadezhda V. Dulina – Professor, Department of Sociology, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russia)

Viktor I. Grishin – Rector of Plekhanov Russian University of Economics, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, rector@rea.ru (Moscow, Russia)

Sergey A. Kizima – Head of Department, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Viktor A. Kovalev – Professor, Department of Political Science and International Relations, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Syktyvkar, Russia)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russia)

Marina N. Makarova – Professor, Department of Sociology, Udmurt State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Izhevsk, Russia)

Valentin G. Nemirovskiy – Senior Researcher at the Training and Research Laboratory, Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russia)

Vladimir I. Patrushev – Professor, Department of Public and Municipal Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, vipatrushev@yandex.ru (Moscow, Russia)

Galina A. Reznik – Head of Department, Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Penza, Russia)

Aigul K. Sadvokassova – Director of the Center for the Study of Interethnic and Interfaith Relations in the Central Asian Region, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Vladimir P. Shalaev – Dean, Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatech.net (Yoshkar-Ola, Russia)

Žaneta Simanavičienė – Head of Business Innovation Laboratory, Mikolas Romeris University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Vilnius, Lithuania)

Serghei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Rostislav F. Turovsky – Vice-President, Center for Political Technologies, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика и управление народным хозяйством

- А. Е. Лапин, М. Б. Вуйко.** Модели регионального развития в Российской Федерации и инвестиционные стратегии 10
- М. Ю. Казаков.** Гравитационное взаимодействие центра и периферии аграрно-индустриального региона: диагностика пространственно-экономического дрейфа территорий 30
- Н. С. Безуглая, В. Г. Костюкевич.** Анализ и оценка инновационной активности Краснодарского края 58

Политическая регионалистика. Этнополитика

- А. Ю. Кузнецова.** Права малых народов Европейского Севера России в законодательных актах Российской Федерации 82
- Р. Ф. Туровский, О. С. Васеленко.** Актуальное состояние и перспективы развития внутригородского местного самоуправления в больших городах 100

Экономическая социология и демография

- А. В. Шадриков.** Репродуктивные установки молодых сельских женщин Республики Татарстан 122
- Т. М. Дадаева, В. В. Баранова.** Вспомогательные репродуктивные технологии в репродуктивном поведении городской молодежи (опыт пилотажного исследования) 138

Социальная структура, социальные институты и процессы

- О. Л. Панченко.** Качество социального капитала региона как фактор развития гражданского общества (на примере некоммерческого сектора) 156
- Т. А. Власова.** Проблемы реализации этнокультурных туристических программ в селах Удмуртской Республики по оценке экспертов 174
- Информация для авторов и читателей (на рус. яз.)** 192
- Информация для авторов и читателей (на англ. яз.)** 194

CONTENTS

Economics and Management of National Economy

- A. E. Lapin, M. B. Vuiko.** Models of Regional Development in the Russian Federation and Investment Strategies 10
- M. Yu. Kazakov.** Gravitational Interaction between the Center and the Periphery in an Agro-Industrial Region: Diagnostics of Spatial and Economic Drift of Territories 30
- N. S. Bezuglaya, V. G. Kostyukevich.** Analysis and Evaluation of Innovative Activity in the Krasnodar Territory 58

Political Regional Studies. Ethnopolitics

- A. Yu. Kuznetsova.** Rights of Small Peoples Living in the European North of Russia in the Legislative Acts of the Russian Federation 82
- R. F. Turovsky, O. S. Vaselenko.** Current State and Prospects of Development of Municipal Self-Government in Big Cities 100

Economic Sociology and Demography

- A. V. Shadrikov.** Reproductive Attitudes of Young Rural Women in the Republic of Tatarstan 122
- T. M. Dadaeva, V. V. Baranova.** Assisted Reproductive Technology and the Reproductive Behavior of Urban Youth (Experience of a Pilot Study) 138

Social Structure, Social Institutions and Processes

- O. L. Panchenko.** Quality of Social Capital of a Region as a Factor in the Development of Civil Society (the Case Study of the Non-Profit Sector) 156
- T. A. Vlasova.** Problems Associated with Implementation of Ethno-Cultural Tourism Programs in Rural Areas of the Udmurt Republic according to Expert Evaluation 174
- Information for Authors and Readers of the Journal (in Russian)** 192
- Information for Authors and Readers of the Journal (in English)** 194

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 336.531.2:332.1(470+571)

<http://regionsar.ru>

DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.010-029

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Модели регионального развития в Российской Федерации и инвестиционные стратегии

А. Е. Лапин

М. Б. Вуйко*

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»
(г. Ульяновск, Россия),

* mv9526@mail.ru

Введение. Актуальность статьи обусловлена необходимостью разработки моделей регионального развития в рамках разнообразия социально-экономических и природно-географических условий, в которых находятся субъекты Российской Федерации. Цель статьи – провести обзор проблем и рисков, стоящих на пути разработки и реализации актуализированной стратегии регионального развития, выделить модели развития субъектов, основываясь на анализе определенной системы факторов.

Материалы и методы. Использовались методы факторного, системного анализа социально-экономических, географических и природных показателей, обзор сильных и слабых сторон регионов страны, контент-анализ.

Результаты исследования. Проведен анализ социально-экономических показателей и динамики развития субъектов Российской Федерации, а также их естественно-географических условий. Разработана типология регионов, включающая в себя восемь классификаций с учетом их слабых и сильных сторон,

© Лапин А. Е., Вуйко М. Б., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

географического положения и имеющихся ресурсов. Определены причины отсутствия достаточно актуализированной модели развития субъектов Федерации и риски, связанные с принятием данной стратегии.

Обсуждение и заключение. В связи с достаточно высокой дифференциацией регионов по экономическим, социальным, природным и географическим условиям при разработке стратегии регионального развития необходимо учитывать выявленные особенности. Подобный подход может позволить максимально эффективно использовать конкурентные преимущества каждого субъекта Федерации, сформировать грамотную систему внутрирегиональных отношений и снизить долю неправильных решений, мер и направлений политики в отношении регионального развития.

Ключевые слова: регион, пространственная стратегия развития страны, региональная экономика, стратегическое планирование, экономика

Models of Regional Development in the Russian Federation and Investment Strategies

A. E. Lapin, M. B. Vuyko*

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia),

* mv9526@mail.ru

Introduction. The article is of relevance due to the need to develop models of regional development within the diversity of socio-economic, natural and geographical conditions of the constituent entities of the Russian Federation. The purpose of the paper is to review the problems and risks standing in the way of the development and implementation of the up-to-date strategy of regional development as well as to identify the models of development of the constituent entities, based on an analysis of a certain system of factors.

Materials and Methods. The methods of factor and systemic analysis of socio-economic, geographical and natural indicators were employed; content analysis was performed and an overview of the strengths and weaknesses of the country's regions was given.

Results. An analysis of socio-economic indicators and of the dynamics of the development of the constituent entities of the Russian Federation has been performed as well as that of their natural and geographical conditions. A typology of regions has been developed, which includes eight classifications taking into account their strengths and weaknesses, geographical location and resources available. The reasons for the lack of an up-to-date model of development of the constituent entities of the Russian Federation and the risks associated with the adoption of this strategy have been identified.

Discussion and Conclusion. Due to the rather high difference between the regions in economic, social, natural and geographical conditions, it is necessary to take into account the identified features when devising a regional development strategy. This approach can make the best possible use of the competitive advantages of each of the constituent entities of the Russian Federation; it can help form a competent system of intra-regional relations and reduce the proportion of wrong decisions, measures and policies for regional development.

Keywords: region, spatial strategy of development of a country, regional economy, strategic planning, economy

Введение. Исключительное разнообразие социально-экономических и естественно-географических условий, в которых находятся субъекты Российской Федерации (далее – субъекты РФ), приводит к значительной дифференциации темпов и уровня их развития, когда по отдельным показателям регионы России могут отличаться в 100 и более раз. Накладывает свой отпечаток и предыстория становления основных отраслей региональной экономики. Сложный взаимодействующий комплекс этих и других факторов приводит к поиску и формированию собственных моделей территориального развития, которые не основываются на использовании органами власти экономикоматематических подходов и расчетной оптимизации основных показателей социально-экономического развития (например, валовый региональный продукт на душу населения), а эволюционируют в большей степени исторически/случайно/ситуационно, приспосабливаясь к федеральным трендам и местным условиям.

Отдельные регионы справляются с поставленной задачей лучше, другие хуже, однако все понимают высокую актуальность создания такой модели развития собственной территории, которая позволяла бы максимально усилить конкурентоспособность своего субъекта РФ в условиях открытого, конкурентного рынка, обремененного массой как внутренних, так и внешних дефицитов, угроз, рисков и ограничений.

Таким образом, в настоящее время существует проблема неэффективного использования ресурсов на всех уровнях (в том числе и региональном). Наличие актуализированной стратегии развития позволило бы предотвратить ряд проблем, связанных с аппаратом власти при стратегическом планировании: например, снизить степень временного лага, исключить несвоевременный характер принятия реформ, а также их неправильную последовательность и направленность. Грамотная инвестиционная стратегия в свою очередь способна правильно расставить экономические приоритеты, цели, задачи, мероприятия и проблемы вместе с мерами их решения.

Цель статьи – обзор проблем, лежащих в основе формирования грамотной стратегии развития регионов, и разработка моделей в соответствии с социально-экономическими, пространственными и географическими особенностями субъектов.

Нашей задачей было рассмотреть возможные методы развития регионального потенциала и сокращения степени влияния слабых сторон согласно разработанным моделям.

Обзор литературы. Исследованиям в области стратегического развития регионов посвящено большое количество трудов как иностранных, так и отечественных ученых. В последнее время было опубликовано множество работ, специализирующихся на стратегии регионального

развития¹ [1–3], инвестиционном планировании [4; 5] и стратегии пространственного развития [6; 7].

Большое внимание уделено также конкурентному развитию регионов в современном экономическом пространстве [8; 9]. Например, И. С. Важенни и С. Г. Важенни анализируют множество факторов, влияющих на конкурентные преимущества регионов в современной экономике. Кроме очевидных преимуществ в ресурсном и экономическом положении, авторы отметили важность таких показателей, как имидж территории, инновационный потенциал, социальную направленность и др. [8]. Обзор возможности применения инвестиционных стратегий и особенностей для сырьевых регионов был проведен Л. А. Толоселовой [10].

Учеными были рассмотрены и проблемы разработки инвестиционных стратегий для конкретных регионов. Например, А. С. Новоселовым, О. О. Иценковым, И. И. Александровым была проанализирована инвестиционная стратегия Новосибирской области 2030, выявлен ряд проблем и рисков, связанных с ее реализацией, а также неточности в ядре самой стратегии [11].

Больше внимания вопросам пространственного развития было уделено за рубежом (о чем говорит наличие разработанной в 1999 г. концепции пространственного развития Европейского союза [12]). Сейчас же нужно сформировать пространственную стратегию Российской Федерации. Отмечается необходимость разработки инвестиционных стратегий и стратегий пространственного развития на уровне всех регионов, но единого подхода к их созданию в научных работах нет² [13–15].

Определенным ориентиром в настройке региональной экономической политики на уровне субъектов РФ могла бы послужить пространственная стратегия развития страны, однако к настоящему времени она так и не разработана, хотя на федеральном уровне подобные инициативы предпринимались. Только за прошедшие годы среди последних можно выделить:

– распоряжение Правительства РФ № 1662-р от 17.11.2008 г., которым была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. (раздел VII «Региональное развитие»)³;

¹ ESDP European Spatial Development Perspective / Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union // Agreed at the Informal Council of Ministers responsible for Spatial Planning in Potsdam. 1999.

² Новоселов А. С. Методологические проблемы стратегического управления пространственным развитием региона // Стратегическое управление пространственным развитием субъектов Федерации и городов Сибири : сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 5–26.

³ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 21.09.2018).

– в целях детализации Стратегии – 2020 во всех федеральных округах были разработаны собственные стратегии социально-экономического развития и утверждены соответствующими распоряжениями Правительства РФ (например, для ПФО – № 165-р от 07.02.2011 г.⁴), в которых пространственное развитие определялось и для каждого субъекта, входящего в федеральный округ, и в разрезе по основным отраслям (секторам)⁵;

– неутвержденный проект Концепции совершенствования региональной политики, разработанный Министерством регионального развития (постановление Правительства РФ № 24979-ВТ/02 от 05.08.2009 г.), где содержалось представление федеральной власти об основных отраслевых направлениях развития федеральных округов и входящих в них субъектов РФ;

– указ Президента РФ № 13 от 16.01.2017 г. «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 года», пришедший на смену указу Президента РФ № 803 от 03.06.1996 г. «Об основных положениях региональной политики в РФ»⁶;

– многочисленные национальные стратегии, концепции, проекты, генеральные планы (схемы территориального планирования) и доктрины, в которых явно или неявно предусматривались региональные разделы.

Заявленная нами тематика изучается достаточно долго и раскрыта во многих аспектах, потому что проблема региональной дифференциации существует очень давно. Однако со временем ситуация кардинально не изменилась в лучшую сторону, эффективного решения данной проблемы пока найдено не было. Также в условиях быстрого научно-технического прогресса происходят перемены во многих сферах, поэтому тенденции, характерные и для субъектов Федерации, со временем меняются.

Таким образом, существует необходимость постоянной актуализации мер, направленных на развитие регионов. В связи с этим изучение данной проблемы остается актуальным.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 07.02.2011 № 165-р (ред. от 26.12.2014) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110784/ (дата обращения: 21.09.2018).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

⁶ Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/ (дата обращения: 21.09.2018); Указ Президента РФ № 803 от 03.06.1996 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10590/ (дата обращения: 21.09.2018).

Материалы и методы. В качестве материалов исследования была выбрана обширная нормативно-правовая база, на которой необходимо базировать стратегическое региональное планирование. Ее изучение позволило выявить недостатки в перечне законов, необходимых для сбалансированного стратегического развития регионов РФ. При выделении моделей регионального развития были использованы научные разработки в данной области.

В исследовании применялись методы факторного, системного анализа социально-экономических, географических и природных показателей, обзор сильных и слабых сторон регионов страны, а также контент-анализ. Данный подход позволил сформировать модели региональной экономической политики. Типологии необходимы для правильного понимания акцентов регионального развития относительно пространственного и инвестиционного потенциала, а также для разработки системы мер со стороны органов государственной власти.

Результаты исследования. Исследование позволило выявить ряд проблем, которые возникли при разработке стратегии пространственного развития и стратегий регионального развития в целом. Результатом исследования стала разработка моделей регионального развития субъектов Российской Федерации, использование которой могло бы способствовать сбалансированному стратегическому планированию на региональном уровне. Помимо этого были выделены и возможные риски при разработке данной стратегии.

В настоящее время в указе Президента РФ № 204 от 07.05.2018 г. в п. 15 Правительству РФ предписано «на основе стратегии пространственного развития РФ разработать с участием органов государственной власти субъектов Федерации и до 01.10.2018 г. утвердить комплексный план модернизации и расширения инфраструктуры»⁷. При этом самой стратегии пространственного развития еще нет, и она находится на стадии разработки. Созданию этого важного как для РФ, так и для отдельных ее регионов документа мешают:

1) отсутствие актуализированной стратегии социально-экономического развития РФ (вышеуказанный вариант 2008 г. не учитывает все процессы, начиная с международного финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., и их влияние на национальную экономику, хотя попытки обновить Стратегию – 2020 Правительством РФ предпринимались). Очевидно, от того, какие отрасли будут выбраны в качестве драйверов экономического развития страны, зависит и пространственная стратегия, размещение

⁷ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 21.09.2018).

объектов инфраструктуры, финансирование государственных программ и многое другое. Ошибиться, «поставить» не на ту отрасль для любого субъекта РФ в сложившихся условиях означает остаться один на один в решении всех своих проблем, оказаться в стороне от магистральных финансовых и инвестиционных потоков, задаваемых федеральными трендами. Подобная неопределенность, естественно, тормозит и разработку региональных/муниципальных стратегий, так как тратить собственные ресурсы на неприоритетные проекты никто не хочет;

2) наличие в разной степени готовности полного набора документов стратегического планирования федерального значения, предписанного ст. 11 «Документы стратегического планирования» ФЗ № 172 от 28.06.2014 г. «О стратегическом планировании в РФ»⁸. Часть из них уже устарела, а некоторые еще не разработаны. От того, что содержится (будет содержаться) в отраслевых документах стратегического планирования на уровне страны, зависит, в каком направлении эта отрасль будет развиваться (и будет ли вообще) в конкретных регионах. С позиций синхронизации всех подобных документов считаем целесообразным установить единый срок, к которому необходимо все эти документы либо разработать (если их нет), либо актуализировать, либо отменить. Только после этого будут понятны национальные приоритеты (в том числе отраслевые), условия, цели и задачи, которые стоят перед региональной экономической политикой РФ и всеми регионами;

3) отсутствие эффективно действующего механизма взаимного согласования и координации документов стратегического планирования на всех уровнях управления, включая государственные корпорации, естественные монополии, крупные российские и зарубежные транснациональные корпорации (ТНК), представленные в конкретных регионах. В противном случае принимаемые решения (в том числе пространственные) начинают противоречить друг другу, наталкиваются на ресурсные, инфраструктурные и другие ограничения, что заметно снижает эффективность работы всей системы социально-экономического развития регионов. В идеале наиболее значимые изменения, происходящие на федеральном уровне, должны достаточно быстро (например, в течение полугода), отражаться в документах стратегического планирования субъектов и стратегиях (бизнес-планах) основных стейкхолдеров, представленных в этих субъектах РФ;

4) отсутствие федерального органа власти, который бы отвечал за разработку и реализацию стратегии пространственного развития РФ,

⁸ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 21.09.2018).

отдельных отраслей (секторов) национальной экономики и регионов России⁹. После упразднения в 2016 г. Министерства регионального развития обсуждаемая повестка федеральной политики оказалась «размытой» между Министерством экономического развития РФ и другими федеральными исполнительными органами государственной власти (ИОГВ), для которых она вторична.

Отмеченные выше проблемы приводят к тому, что в настоящее время в России, не дожидаясь появления упорядоченной по целям и инструментам региональной политики на федеральном уровне, сложились свои модели регионального развития. С одной стороны, это неплохо, так как позволяет регионам начать (а кому-то уже и закончить) формирование собственных конкурентных преимуществ как внутри своего федерального округа, так и на национальном (в редком случае – международном) уровне, опасаясь упустить драгоценное время, в течение которого еще возможно опередить конкурентов. С другой стороны, возникают риски двух видов. Во-первых, риск выбора не того направления регионального развития (с позиций будущей стратегии пространственного развития РФ), которое в условиях отсутствия федеральной поддержки может быстро потерять актуальность. Во-вторых, чрезмерная задержка выбора может привести к потере конкурентных преимуществ в связи с миграцией ресурсов в уже определившиеся регионы, проигравшу в конкуренции субъектов за право стать базовым регионом вложения федеральных инвестиций в рамках определенной отрасли (сектора, проекта) и, как следствие, окончательному закреплению в статусе депрессивного. Поэтому необходимо, чтобы стратегия пространственного развития РФ появилась как можно быстрее, снижая неопределенность формирующихся моделей регионального развития в стране.

Выбор моделей регионального развития субъектов Федерации определяется следующими факторами:

– наличием конкурентоспособных отраслей (секторов) региональной экономики¹⁰, показывающих высокие темпы роста объемов производства, экспорта, занимающих основное место в структуре валового регионального продукта и формирующих значительную часть доходов консолидированного бюджета субъекта РФ;

⁹ Включая решение и других задач: сокращение социально-экономической дифференциации субъектов РФ; территориальное планирование развития муниципальных образований; повышение эффективности использования (дозагрузки) крупных объектов инфраструктуры; федеральное управление отдельными пространственными инструментами регионального развития (ЗАТО, моногорода, ОЭЗ, наукограды, ТОСЭР, крупные НОЦ) и т. д.

¹⁰ В связи с тем, что нет общепризнанных федеральных методик определения конкурентоспособности региона и отрасли (сектора) региональной экономики, их наличие определяется субъективно в соответствии с представлениями глав субъектов РФ.

– исторически сложившейся структурой экономики региона, в которой присутствует одна или несколько доминирующих отраслей (секторов), обладающих наибольшим лоббистским потенциалом в органах власти, сложившейся инфраструктурой, подготовленной рабочей силой и определенными возможностями расширения своей доли на рынке федерального округа / страны;

– факторными ограничениями, в том числе отсутствием квалифицированных специалистов, необходимой транспортно-логистической инфраструктуры, удаленностью региона от рынков сбыта, значительным технологическим отставанием самого производства от конкурентов, необходимостью привлечения больших объемов инвестиций и осуществления масштабного строительства / реконструкции производства, недостаточными (по мнению основного стейкхолдера) мерами государственной поддержки со стороны субъекта РФ и т. п.;

– господствующими на данный момент национальными и мировыми трендами развития, определяющими выбор регионом соответствующих отраслей (секторов) – «локомотивов» с масштабной финансово-бюджетной поддержкой со стороны федеральных органов власти, государственных корпораций, естественных монополий, крупных коммерческих банков, ТНК, национальных проектов (прежде всего инициатив Президента и Правительства РФ), позволяющими привлечь в регион крупномасштабные инвестиции, включиться в наиболее конкурентоспособные цепочки производства добавленной стоимости с целью фактически застраховаться от возможного банкротства либо за счет средств государства, либо внешних инвесторов;

– способностью ИОГВ субъекта РФ и органов местного самоуправления разработать и предложить ключевым участникам преобразований наиболее привлекательные для них условия вхождения в регион¹¹, быстро перестроить имеющиеся приоритеты и инструменты территориального развития, сконцентрировать необходимые ресурсы (все, а не только бюджетные), выстроить эффективное взаимодействие между органами власти, населением и бизнесом.

При этом доступ к тем или иным инвестиционным ресурсам играет важнейшую роль и в существенной части предопределяет дальнейший выбор. На основе анализа социально-экономического положения субъектов Федерации, мер (политики) региональных ИОГВ в 2000–2018 гг. мы выделили следующие модели регионального развития (региональной экономической политики)¹² и соответствующие им инвестиционные

¹¹ Дополнительным фактором, активизирующим региональные власти в выборе соответствующей модели и инвестиционной стратегии, является оценка их эффективности со стороны администрации Президента РФ (Указ Президента РФ № 548 от 14.11.2017 г.).

¹² До 2000 г. различными авторами выделялись другие типологии (см., напр., работы академика РАН А. Г. Гранберга).

стратегии. Отдельный субъект не обязательно специализируется только на одной из представленных ниже моделей, в большинстве случаев реализуется их сочетание, где в зависимости от ситуации на первый план выходит либо одна, либо другая модель.

1. *Регионы – экспортеры сырья* (Тюменская, Сахалинская, Камчатская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа и др.). Данная модель сформировалась еще в начале 1990-х гг. и отражает сырьевую специализацию российской экономики в целом, причем в данную группу с течением времени входит все больше субъектов Федерации, так как расширяется номенклатура экспортируемого сырья на мировой рынок: нефть, газ, морские биоресурсы (рыба, краб, гребешок, вплоть до грибов и дикоросов, поставляемых в Европу и Китай), минеральные удобрения, лес, алмазы, продукция начального передела черной, цветной металлургии, химической промышленности и др. Представленная группа регионов наиболее тесно интегрирована в мировой рынок и их социально-экономическая устойчивость определяется соотношением биржевых цен продажи сырья и совокупностью затрат на его производство и транспортировку до страны (региона) – потребителя. Уникальность российских природных ресурсов выступает сильным конкурентным преимуществом страны в целом и конкретных регионов в частности. Слабыми местами сырьевой модели¹³ являются:

– быстрое исчерпание наиболее рентабельных месторождений применительно к конкретному региону и, как следствие, нарастание рисков потери его инвестиционной привлекательности;

– появление и усиление конкурентоспособности других стран и регионов (в меньшей степени – регионов внутри РФ), также специализирующихся на сырье, только в отличие от РФ сохраняющих доступ к мировому рынку капитала и наиболее продвинутым технологиям международных транснациональных корпораций;

– изъятие существенной части ресурсной ренты из экономики региона в пользу федерального центра, что затрудняет запуск несырьевых проектов;

– высокая зависимость от конъюнктуры мирового рынка и внешнеполитической нестабильности.

С точки зрения мировой экономики, все страны-лидеры (США, Европейский союз, Китай) на начальном этапе развивались в рамках данной модели, а их успех определялся быстротой формирования глобально конкурентоспособных высокотехнологичных отраслей (секторов) своей экономики за счет доходов от экспорта сырья.

¹³ Региональный аспект – для субъекта РФ, поскольку недостаткам сырьевой модели на уровне страны посвящено значительное количество публикаций и авторы в настоящей статье их не рассматривают.

2. *Регионы – технологические партнеры сырьевых экспортеров.* Отчасти производство необходимого оборудования, комплектующих, технологий сосредоточено в регионах первой группы с целью минимизации логистических издержек и с учетом протяженности транспортных коммуникаций внутри страны. Однако далеко не все необходимое можно произвести на месте, поэтому возникает весьма привлекательная ниша для отдельных регионов, обладающих соответствующими компетенциями. Эта модель в большей мере является дополняющей первую (можно назвать ее субмоделью), и к перечисленным рискам добавляется нестабильность взаимоотношений между компаниями (регионами) – заказчиками и подрядчиками, когда первые могут достаточно быстро переориентироваться на других поставщиков (территории).

3. *Регионы – инфраструктурно-логистические центры* (Архангельская, Калининградская области, Приморский край, Москва, Санкт-Петербург и др.). Основное конкурентное преимущество этих регионов – выгодное геоэкономическое положение и развитая транспортная инфраструктура (во многом созданная еще во времена СССР), трансформирующаяся с течением времени в центры (хабы) мультимодальных услуг, откуда грузопотоки расходятся по территории всей страны. Слабыми местами являются:

- сильная зависимость от курса национальной валюты, в случае девальвации поднимающей цены на импорт, грузо- и пассажироперевозки и сокращающей транзит на внутренний и внешний рынки;

- необходимость вложения значительных инвестиций в модернизацию инфраструктуры с длительным сроком окупаемости;

- зависимость от появления в других регионах конкурентоспособных товаров собственного производства, меняющих соотношение между импортом и внутренним производством или требования к инфраструктуре для нового экспортного товара;

- зависимость от общей экономической ситуации, насыщенности потребительского рынка, динамики денежных доходов населения, потребностей предприятий в других субъектах РФ.

4. *Регионы-инноваторы* (Томская, Новосибирская области¹⁴, все регионы, где расположены федеральные исследовательские центры, отделения РАН, федеральные и национальные исследовательские университеты, крупные научно-образовательные центры). Высокая концентрация интеллектуального потенциала в местах размещения отделений РАН, крупных НИИ (вне зависимости от ведомственной подчиненности), наукоградов, особых инновационных зон, закрытых административно-

¹⁴ О лидерских позициях этих регионов говорят и проекты создания крупных научно-образовательных центров на их территории в Указе Президента РФ № 204 от 07.05.2018 г.

территориальных образований с исследовательскими учреждениями военно-промышленного комплекса, национальных производителей средне- и высокотехнологичной продукции позволяет достичь заметных успехов на пути создания инновационных секторов в региональной экономике. Дополнительно в этом направлении действуют добровольные объединения субъектов РФ (например, Ассоциация инновационных регионов России, Ассоциация авиастроительных регионов РФ и др.), позволяющие представлять интересы групп территорий в федеральных министерствах и ведомствах, повышая инновационный градус федеральной повестки и привлекая дополнительные ресурсы федерального бюджета для развития своего научно-производственного комплекса¹⁵. Данная модель – наиболее прогрессивная и желательная как для страны, так и для регионов, однако ее претворению в жизнь мешают:

- явное и скрытое лоббирование сырьевых государственных (прежде всего нефтегазовых) корпораций, стягивающих вектор развития и ресурсы на себя, объясняя это высокой зависимостью федерального бюджета от своей деятельности;

- заметно сократившийся научно-технический потенциал государственных вузов и НИИ из-за их недофинансирования, распад прикладной науки, отказ крупного бизнеса от создания собственных лабораторий и проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, ориентация на апробированные в других странах зарубежные технологии, низкая заработная плата ученых и преподавателей вузов, падение престижа научной деятельности и т. п.;

- неэффективная инновационная инфраструктура, в том числе слабая координация действий институтов развития как между собой, так и в субъектах РФ;

- слабая восприимчивость национального/регионального бизнеса к отечественным инновациям, высокие риски недостижения ожидаемых результатов, ориентация на краткосрочную прибыль в ущерб долгосрочным программам корпоративного развития;

- зарегулированность, бюрократизация и низкая эффективность мер государственной поддержки на федеральном и региональном уровнях научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ¹⁶, ведущихся в интересах наукоградов и субъектов РФ;

- сокращение контингента аспирантов, постдоков и студентов, старение и падение квалификации профессорско-преподавательского состава

¹⁵ До образования кластеров в классическом понимании М. Портера еще не дошло, но предпосылки к их созданию («протокластеры») уже имеются.

¹⁶ Например, только в начале 2018 г. РАН приняла решение об открытии в 3 субъектах РФ своих представительств.

вузов и научных сотрудников в НИИ как вследствие демографического кризиса, так и по ряду других причин;

– высокая конкуренция в научном пространстве мира, невозможность привлечь ведущих специалистов и собрать результативные группы исследователей в региональных научных организациях (не только из-за низкой оплаты труда, устаревшего оборудования, длительности получения необходимых расходных материалов и т. п., но и по причине непривлекательности бытовых условий проживания в регионах).

5. *Регионы – концентраторы власти и ресурсов* (Москва, Санкт-Петербург, субъекты РФ с городами-столицами, где численность населения превышает 1 млн чел.). Эти регионы делают ставку на максимальное перераспределение властных полномочий в федеральном округе (или ближнем окружении) в свою пользу и их монетизацию. Кроме того, крупные города продолжают усиливать свои конкурентные преимущества в качестве потенциального места жительства, работы, инвестиций, реализации национальных проектов и инициатив, привлекая ресурсы (прежде всего человеческий капитал) из других субъектов Федерации. Основой такой региональной модели является высокий уровень жизни, разнообразный и динамичный рынок труда, высокое качество публичных услуг (образования, здравоохранения, культуры), благоустроенность и очевидные перспективы развития, связанные с увеличением численности проживающего населения. Дополнительным ресурсом выступает назначение бывших крупных федеральных чиновников на должности глав региона, что позволяет им, опираясь на личные связи с федеральными ИОГВ, переводить или создавать у себя территориальные подразделения государственных корпораций, федеральных структур, лоббировать увеличение финансирования из федерального бюджета, включаться в государственные программы, увеличивать перечень оказываемых государственных услуг и функций (в том числе для их потребителей из других регионов).

Подобная концентрация власти и ресурсов на определенной территории усиливает ее привлекательность для различных категорий бизнеса, собственных и иностранных инвесторов, населения из других субъектов РФ, что приводит к запуску причинно-следственной цепочки положительной обратной связи, еще более со временем увеличивая отрыв от других регионов. В условиях большого количества регионов и невозможности прямого управления территориями из федерального центра в России такая модель регионального развития является инструментом влияния на социально-экономическое развитие субъектов РФ, тесно интегрированной и зависимой от решений, принимаемых на федеральном уровне. Фактически можно сказать, что в данном случае в стране происходит формирование субфедеральных институтов пространственного развития страны.

6. *Регионы – национальные республики*. Поскольку существенная часть субъектов Федерации – национальные республики или регионы с ярко выраженной национальной спецификой, это позволяет им выстраивать собственную модель развития, сделав ставку на национальное разнообразие страны. Наиболее ярким проявлением такого подхода явилось подписание первым из субъектов РФ Республикой Татарстан в 1994 г. соглашения с Правительством России о распределении полномочий, по которому регион получил право существенно сократить перечисление федеральных налогов, собираемых на территории республики, в федеральный бюджет. При принятии этого решения большую роль играли и политические причины, однако сама идея создания в обход норм Конституции РФ (гл. 3 «Федеративное устройство») преференциальных условий для своего региона оказалась очень привлекательной. Поэтому к концу 1990-х гг. более 50 субъектов Федерации подписали подобные договоры (соглашения), что фактически ликвидировало и саму модель. В настоящее время можно говорить о ее трансформации в вариант латентной «национально-преференционной» модели регионального развития, опирающейся прежде всего на личные связи Главы Республики с Президентом РФ, Председателем Правительства и крупными федеральными чиновниками, т. е. то, что в наибольшей степени подходит под определение «ручного управления». Можно предложить и более короткую формулу – «деньги в обмен на лояльность национальных республик». Ее сильное место одновременно является и самым слабым, так как любые персональные изменения в федеральных структурах нарушают сложившийся баланс и создают риски потери преференций.

7. *Регионы – национальные центры отдыха, туризма и экологии* (Краснодарский край, Республика Крым и др.). Уникальные природно-климатические ресурсы и месторасположение, чистая экология, известность в советский период, привлечение инвестиций от ведущих лидеров предоставления рекреационных услуг, эффективное позиционирование на внутреннем рынке, привлечение федеральных ресурсов, санкции и девальвация рубля, а также сознательный отказ региональных властей отдельных субъектов Федерации от опоры на добычу полезных ископаемых и их переработку создали благоприятные условия для появления и укрепления этой модели регионального развития. Ее существенным потенциалом являются широкие возможности расширения, в том числе в производстве экологически чистой продукции. Среди проблем, тормозящих ее становление, можно выделить:

– высокую конкуренцию с зарубежными странами и регионами – признанными центрами международного туризма с длительным опытом работы на рынке, предоставляющими высокий уровень сервиса и реализующими целый комплекс маркетинговых инструментов (ориентиро-

ванных также и на граждан России), так как для многих из них туризм стал основой национальной (региональной экономики);

- более низкий уровень развития транспортной инфраструктуры, неэффективную «упаковку туристического продукта», традиционное отставание в уровне и качестве предоставления услуг, пониженную экологическую и социальную ответственность представителей бизнеса, его желание максимально быстро вернуть вложенные средства, необходимость внедрения в сознание работников новых форм работы с клиентами, высокие цены и их слабую дифференциацию и т. п.;

- высокую эластичность от изменения реальных денежных доходов населения, старение и сокращение населения в большинстве субъектов РФ, снижающий спрос на услуги туризма и рекреационной сферы.

8. *Депрессивные регионы, находящиеся в поиске собственной модели роста*¹⁷. В данную группу входят все оставшиеся субъекты РФ, которые за почти три десятка лет не смогли определиться со стратегией своего развития или сделавшие неправильный выбор, что привело к необходимости его пересмотра. При этом у них укрепляется понимание, что с течением времени незанятых ниш остается все меньше, а вероятность придумать свою эксклюзивную модель снижается, хотя зарубежный опыт показывает, что безысходных ситуаций не бывает и при консолидации усилий всех заинтересованных слоев общества такую стратегию в регионе сформировать вполне по силам. Причинами достаточной многочисленности последней группы стали:

- частая ротация глав регионов и нестабильность управленческой команды, неэффективная система разработки, реализации и контроля управленческих решений в исполнительных органах государственной власти и органах местного самоуправления субъекта РФ;

- конфликт бизнес-элит, власти и населения в регионе, затянувшийся поиск компромисса;

- нехватка внутренних ресурсов для развития и их низкое качество, неблагоприятное геоэкономическое положение, отсталая инфраструктура, низкий уровень денежных доходов, высокая бедность и безработица, недостаточная емкость внутреннего рынка, общая инвестиционная непривлекательность;

- лоббирование неконкурентной отраслевой структуры региональной экономики со стороны руководителей имеющих предприятия, монополизация рынка;

- ситуационная мультивекторная тактика, когда регион старается принять участие в наибольшем количестве проектов, отсутствует отраслевое предпочтение для инвесторов, что не позволяет сконцентрировать

¹⁷ Сюда входит и Ульяновская область.

ресурсы на 2–3-х направлениях развития и тем самым обеспечить им конкурентное преимущество.

Обсуждение и заключение. Учет «проявившихся» моделей развития субъектов Российской Федерации, их сильных и слабых сторон при разработке стратегии пространственного развития страны позволит не подгонять регионы под видение федерального центра и нарушать образовавшуюся систему внутрирегиональных взаимоотношений, а максимально использовать их наработанный опыт и сформированные конкурентные преимущества территориального разделения труда. Принятие таких моделей и согласование их с политикой стратегического развития регионов и страны в целом должно способствовать сбалансированному развитию экономики. Стоит отметить, что при смещении акцентов в разработку грамотной политики пространственного развития субъектов Федерации, возможно улучшать не только экономическое, но и социальное и инфраструктурное развитие территорий. Пространственная стратегия способна помочь решить проблемы сельских сегментов внутри регионов. Инвестиционная политика также должна базироваться на ключевых особенностях региона.

Таким образом, практическое применение данных моделей может быть использовано в совершенствовании деятельности по вопросам стратегического развития регионов Российской Федерации. Типологии должны помочь разрабатывать более эффективные стратегии инвестиционного развития регионов России и принятия правильных решений и мер органами власти при реализации этих стратегий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гладилин В. А. Стратегическое управление развитием экономики регионов // Kant. 2011. № 3. С. 4–6. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17562777> (дата обращения: 21.09.2018).
2. Koncheva E., Zaleskiy N. Spatial Development of the Largest Russian Cities during the Post-Soviet Period: Orienting Towards Transit or Maintaining Soviet Trends. Basic Research Program. Working Papers. Series: Urban and Transportation Studies. 2015. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/07/13/1116450809/04URB2016.pdf> (дата обращения: 21.09.2018).
3. Revealing Centrality in the Spatial Structure of Cities from Human Activity Patterns / Ch. Zhong [et al.] // Urban Studies. 2017. Vol. 54, issue 2. Pp. 437–452. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098015601599>
4. Круглякова В. М. Методологический подход к разработке базовых стратегий развития инвестиционной деятельности в регионах // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2011. № 4. С. 16–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16494432> (дата обращения: 21.09.2018).

5. Авдеева И. Л., Пьянова Н. В. Стратегия развития как основа формирования инвестиционного климата в регионе // Вестник ОрелГИЭТ. 2014. № 1 (27). С. 78–82. URL: http://orelgiel.ru/public/ukazatel_opublikovannykh_statey_2014_god (дата обращения: 21.09.2018).

6. Горегляд В. Программное бюджетирование в системе стратегического планирования в России // Федерализм. 2012. № 1. С. 7–16. URL: <http://www.federalizm.ru/data/nomer.shtml?nomer=65> (дата обращения: 21.09.2018).

7. Белкин В. Г., Хлыстова О. В. Проблемы использования ресурсной теории в стратегическом управлении // Менеджмент в России и за рубежом. 2012. № 2. URL: <http://www.mevriz.ru/annotations/2012/2/> (дата обращения: 21.09.2018).

8. Важенина И. С., Важенин С. Г. Территориальная конкуренция в современном экономическом пространстве // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 3. С. 2–12. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=47622> (дата обращения: 21.09.2018).

9. Важенина И. С., Важенин С. Г. Концептуальные основы конкурентного сосуществования территорий // Журнал экономической теории. 2012. № 3. С. 96–105. URL: http://www.uiec.ru/zhurnal_yekonomicheskoi_teori/arhiv_nomerov/2024/3_2013/ (дата обращения: 21.09.2018).

10. Толстолесова Л. А. Финансово-инвестиционная стратегия устойчивого развития сырьевых регионов // Российское предпринимательство. 2010. № 8-2. С. 159–163. URL: <https://creativeconomy.ru/lib/6257> (дата обращения: 21.09.2018).

11. Новоселов А. С., Иценков О. О., Александрова И. И. Проблемы разработки инвестиционной стратегии региона // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2016. № 5. С. 129–141. URL: <http://vestnik.buker.ru/> (дата обращения: 21.09.2018).

12. Camagni R., Maillat D. Milieux innovateurs: Théorie et politiques. Paris : Economica Anthropos, 2006. URL: <https://www.decitre.fr/livres/milieux-innovateurs-9782717851632.html> (дата обращения: 21.09.2018).

13. Татаркин А. И. Конкурентное позиционирование регионов и территорий в пространственном развитии России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 8 (157). С. 148–158. <http://vestnik.osu.ru/doc/1033/article/7219/lang/0> (дата обращения: 21.09.2018).

14. Дмитриев М. Инвестиционные стратегии российских регионов: новые вызовы и возможности // Экономическая политика. 2006. № 4. С. 19–30. URL: <http://ecpolicy.ru/archiv/2006/4#title> (дата обращения: 21.09.2018).

15. Агафонов В. А. Инвестиционная стратегия региона и «точки роста» // Экономическая наука современной России. 2008. № 2 (41). С. 66–76. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11533638> (дата обращения: 21.09.2018).

Поступила 04.10.2018; принята к публикации 12.11.2018; опубликована онлайн 29.03.2019.

Об авторах:

Лапин Анатолий Евгеньевич, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет» (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru

Вуйко Михаил Борисович, аспирант кафедры экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет» (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3053-1473>, mv9526@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Лапин Анатолий Евгеньевич – сбор, обработка и анализ информации; подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов.

Вуйко Михаил Борисович – изучение концепции; критический анализ и доработка текста.

Для цитирования:

Лапин А. Е., Вуйко М. Б. Модели регионального развития в Российской Федерации и инвестиционные стратегии // Регионология. 2019. Т. 27, № 1. С. 10–29. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.010-029>

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

- Gladilin V.A. Strategic Management of Development of Economy of Regions. *Kant*. 2011; (3):4-6. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17562777> (accessed 21.09.2018). (In Russ.)
- Koncheva E., Zaleskiy N. Spatial Development of the Largest Russian Cities during the Post-Soviet Period: Orienting Towards Transit or Maintaining Soviet Trends. Basic Research Program. Working Papers. Series: Urban and Transportation Studies. 2015. Available at: <https://www.hse.ru/data/2016/07/13/1116450809/04URB2016.pdf> (accessed 21.09.2018).
- Zhong Ch., Schläpfer M., Müller A.S., Batty M., Ratti C., Schmitt G. Revealing Centrality in the Spatial Structure of Cities from Human Activity Patterns. *Urban Studies*. 2017; 54(2):437-452. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098015601599>
- Kruglyakova V.M. [The Methodological Approach to Devising Basic Strategies for the Development of Investment Activity in Regions]. *FEHS: Finansy. Ekonomika. Strategiya* = FES: Finance. Economy. Strategy. 2011; (4):16-19. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16494432> (accessed 21.09.2018). (In Russ.)

5. Avdeeva I.L., Pyanova N.V. Development Strategy as the Basis of Investment Climate in the Region. *Vestnik OrelGIEHT* = OrelSIET Bulletin. 2014; (1):78-82. Available at: http://orelgiet.ru/public/ukazatel_opublikovannykh_statey_2014_god (accessed 21.09.2018). (In Russ.)

6. Goreglyad V. Programme-based Budgeting in the Strategic Planning System of Russia. *Federalizm* = Federalism. 2012; (1):7-16. Available at: <http://www.federalizm.ru/data/nomer.shtml?nomer=65> (accessed 21.09.2018). (In Russ.)

7. Belkin V.G., Khlystova O.V. Problems of the Theory of the Resource in Strategic Management. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* = Management in Russia and Abroad. 2012; (2). Available at: <http://www.mevriz.ru/annotations/2012/2/> (accessed 21.09.2018). (In Russ.)

8. Vazhenina I.S., Vazhenin S.G. Territorial Competition in Modern Economic Space. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* = Regional Economics: Theory and Practice. 2012; (3):2-12. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=47622> (accessed 21.09.2018). (In Russ.)

9. Vazhenina I.S., Vazhenin S.G. Conceptual Bases of Competitive Coexistence of Territories. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* = Russian Journal of the Economic Theory. 2012; (3):96-105. Available at: http://www.uiec.ru/zhurnal_yekonomicheskoi_teori_arhiv_nomerov1/2024/3_2013/ (accessed 21.09.2018). (In Russ.)

10. Tolstolesova L.A. Financial and Investment Strategy for Sustainable Development of Regions of Raw Material Specialization. *Rossiyskoe predprinimatelstvo* = Russian Journal of Entrepreneurship. 2010; (8-2):159-163. Available at: <https://creativeconomy.ru/lib/6257> (accessed 21.09.2018). (In Russ.)

11. Novoselov A.S., Itsenkov O.O., Aleksandrova I.I. Regional Investment Strategy Development Problems. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava* = Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2016; (5):129-141. Available at: <http://vestnik.bukep.ru/> (accessed 21.09.2018). (In Russ.)

12. Camagni R., Maillat D. Milieux innovateurs: Théorie et politiques. Paris : Economica Anthropos. 2006. Available at: <https://www.decitre.fr/livres/milieux-innovateurs-9782717851632.html> (accessed 21.09.2018).

13. Tatarkin A.I. Competitive Regional and Territories Positioning in the Spatial Development of the Russian Federation. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Orenburg State University. 2013; (8):148-158. Available at: <http://vestnik.osu.ru/doc/1033/article/7219/lang/0> (accessed 21.09.2018). (In Russ.)

14. Dmitriev M. Investment Strategies of Russian Regions: New Challenges and Opportunities. *Ehkonomicheskaya politika* = Economic Policy. 2006; (4):19-30. Available at: <http://ecpolicy.ru/archiv/2006/4#title> (accessed 21.09.2018). (In Russ.)

15. Agafonov V.A. Strategy of Social and Economic Development in Regions and Investment Problems. *Ehkonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii* = Econom-

ics of Contemporary Russia. 2008; (2):66-76. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11533638> (accessed 21.09.2018). (In Russ.)

Submitted 04.10.2018; accepted for publication 12.11.2018; published online 29.03.2019.

About the authors:

Anatoly E. Lapin, Head of the Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University (42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru

Mikhail B. Vuiko, Postgraduate, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University (42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3053-1473>, mv9526@mail.ru

Contribution of the authors:

Anatoly E. Lapin – collection, processing and analysis of information; writing the initial version of the text of the article; critical analysis of the materials.

Mikhail B. Vuiko – concept study; critical analysis and revision of the text of the article.

For citation:

Lapin A.E., Vuiko M.B. Models of Regional Development in the Russian Federation and Investment Strategies. *Regionologiya* = Regionology. 2019; 27(1):10-29. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.010-029>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Гравитационное взаимодействие центра и периферии аграрно-индустриального региона: диагностика пространственно-экономического дрейфа территорий

М. Ю. Казаков

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь, Россия),
lyasay21@yandex.ru

Введение. Актуальность исследования состоит в необходимости расширения теоретических разработок в области пространственной экономики, в рамках региональной системы для формирования адекватных и гибких мер стимулирования и поддержки субъектов внутрирегиональной среды. В связи с растущим интересом со стороны органов государственной власти к тенденциям пространственного развития территорий необходим тщательный анализ всего многообразия процессов и связей, протекающих в рамках отдельных регионов. Целью исследования являются идентификация и анализ данных процессов.

Материалы и методы. Информационно-эмпирическая база исследования включает официальные статистические данные, представленные на сайте регионального управления статистики по Ставропольскому краю и ее муниципальных подразделений. Использованы фундаментальные методы научного познания, применена модель гравитации, для проверки гипотез и расчетных выводов задействован инструментарий корреляционно-регрессионного анализа.

Результаты исследования. Впервые получены аналитические данные об уровне, силе и направлении пространственной гравитации между центром и периферийными территориями в регионе аграрно-индустриального типа – Ставропольском крае. В условиях аграрно-индустриального региона впервые апробирована гравитационная модель, адаптированная для изучения пространственных процессов взаимодействия системы «центр – периферия». На основе теории гравитационных сред сделаны выводы о наличии специфических процессов в регионе в виде формирования центров притяжения «второго порядка», которые являются маяками для периферии в силу более высокого уровня социально-экономического развития и общей территориальной удаленности от главного регионального центра.

Обсуждение и заключение. Реализация представленного диагностического подхода позволила выдвинуть ряд гипотез о наличии и специфике пространственных связей между объектами региональной системы «центр – периферия». Сила гравитации, направление и вид пространственного дрейфа могут оказывать прямое

© Казаков М. Ю., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

влияние на уровень социально-экономического развития периферии. Указанные факторы влияют на общий потенциал «выживаемости» периферийных территорий. Результаты исследования обладают практической значимостью и могут быть использованы в качестве эмпирического обоснования для программных проектов стимулирования развития регионов.

Ключевые слова: периферийные территории, региональная экономика, гравитационная модель, пространственный дрейф, экономическое пространство

Gravitational Interaction between the Center and the Periphery in an Agro-Industrial Region: Diagnostics of Spatial and Economic Drift of Territories

M. Yu. Kazakov

North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia),
lyasay21@yandex.ru

Introduction. The study is of relevance due to the need to expand the theoretical developments in the field of spatial economics within the regional system in order to form adequate and flexible measures to stimulate and support the subjects of the intraregional environment. With regard to the state authorities' growing interest in the tendencies of spatial development of territories, a careful analysis of the full diversity of processes and connections that take place within individual regions is necessary. The purpose of the study is to identify and analyze these processes.

Materials and Methods. The information and empirical base of the study included statistical data presented on the official website of the regional Department of Statistics in the Stavropol Territory and its municipal units. Fundamental methods of scientific knowledge were employed, the gravitational model was applied, and the tools of correlation and regression analysis were used to test hypotheses and calculated conclusions.

Results. For the first time, analytical data were obtained on the level, strength and direction of the spatial gravitation between the center and the peripheral territories in an agro-industrial region – the Stavropol Territory. The gravitational model adapted for studying the spatial processes of interaction of the 'center-periphery' system was for the first time tested in the conditions of an agro-industrial region. On the basis of the theory of gravitational environments, conclusions were drawn about the presence of specific processes in the region in the form of establishment of 'the second-order' gravitation centers, which are 'beacons' for the periphery due to a higher level of socio-economic development and general territorial remoteness from the main regional center.

Discussion and Conclusion. The implementation of the presented diagnostic approach made it possible to put forward a number of hypotheses about the presence and specificity of the spatial connections between the objects of the regional 'center-periphery' system. The force of gravitation, the direction and type of the spatial drift can have a direct impact on the level of socio-economic development of the periphery. The specified factors affect the overall 'survival' potential of the peripheral territories. The results of the study are of practical importance and can be used as the empirical justification for program projects aimed at stimulating development of regions.

Keywords: peripheral territories, regional economy, gravitational model, spatial drift, economic space

Введение. Пространственно-экономические характеристики региональных социально-экономических систем находятся в постоянной динамике и подвержены активному воздействию внешних и внутренних факторов. Наибольшее влияние оказывает временной фактор как ключевой элемент динамического процесса в экономическом пространстве, который не поддается управлению или коррекции.

В региональной пространственно-экономической системе «центр – периферия» динамические процессы ощущаются наиболее остро из-за закрытости периферийного пространства в границах регионального. В этой связи любое изменение социально-экономических характеристик внутри отдельно взятой периферийной территории напрямую отражается на центральном элементе.

Целью исследования является расширение существующих теоретико-аналитических знаний о процессах, протекающих в региональном экономическом пространстве.

Сбалансированная пространственно-экономическая система формирует рычаги противовесов (в первую очередь институциональные), позволяющие балансировать между критическими режимами в социально-экономическом развитии территорий периферийного типа, давая им уравновешивающие импульсы к развитию. В пространственно-экономической системе «центр – периферия» данный подход учитывает преимущественно потребности периферийных территорий, которые подвержены большему риску социально-экономической деградации в сравнении с центром. На практике любая региональная пространственно-экономическая система является местом интеграции и «стягивания» локальных территорий, имеющих различные исходные ресурсные характеристики и требующих селективных управленческих подходов с учетом их индивидуального уровня текущего развития.

Экономическое и институциональное пространство региона аккумулирует импульсы повышающего и понижающего действия по отношению к своей внутренней структуре, активизирует процессы слияния и поглощения, дробления и структуризации, обособления и экспансии. Структурные деформации регионального экономического пространства проявляются в постоянно изменяющейся среде, становятся доступными к изучению через призму «динамического скрининга» (аналитическая категория, сформулированная автором статьи. – М. К.). Аккумулируя информацию о структурных сдвигах, дрейфах, деформациях, дефицитах и дисфункциях в системе «центр – периферия» целесообразно учитывать особенности самостоятельного функционирования периферийных территорий. Идентификация интенсивности (силы) и направления (вектора) социально-экономических импульсов в экономическом пространстве региона усложняется особой типологией центрo-периферийных взаимосвязей:

- между региональным центром и периферийными территориями в целом;
- межпериферийными иерархическими связями (между дальней, средней и ближней периферией);
- между субрегиональными центрами в границах периферийного пространства субъекта (крупные населенные пункты в границах периферийных территорий);
- связями на приграничных территориях (между периферией сопряженных регионов).

Данные связи представляют особый интерес в рамках изучения пространственного взаимодействия центрo-периферийных структур региона, их анализ позволяет выявить существенный пласт проблем и диагностировать структурные пространственно-экономические трансформации на любой стадии их протекания.

Обзор литературы. В рамках исследования проблем пространственно-го развития периферийных территорий и дисбаланса их социально-экономического развития нами был изучен существенный массив информации по основной тематике, а также по вопросам смежного характера. Проблемам деполяризованного центрo-периферийного развития экономического пространства регионов посвящены публикации С. П. Земцова [1], А. Н. Герасимова¹, А. Г. Гранберга [2; 3], Т. С. Клебановой [4], а также таких зарубежных исследователей, как С. Бракман [5], Р. Капелло [6], П. Комбз [7], Г. Хансон [8], Г. Гарретсен [9].

В своих работах С. П. Земцов и В. Л. Бабуринов связывают региональные диспропорции в развитии с их географическим положением, разделяя его на выгодное и невыгодное с позиций экономического потенциала [1]. Такой же точки зрения придерживается коллектив авторов под научным руководством Т. С. Клебановой, ранжируя территорию региона по признаку наилучшего экономико-географического расположения, в результате чего они приходят к выводам о наличии прямой связи между уровнем социально-экономического развития отдельных территорий и их расположения в границах регионального пространства [4].

В исследованиях зарубежных авторов также встречаются подходы, опирающиеся на изучение зависимости географической локации территории с уровнем их развития. В качестве индикативных показателей авторы рассматривают миграционные потоки и объемы инвестиций [10].

¹ Совершенствование механизма эффективного функционирования региональных агроэкономических систем : моногр. / А. Н. Герасимов [и др]. Ставрополь : Сервисшкола, 2012. 172 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18067868> (дата обращения: 02.03.2018); Gerasimov A. N., Gromov E. I., Shatalova O. I. Improvement of methodological support forecasting of key indicators of development of regional agro production system // Science and Society : 3rd International Scientific and Practical Conference (London, 20–21 March 2013). 2013. Vol. 2. Pp. 233–243. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21278727> (дата обращения: 02.03.2018).

Дж. Колин анализирует последствия смещения экономической активности из реальных производственных центров в административные по причине их развитости и наличия транспортной инфраструктуры. Таким образом, наличие производства в отдаленных территориях региона не гарантирует снижение диспропорций социально-экономического развития в полном объеме [11].

Использование потенциала городов как центров притяжения в пространственно-экономическом трансформировании регионов изучают в своих исследованиях М. Дельгадо [12], К. Хед, Т. Майер [13], А. А. Мирохина². Преимущества потенциала крупных городов перед периферийными территориями в рамках региональной экономической системы, а также тенденцию к урбанизации и трансформации сельских территорий в Индонезии подробно анализируют в своей работе Дж. С. Сетионо, Х. С. Юнус, С. Р. Джиярсих [14].

Разработка и дополнение терминологического аппарата позволяют расширить границы исследования и сформировать новые подходы к традиционным методам познания узкоспециализированных научных областей. «Индекс центральности» относительно субъектов внутрирегионального пространства, предложенный группой зарубежных авторов, позволяет идентифицировать функциональные городские центры и их влияние на близлежащее пространство [15].

Особое внимание в ходе исследования было уделено выбору аналитического инструментария, позволяющего достичь поставленных задач. В качестве базового использовался метод гравитационного моделирования, который получил широкое применение в экономических исследованиях. Ряд авторов применяли в своих работах адаптивные модели. Так, А. В. Васильева, А. А. Тарасьев задействовали гравитационную модель в рамках исследования миграционных процессов³. Для исследования тенденций международной торговли гравитационную модель рассматривал А. В. Шумилов [16]. Адаптированный вариант гравитационной модели для моделирования транспортных потоков используют И. А. Потапова и другие авторы [17]. Таким образом, широкий спектр применения гравитационной модели в экономике позволил сделать вывод о целесообразности ее применения в рамках нашего исследования.

² Пространственное развитие региона: оценка, проблемы перспективы: моногр. / М. Ю. Казаков [и др.]. М. : Буки Веди, 2012. 212 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22475141> (дата обращения: 25.11.2017).

³ Васильева А. В., Тарасьев А. А. Миграция населения в рамках модели взаимобусловленного развития миграционных процессов // Устойчивое развитие российских регионов: экономическая политика в условиях внешних и внутренних шоков : сб. материалов XII междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 17–18 апреля 2015 г. Екатеринбург : [УрФУ], 2015. С. 823–837. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/34281> (дата обращения: 12.03.2018).

Материалы и методы. Для обоснования теоретических положений, аналитических выводов и рекомендаций использовался разнообразный инструментально-методический аппарат: абстрактно-логический, экономико-статистический методы, методы системного и сравнительного анализа, аналитический, графический методы. Последний позволил редуцировать исходное пространство многомерных данных в виде читаемых графиков и таблиц.

Источниками информации послужили официальные статистические данные с ресурса «База данных муниципальных образований» и с сайта краевого управления федерального органа статистики по Ставропольскому краю – Ставропольстат. На момент исследования данные за более ранний период являются недоступными по причине отсутствия официальной информации по группе территорий, данные за 2017 г. полностью не сформированы.

В качестве базового аналитического инструмента использована гравитационная модель, которая позволяет выявить динамический характер взаимодействия объектов региональной пространственной среды.

Периферийные территории имеют свои средовые характеристики и временные отрезки функционирования, которые могут полностью противоречить общей траектории развития региона. Для этих целей необходимо проводить комплексный динамический скрининг пространственного дрейфа периферийных территорий с целью выявления системно-векторного типа развития отдельно взятых территорий, образующих региональную систему «центр – периферия».

Динамический скрининг имеет ряд преимуществ перед статическими подходами анализа:

- дает возможность определить интенсивность явлений и процессов во времени;
- снижает риск искажения аналитических результатов и необъективности выводов;
- идентифицирует латентные и аномальные проблемы, проявляющиеся в определенные временные промежутки.

Результаты исследования. Для целей нашего исследования эмпирический интерес вызывает изучение пространственного дрейфа периферийных территорий, как одного из наиболее значимых процессов в региональной системе «центр – периферия»⁴.

Дрейф в экономике может быть применим к следующим процессам:

- пространственным – как средовому базису функционирования экономических агентов территории;

⁴ Валиуллин Х. Х. Дрейф экономического пространства: теория и эмпирика. М., 2010. 296 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26504385> (дата обращения: 08.02.2017).

– экономическим – как параметрическому отражению динамики процессов, протекающих в пространственных системах между подсистемами, акторами и агентами;

– социальным – как ответная реакция общества на изменение пространственно-экономических характеристик территорий.

Синхронность данных процессов встречается крайне редко: в несбалансированной региональной среде, учитывая ее свойства инертности, нестационарности и структурной ригидности, изменение одних процессов продуцирует импульс системного дрейфа для других. Однако первичным является сохранение пространственного гомеостаза территории, нарушение которого гипотетически способно вызвать перестроение всего социально-экономического пространства региона.

Идентификация и демаркация видовых характеристик дрейфа из общего понятия пространственно-экономических трансформаций необходима по причине отсутствия в региональной экономике, а также смежных областях экономических наук адаптированного из физико-метрической и экономико-географической предметной сферы определения данного процесса.

Пространственный дрейф представляет собой совокупность динамических характеристик процессов, приводящих к усилению или ослаблению взаимодействия групп территориальных объектов относительно ядра региональной пространственно-экономической системы. Ядром региональной системы может являться административный центр, крупный промышленный город, прочий крупный населенный пункт, продуцирующий в экономическое пространство импульсы развития для периферийных территорий.

Дрейф территориальных объектов в границах региона происходит в разном направлении – в зависимости от действия факторов внешней и внутренней среды. Стимулировать пространственный дрейф в границах региональной системы могут социально-экономические разрывы в уровне развития отдельно взятых территорий. Ярким примером дрейфа является классическое явление «население голосует ногами».

Выделим основные типы векторов в характеристике пространственного дрейфа территорий системы «центр – периферия».

1. Центробежный тип пространственного дрейфа. Представляет собой вектор, действие которого направлено в противоположную сторону от центра региона (ядра). Импульсы, распространяемые центральной территорией региона (административный центр, крупный торгово-промышленный город), по различным причинам (территориальная оторванность от центра, наличие на ближайшем расстоянии иного крупного населенного пункта, «гасящего» колебания, отсутствие развитой транспортной и иной коммуникационной инфраструктуры) не оказывают существенного

гравитационного влияния на развитие территорий, стремящихся к иным центрам экономического, социального или пространственного притяжения. В разные промежутки времени ситуация с направлением дрейфа может меняться и подлежит постоянному мониторингу и контролю. Как правило, территории, оторванные в пространственно-коммуникационном плане от центра (дальняя периферия) подвержены центробежному дрейфу. Их уровень социально-экономического развития обычно ниже, чем у территорий, находящихся ближе к центру. Однако при тяготении к другому центру (ядру) данное предположение не является актуальным. Получая достаточное стимулирование со стороны ближайшего иностемного ядра, территория не испытывает дефицита импульсов развития и начинает функционировать по автономному сценарию. Особый характер центробежного дрейфа присущ территориям, существенно отдаленным от всех центров региона, которые имеют приграничное положение и не испытывают импульсов к развитию. Как правило, данные территории имеют депрессивный или отстающий тип социально-экономической динамики.

2. Центростремительный тип пространственного дрейфа. Отличается от центробежного обратным направлением движения, т. е. к центру. Как правило, данное направление детерминировано кризисными явлениями в экономике, когда существование в нестабильной, турбулентной экономической среде вынуждает периферийные территории искать дополнительные источники стимулирования за счет территориально-смежных доноров. В российских условиях постоянной социально-экономической дифференциации предпочтительным для периферии является поддержка центра. Постоянное центростремительное движение (дрейф) периферии в сторону центра имеют ближайшие к нему территории. Именно транспортная доступность центра обеспечивает определенный запас социально-экономической прочности для «выживаемости» данных территорий, обеспечивая гравитационное взаимодействие.

3. Отсутствие дрейфа, статичное положение территории в экономическом пространстве. Условный третий вид дрейфа имеет следующие подвиды: краткосрочная и долгосрочная статичность. Краткосрочное статичное положение дрейфа фиксируется на период от 1–3 лет, долгосрочное – свыше 4 лет. Пространственный дрейф имеет статичное положение по следующим причинам: территории экономически самостоятельны и не нуждаются в дополнительных импульсах (развитый производственный сектор, дополненный третичным); сбалансированность отраслей гарантирует социальный баланс (кадровый спрос, предложение; среднерегionalный уровень заработной платы); территории имеют стабильный уровень социально-экономического развития автаркичного плана, ввиду отдаленного пространственного расположения от близлежащих центров.

Получить количественную интерпретацию и ранжировать периферийные территории исследуемого Ставропольского края по уровню взаимодействия центра и периферии и характеру пространственного дрейфа позволит физическая модель гравитационного притяжения. В основе гравитационной модели лежит принцип оценки потенциала взаимодействия, согласно которому данное поле детерминирует различную силу притяжения между территориями и обеспечивает разные условия для их социально-экономического развития исходя из «объемов взаимодействия» и «объемов принятых импульсов».

Традиционная гравитационная модель показывает степень притяжения между двумя территориями: она обратно пропорциональна расстоянию между ними, взятому в некоторой степени. Основополагающей в данной модели является проблема идентификации притягивающей и отталкивающей силы, которая составляет основу пространственного дрейфа и факторов, ее определяющих.

Модель имеет следующий вид:

$$D_{ij} = \frac{P_i \times P_j}{R_{ij}^2} \cdot A,$$

где D_{ij} – сила притяжения между периферийными территориями и центром; P_i, P_j – численность населения периферийной территории и центра, чел.; R_{ij}^2 – расстояние между периферийной территорией и центром, км; A – коэффициент соответствия.

В качестве коэффициента соответствия нами был выбран показатель связности дорожной сети территории:

$$A_i = \frac{I_i}{S_i},$$

где I_i – протяженность автодорог общего пользования местного значения на периферийной территории, км; S_i – площадь муниципального образования (периферии), км².

В процессах территориального обособления особую роль играет наличие развитой дорожной инфраструктуры (притягивающий фактор) и расстояние периферийных территорий от центра (отталкивающий фактор).

Наиболее часто гравитационная модель используется для оценки уровня межрегиональных миграционных потоков, объемов внешней торговли (гравитационная модель Шеффле, модель Рейли). Модель модифицируется в зависимости от целей исследования, является адаптивной, опирается на статистические данные и имеет высокий уровень информативности, релевантности и сопоставимости.

Для оценки силы пространственного притяжения (гравитации) между периферийными территориями Ставропольского края нами был проведен

расчет гравитационной модели по статистическим данным за период 2009–2016 гг. Центральным объектом по численности населения, уровню социально-экономического развития является г. Ставрополь. Территориально он не занимает срединное положение на карте края, по этой причине нами были проведены дополнительные расчеты для территорий дальней периферии (на расстоянии более чем 120 км от г. Ставрополя) с выделением дополнительных центральных объектов так называемого второго эшелона – г. Буденновск, г. Георгиевск.

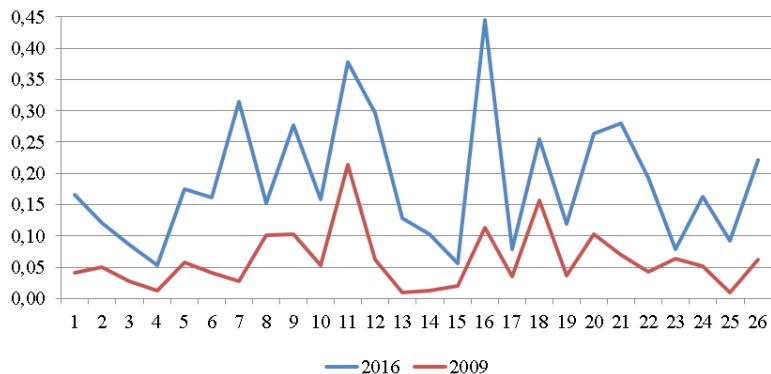
Расстояние между территориями оценивалось как расстояние по трассе между центром (ядром) региона и административным центром периферии (муниципальным районом или городским округом).

При выборе статистических данных нами была зафиксирована следующая тенденция: показатель протяженности дорог с твердым покрытием имеет растущий тренд на периферийных территориях, при этом в региональном центре ситуация обратная. Сокращение протяженности внутригородских дорог регионального центра влияет на уровень социально-экономического развития региона в целом. Дорожная сеть является существенным условием для расширения экономических связей, повышения конкурентоспособности и общего имиджа территории. Развитие дорог в регионе прямо пропорционально уровню развития его экономики. Чем выше уровень развития регионального центра, тем сильнее импульсы в сторону периферии.

Также обращает на себя внимание изменение численности населения периферийных территорий дальнего порядка, при этом в зоне ближней периферии (до 120 км или 2-часовой изолинии транспортной доступности) рост отмечается только в половине территорий (Труновском, Кочубеевском, Шпаковском районах).

Указанные моменты повлияют на результаты расчета гравитационной модели (усилят или ослабят показатель гравитационной силы). Показатель связности дорожной сети характеризует транспортную обеспеченность региона. Он графически представлен на рисунке 1. При сопоставлении данных за 2009 и 2016 гг. наглядно виден прирост протяженности дорог: максимальное значение показателя на единицу площади территории в 2009 г. отмечалось в Кировском районе (0,21), минимальное – в Красновардейском (0,008). В 2016 г. лидирующую позицию по уровню связности дорожной сети занимал Минераловодской городской округ (0,45), минимальное значение – у Левокумского района (0,06).

Для качественной и комплексной интерпретации результатов мы руководствовались генеральной задачей: определить характер гравитационного тренда с целью идентификации типа дрейфа, его направления и силы притяжения. Для этого вся совокупность результатов нами была распределена на три группы. Опишем их.

1. Александровский м. р.⁵ / Aleksandrovsky m. d.
2. Андроповский м. р. / Andropovsky m. d.
3. Апанасенковский м. р. / Apanasenkovsky m. d.
4. Арзгирский м. р. / Arzgirsky m. d.
5. Благодарненский г. о. / Blagodarnensky c. d.
6. Буденновский м. р. / Budennovsky m. d.
7. Георгиевский г. о. / Georgievsky c. d.
8. Грачевский м. р. / Grachevsky m. d.
9. Изобильненский г. о. / Izobilnensky c. d.
10. Ипатовский г. о. / Ipatovsky c. d.
11. Кировский г. о. / Kirovsky c. d.
12. Кочубеевский м. р. / Kochubeyevsky m. d.
13. Красногвардейский м. р. / Krasnogvardeysky m. d.

14. Курский м. р. / Kursky m. d.
15. Левокумский м. р. / Levokumsky m. d.
16. Минераловодский г. о. / Mineralovodsky c. d.
17. Нефтекумский г. о. / Neftekumsky c. d.
18. Новоалександровский г. о. / Novoaleksandrovsky c. d.
19. Новоселицкий м. р. / Novoselitsky m. d.
20. Петровский г. о. / Petrovsky c. d.
21. Предгорный м. р. / Predgorny m. d.
22. Советский г. о. / Sovetsky c. d.
23. Степновский м. р. / Stepnovsky m. d.
24. Труновский м. р. / Trunovsky m. d.
25. Туркменский м. р. / Turkmenky m. d.
26. Шпаковский м. р. / Shpakovsky m. d.

Р и с. 1. Показатель связности дорожной сети периферийных территорий Ставропольского края по данным 2009 и 2016 гг.

F i g. 1. Indicator of connectivity of the road network of the peripheral territories in the Stavropol Territory according to the 2009 and 2016 data

⁵ Здесь и далее в статье: м. р. – муниципальный район, г. о. – городской округ / Hereinafter in the article: m. d. – municipal district, c. d. – city district.

1. По типу дрейфа (центробежный, центростремительный, статичное положение). Отнесение территорий к определенной группе осуществлялось на основе визуальных эффектов (построение графика с трендовой кривой) и сопоставления расчетных значений. Динамические характеристики тренда могут иметь волновой характер (повышаться или понижаться), что является естественным процессом, и характеризуют жизнедеятельность внутрирегионального пространства. Решающим идентифицирующим является последний этап (2013–2016 гг.): при устойчивом приросте показателя гравитации территории ясно демонстрируют стремление к центру притяжения (центростремительный дрейф), при поступательном снижении показателя гравитации тренд мы характеризуем как центробежный, отталкивающий периферию от ядра. Инертный тренд представляет собой статичное поддерживающее состояние дрейфа.

2. По направлению гравитационного притяжения. Данный аспект формирует цельную характеристику дрейфа за счет привнесения вербально-описательной компоненты. Определение центра притяжения напрямую влияет на уровень интенсивности исходящих от него импульсов и степень взаимодействия между территориями. Крупные центры предоставляют большие возможности социального и экономического характера: возможность трудовой миграции, более высокий уровень жизни и доступности социальных услуг. Они также передают экономические импульсы на периферию: инновации, инвестиционные ресурсы, технологии, преимущества рыночного пространства, внешние связи и т. п. В ситуации, когда в роли ядра гравитационной модели выступает административный центр периферийной территории (центры второго и третьего порядков) в силу своей ближайшей локации, гравитационное поле может иметь гораздо меньший потенциал.

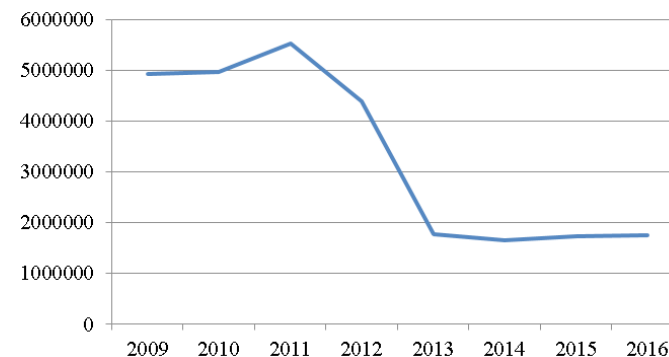
3. По силе притяжения. Данная характеристика дает возможность разделить всю совокупность результатов в порядке убывания или возрастания сил притяжения и отталкивания. Процесс отталкивания применим для центробежного дрейфа, когда периферийная территория снижает зависимость от центра или меняет ядро притяжения.

В зависимости от силы мы выделяем следующие группы территорий: первого порядка (для наибольшего значения), второго порядка (средние значения), третьего порядка (минимальные показатели).

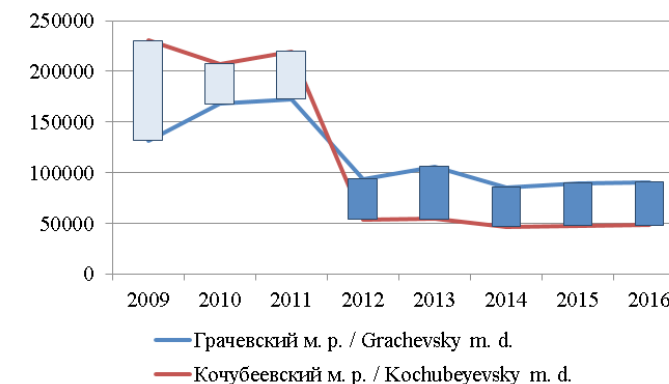
В таблице 1 представлены итоговые расчетные данные для периферийных территорий Ставропольского края с трендом, характерным для центростремительного дрейфа. Рисунки 2–5 дают графическое представление о конструкции данного типа дрейфа: хвост кривой (2013–2016 гг.) направлен вверх, т. е. очевиден рост притяжения между территориями.

Таблица 1. Результаты расчета гравитационной модели периферийных территорий Ставропольского края (центростремительный дрейф, центр – г. Ставрополь), 2009–2016 гг.
Table 1. Results of the gravitational model calculation for the peripheral territories in the Stavropol Territory (centripetal drift, the city of Stavropol being the center), 2009–2016

Периферийные территории / Peripheral territories	Степень гравитации / Degree of gravitation									
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016		
Нефтекумский г. о. / Neftekumsky c. d.	13 968	15 577	9 444	8 208	7 029	5 574	5 848	5 798		
Буденновский м. р. / Budennovsky m. d.	34 650	28 017	26 548	16 463	11 476	8 610	8 541	8 635		
Благодарненский г. о. / Blagodatnensky c. d.	30 756	30 614	30 763	9 966	9 655	8 486	8 694	9 436		
Ипатовский г. о. / Ipatovskiy g. o. /	41 960	41 624	41 093	30 279	13 570	11 836	11 988	12 567		
Ираровский с. д.	23 986	25 141	22 222	15 424	15 847	14 612	15 112	15 135		
Новоалександровский г. о. / Novoaleksandrovsky c. d.	16 060	15 983	17 212	5 519	5 475	4 863	5 031	5 097		
Новоселицкий м. р. / Novoselitsky m. d.	17 183	17 190	15 035	3 437	3 489	3 146	3 256	3 301		
Советский г. о. / Sovetsky c. d.	27 467	27 573	10 153	2 659	3 463	3 206	3 301	3 381		
Курский м. р. / Kursky m. d.	92 722	49 128	39 168	9 980	9 645	8 157	8 329	8 660		
Туркменский м. р. / Turkmensky m. d.	72 523	72 758	74 003	38 191	28 810	25 868	26 923	27 012		
Петровский г. о. / Petrovskiy g. o. /	4926376	4965249	5524561	4378588	1771559	1657087	1731505	1741241		
Шпаковский м. р. / Shpakovsky m. d.	131 750	167 890	172 638	93 810	106 282	85 880	89 677	90 862		
Грачевский м. р. / Grachevsky m. d.	230 247	207 457	219 611	53 871	54 456	46 865	47 798	48 249		
Кочубеевский м. р. / Kochubeyevsky m. d.										

Р и с. 2. Центростремительный дрейф первого порядка (центр – г. Ставрополь), Шпаковский район
Fig. 2. The first-order centripetal drift (the city of Stavropol being the center), Shpakovsky district

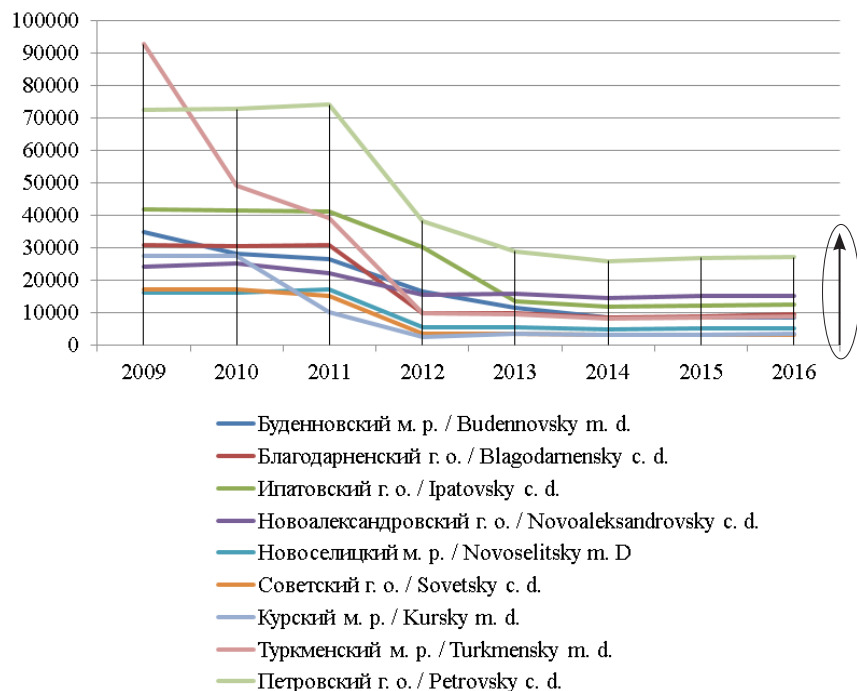
Р и с. 3. Центростремительный дрейф второго порядка (центр – г. Ставрополь)
Fig. 3. The second-order centripetal drift (the city of Stavropol being the center)

К территориям с центростремительным типом дрейфа первого порядка (максимальное значение гравитации) можно отнести только Шпаковский район (показатель гравитации 5 524 561 в 2011 г., 1 741 241 – в 2016 г., что также является самым высоким результатом). Шпаковский район входит в состав ближней периферии, имеет пригородную локализацию

относительно центра и соответственно испытывает наибольшие социально-экономические импульсы.

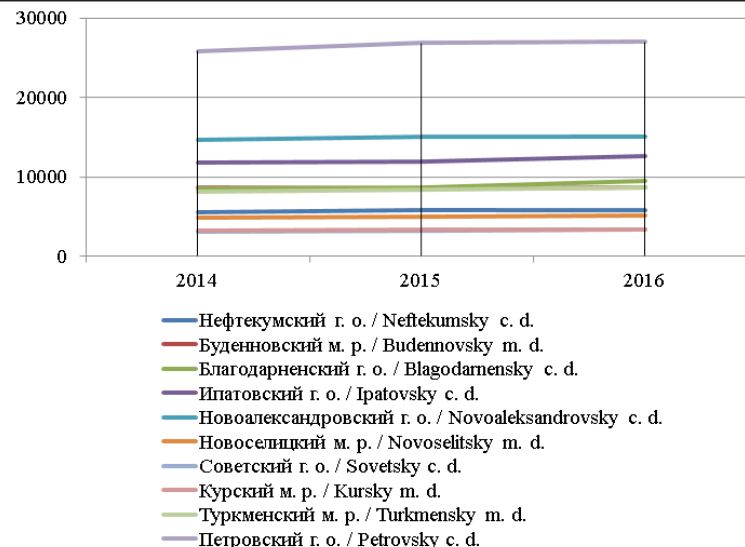
Центростремительный дрейф второго порядка характерен для двух периферийных территорий – Грачевского и Кочубеевского муниципальных районов (колебание гравитации составляет от 230 247 до 46 865), данные территории демонстрируют незначительную волатильность силы гравитации в период с 2011 по 2016 г., что свидетельствует о постоянном тесном взаимодействии с центром.

Центростремительный дрейф третьего порядка присущ для большой группы периферийных территорий (10), что позволяет сделать вывод о высоком уровне влияния центра (г. Ставрополь) на периферийные территории, сильной зависимости периферии от сетевых эффектов административного центра. Центростремительное притяжение у данной группы территорий возникает только с 2013 г.

Р и с. 4. Центростремительное направление дрейфа третьего порядка (центр – г. Ставрополь)

F i g. 4. Centripetal direction of the third-order drift (the city of Stavropol being the center)

Р и с. 5. Центростремительный дрейф третьего порядка (приближение)

F i g. 5. The third-order centripetal drift (approximation)

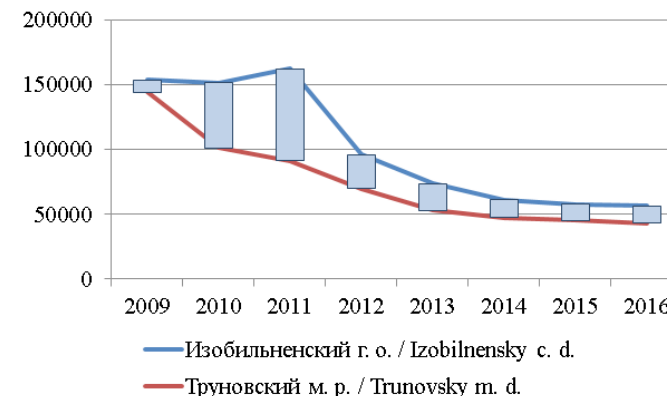
Общим для всех периферийных территорий, имеющих центростремительное направление пространственного дрейфа, является фаза падения, т. е. резкое снижение силы притяжения к центру (г. Ставрополь). Большинство периферийных территорий имели более тесную связь с центром в период с 2009 по 2012 г., т. е. с ростом показателя связности дорожной сети периферия приобретает существенную пространственную самостоятельность, продуцирует собственные социально-экономические импульсы. Однако в 2012–2013 гг. центр снова укрепляет свои гравитационные связи. Можно предположить, что данный процесс был детерминирован последствиями экономического кризиса, введением санкционных экономических мер, что усилило обособленность локальных пространственно-экономических подсистем.

В таблице 2 объединены итоговые расчетные данные по территориям, для которых выявлено центробежное направление дрейфа. Массив включает 12 периферийных территорий с ниспадающим трендом, при этом волатильность гравитации свидетельствует о наличии сложных процессов в их экономическом пространстве. Данные территории как бы отталкиваются от центра и снижают свою социально-экономическую зависимость от него. Постепенное ослабление гравитационного поля между данной группой периферийных территорий обусловлено различными причинами и является индивидуальным процессом.

Таблица 2. Результаты расчета гравитационной модели периферийных территорий Ставропольского края (центробежный дрейф, центр – г. Ставрополь), 2009–2016 гг.
Table 2. Results of the gravitational model calculation for the peripheral territories in the Stavropol Territory (centrifugal drift, the city of Stavropol being the center), 2009–2016

Периферийные территории / Peripheral territories	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Минераловодский г. о. / Mineralovodsky c. d.	25 593	25 519	26 539	7 544	7 789	7 017	6 696	6 660
Арзирский м. р. / Arz- girsky m. d.	22 671	22 440	22 808	7 138	7 112	5 135	5 193	5 144
Буденновский м. р. / Budenovsky m. d.	15 209	12 314	26 548	16 463	11 476	8 610	8 541	8 501
Апанасенковский м. р. / Apanasenkovsky m. d.	23 834	23 592	22 552	9 682	8 987	6 791	6 963	6 826
Георгиевский г. о. / Geor- gievsky c. d.	45 816	46 114	16 344	10 280	5 278	4 659	4 742	4 327
Левокумский м. р. / Levo- kumsky m. d.	18 089	12 025	11 526	9 214	7 040	6 268	6 303	6 229
Предгорный м. р. / Pred- gorny m. d.	22 471	21 363	22 461	7 422	7 019	5 809	6 020	5 810
Александровский м. р. / Aleksandrovsky m. d.	64 754	64 824	66 217	25 127	17 373	15 076	15 306	15 245
Андроповский м. р. / An- drovsky m. d.	31 950	31 169	31 983	23 916	14 669	12 984	13 829	13 087
Красногвардейский м. р. / Krasnogvardeysky m. d.	159 674	80 666	77 965	15 002	13 116	11 278	10 796	10 650
Изобильненский г. о. / Izobilnensky c. d.	153 538	151 218	162 156	96 133	73 471	60 920	57 855	56 558
Труновский м. р. / Tru- novsky m. d.	143 925	100 886	91 040	69 825	53 011	47 521	45 093	43 244

Изобильненский городской округ имеет наиболее выгодное расположение (2-часовая изолиния транспортной доступности) в сравнении с прочими территориями, вошедшими в данную группу, однако процесс снижения силы гравитации носит перманентный характер. Вместе с Труновским муниципальным районом Изобильненский городской округ входит в группу территорий с наибольшей силой отталкивания от центра (от 162 156 до 43 244). На рисунке 6 наглядно представлено зафиксированное снижение силы гравитации.

Р и с. 6. Центробежное направление дрейфа первого порядка (центр – г. Ставрополь)

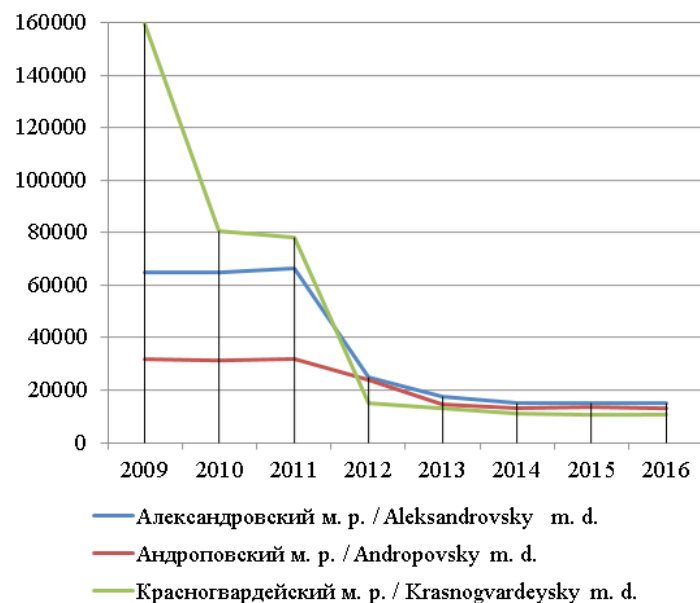
F i g. 6. Centrifugal direction of the first-order drift (the city of Stavropol being the center)

Центробежное направление дрейфа второго порядка (максимум – 159 674, минимум – 10 650) в результате расчетов было выявлено у Александровского, Андроповского, Красногвардейского муниципальных районов (рис. 7). Резкое снижение сил гравитации зафиксировано вплоть до 2012 г., позже линия тренда снижается равномерно. Территории имеют различные базовые характеристики (природно-климатические, ресурсные и прочие), однако тенденции схожие и требуют дополнительного изучения.

Центробежное направление пространственного дрейфа с наименьшей силой гравитации (46 114 – 4 327) выявлено для периферийных территорий на рис. 8. Ситуация с трендом идентична с предыдущими группами: резкий волнообразный спад до 2012 г. и продолжающееся далее постепенное снижение.

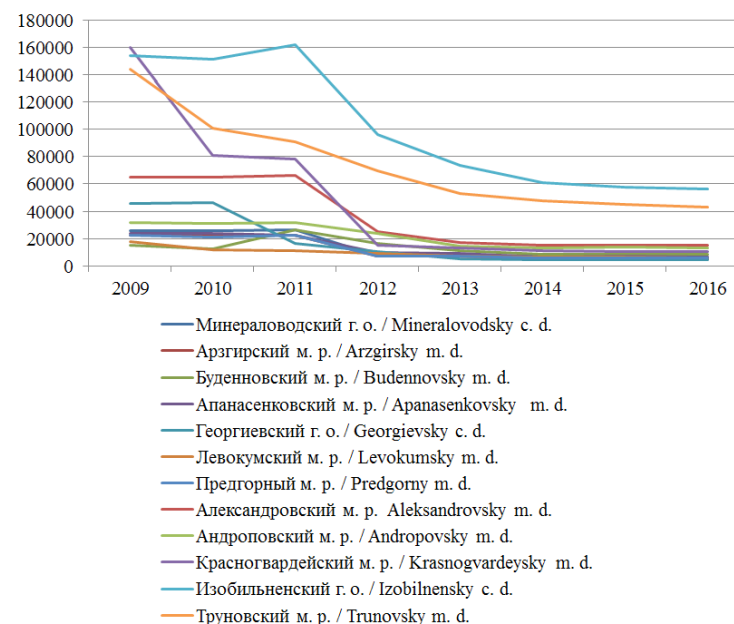
Общий вывод для территорий, испытывающих центробежный дрейф, состоит в вероятности формирования нового центра притяжения, который мог бы значительно снизить зависимость и минимизировать процессы взаимодействия с административным центром региона. Данное «переформатирование» территории возможно при условии развитого промышленного сектора при поддержке третичного сектора экономики и развитой транспортной инфраструктуры выделенных территорий.

Статичность как положение дрейфа представляет собой постоянство и пассивность кривой гравитации. В состав группы с данным типом дрейфа вошли две периферийные территории – Кировский городской округ и Степновский муниципальный район. Сила притяжения к центру (г. Ставрополь) низкая: максимум – 2 863, минимум – 1 604 (рис. 9). Территории граничат друг с другом, образуя препятствия для Курского муниципального района, который входит в группу с центростремительным направлением дрейфа.

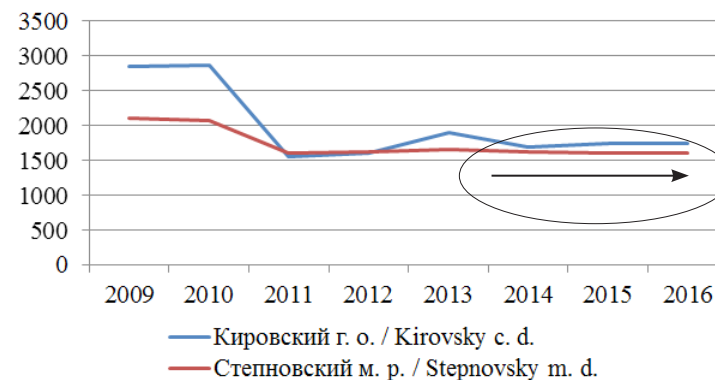
Р и с. 7. Центробежное направление дрейфа второго порядка (центр – г. Ставрополь)

F i g. 7. Centrifugal direction of the second-order drift (the city of Stavropol being the center)

Р и с. 8. Центробежное направление дрейфа третьего порядка (центр – г. Ставрополь)

F i g. 8. Centrifugal direction of the third-order drift (the city of Stavropol being the center)

Р и с. 9. Статичное положение дрейфа (центр – г. Ставрополь)

F i g. 9. Static position of the drift (the city of Stavropol being the center)

Вариативность и видовое многообразие полученных расчетных результатов позволяют сделать вывод об активности пространственных процессов, протекающих в экономике Ставропольского края. Гравитационная модель дает представление об общих направлениях и тенденциях пространственных процессов в системе «центр – периферия».

Обсуждение и заключение. Для подтверждения результатов целесообразно проверить данные расчетов на уровень корреляции между целевыми показателями и величиной гравитации.

В качестве целевых показателей нами были выделены следующие:

- внутрирегиональный миграционный поток, чел.;
- среднемесячная заработная плата, руб.;
- инвестиции в основной капитал, тыс. руб.;
- объем производства промышленной продукции, тыс. руб.;
- объем производства сельскохозяйственной продукции, тыс. руб.

Корреляционный анализ позволит выявить наличие линейной связи между переменными, а также вид этой связи в зависимости от значения коэффициента корреляции: прямая связь (стремится к 1); обратная связь (стремится к -1), связь отсутствует (минимальные значения, близкие к 0). В таблице 4 представлены результаты расчета коэффициента корреляции между уровнем гравитационного притяжения и отобранными индикаторами. Подавляющее большинство результатов имеют отрицательное значение, что говорит о наличии отрицательной связи, т. е. при снижении (увеличении) одной переменной происходит увеличение (снижение) другой. В нашем случае необходимо проследивать тенденцию каждого показателя, чаще всего встречается следующая ситуация: снижение гравитации детерминирует рост отдельных индикаторов (например, в Апанасенковском районе снижается отрицательная внутрирегиональная миграция, растут среднемесячная заработная плата и остальные показатели). Однако выявлены и другие закономерности. В Александровском муниципальном районе идентифицирована положительная корреляционная связь между уровнем гравитации и миграционным приростом. В целом можно отметить наличие сильной корреляционной связи между расчетным значением пространственной гравитации и статистическими целевыми показателями, что подтверждает нашу гипотезу о взаимозависимом притяжении периферийных территорий в системе «центр – периферия».

В ходе аналитической процедуры нами было выдвинуто очередное предположение: на территории региона существуют несколько центров притяжения, сами периферийные территории (их административные центры) могут являться сильными объектами гравитации. Для подтверждения данной гипотезы мы разделили всю совокупность периферийных территорий на зоны в зависимости от их локации (принцип 2-часовой изолинии транспортной доступности).

Таблица 4. Коэффициент корреляции гравитационного притяжения и целевых индикаторов по периферийным территориям Ставропольского края
Table 4. Correlation coefficient of gravitational attraction and target indicators for the peripheral territories in the Stavropol Territory

Периферийные территории / Peripheral territories	Миграционный прирост / Migration gain	Среднемесячная заработная плата / Average monthly salary	Инвестиции в основной капитал / Fixed investment	Объем сельскохозяйственной продукции / Agricultural output	Объем промышленной продукции / Industrial output
1	2	3	4	5	6
Александровский м. р. / Aleksandrovsky m. d.	0,70	-0,78	-0,67	-0,92	-0,76
Андроповский м. р. / Andropovsky m. d.	-0,22	-0,85	-0,01	-0,69	-0,59
Апанасенковский м. р. / Apanasenkovsky m. d.	-0,93	-0,80	-0,68	-0,81	-0,94
Арзгирский м. р. / Arzgirsky m. d.	-0,88	-0,88	-0,80	-0,89	-0,95
Благодарненский г. о. / Blagodatnensky c. d.	-0,05	-0,48	-0,89	-0,45	-0,49
Буденновский м. р. / Budenovsky m. d.	-0,82	-0,87	-0,68	-0,88	-0,73
Георгиевский г. о. / Georgievsky c. d.	0,00	-0,65	-0,77	-0,58	-0,70
Грачевский м. р. / Grachevsky m. d.	-0,72	-0,56	-0,41	-0,44	-0,69
Изобильненский г. о. / Izobilnensky c. d.	-0,79	-0,94	-0,67	-0,86	-0,75
Ипатовский г. о. / Ipatovsky c. d.	-0,32	-0,70	-0,49	-0,57	-0,62
Кировский г. о. / Kirovsky c. d.	-0,42	0,15	0,21	0,19	-0,76
Кочубеевский м. р. / Kochubeyevsky m. d.	-0,77	-0,82	-0,62	-0,84	-0,95

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5	6
Красногвардейский м. р. / Krasnogvardeysky m. d.	-0,91	-0,91	-0,75	-0,48	-0,93
Курский м. р. / Kursky m. d.	0,38	0,53	0,48	0,56	0,35
Левокумский м. р. / Levokumsky m. d.	-0,79	-0,81	-0,37	-1,00	-0,77
Минераловодский г. о. / Mineralovodsky c. d.	0,36	-0,53	0,90	-0,88	-0,82
Нефтекумский г. о. / Neftekumsky c. d.	-0,73	-0,68	-0,47	-0,90	-0,95
Новоалександровский г. о. / Novoaleksandrovsky c. d.	-0,44	-0,43	-0,32	-0,32	-0,77
Новоселицкий м. р. / Novoselitsky m. d.	-0,71	-0,70	0,01	-0,84	-0,85
Петровский г. о. / Petrovsky c. d.	-0,44	-0,69	-0,42	-0,70	-0,67
Предгорный м. р. / Predgorny m. d.	-0,50	-0,93	-0,70	-0,85	-0,92
Советский г. о. / Sovetsky c. d.	-0,80	-0,59	-0,58	-0,48	-0,86
Степновский м. р. / Stepnovsky m. d.	-0,97	-0,56	-0,46	-0,45	-0,71
Труновский м. р. / Trunovsky m. d.	0,43	-0,84	-0,64	-0,68	-0,83
Туркменский м. р. / Turkmensky m. d.	-0,76	-0,72	-0,29	-0,54	-0,88
Шпаковский м. р. / Shpakovsky m. d.	-0,50	-0,61	-0,42	-0,21	-0,64

Примечание. **0,38** – наличие положительной связи; -0,73 – отрицательная связь; -0,20 – отсутствие связи; от -0,2 до 0,2 – очень слабая связь (практически отсутствует); от 0,2 (-0,2) до 0,5 (-0,5) – слабая корреляционная связь; от 0,5 (-0,5) до 0,7 (-0,7) – средняя связь; от 0,7 (-0,7) до 0,9 (-0,9) – высокая связь; от 0,9 (-0,9) до 1 (-1) – очень высокая корреляция.

Note. **0,38** – existence of a positive correlation; -0,73 – negative correlation; -0,20 – no correlation; from -0,2 to 0,2 – very weak correlation (it is almost absent); from 0,2 (-0,2) to 0,5 (-0,5) – weak correlation; from 0,5 (-0,5) to 0,7 (-0,7) – medium correlation; 0,7 (-0,7) to 0,9 (-0,9) – high correlation; from 0,9 (-0,9) to 1 (-1) – very high correlation.

В результате были выделены два дополнительных центра притяжения и обозначены прилегающие к ним периферийные территории:

– Минераловодская зона – включает следующие территории: Георгиевский, Кировский, Советский городские округа, Андроповский, Новоселицкий, Курский, Предгорный муниципальные районы;

– Буденновская зона – Буденновский, Арзгирский, Степновский, Левокумский, Курский муниципальные районы, Благодарненский, Нефтекумский городские округа.

В ходе расчетов нами были идентифицированы периферийные территории с высоким уровнем гравитационного притяжения к новому центру. В данном случае г. Минеральные Воды продуцирует большее притяжение для четырех близлежащих территорий (Георгиевский, Кировский, Советский городские округа, Предгорный муниципальный район), чем г. Ставрополь. Динамические характеристики расчетов идентифицируют вид пространственного дрейфа как центробежный, прослеживается тенденция обособления периферийных территорий, формирования новых пространственных архетипов.

Расчеты для Буденновской зоны выявили превышение гравитационного притяжения только у Левокумского муниципального района, дрейф также носит центробежный характер.

Очевидно, что наравне с региональным крупнейшим центром пространственного притяжения существуют альтернативные локальные центры (второго порядка) с ориентацией на близлежащие территории. Физические расстояния не позволяют всей периферии получать одинаковые социально-экономические импульсы от единого ядра, по этой причине данную роль выполняют доступные крупные поселения в границах региона (межпериферийная гравитация) или за его пределами (межрегиональная гравитация).

В результате исследования были выдвинуты и верифицированы несколько гипотез. Первая гипотеза содержала предположения о существовании дрейфующих импульсов различного характера от развитого центра к более отсталой периферии, что было подтверждено расчетными данными гравитационной модели. Вторая гипотеза опиралась на конкретные видовые особенности дрейфа (тип, направление, силу), что также было подкреплено расчетным и графическим материалом. Третья гипотеза была выдвинута с целью идентификации дополнительных «маяков» социально-экономического притяжения в регионе, что позволило провести дополнительные расчеты и выявить населенные пункты, оказывающие большее пространственное воздействие на близлежащие периферийные территории, чем административный центр. Дискуссионный характер имеет последняя гипотеза, которая содержит предположение о наличии прямой корреляционной связи между силой

гравитации и целевыми индикаторами периферийных территорий. Корреляционный анализ выявил наличие отрицательной зависимости по подавляющему большинству территорий, что является основанием для более тщательного изучения силы гравитации в последующих наших исследованиях.

Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их применения в качестве аналитической базы для обоснования целесообразности реализации проектного подхода к стимулированию периферийных территорий, что позволит повысить эффективность данных проектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Земцов С. П., Бабулин В. Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 1. С. 117–138. DOI: <https://doi.org/10.17059/2016-1-9>
2. Гранберг А. Г. Становление в России научного направления «пространственная экономика» // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2009. Т. 2, № 26. С. 18–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12903552> (дата обращения: 16.04.2018).
3. Гранберг А. Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. 2009. № 2. С. 166–178. URL: <http://recis.ru/index.php/region/index/2009> (дата обращения: 13.05.2018).
4. Оценка и анализ неравномерности развития регионов Украины / Т. С. Клебанова [и др.] // Актуальные проблемы экономики. 2009. № 5. С. 162–167. URL: http://dspace.ubs.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/843/1/klebanova_estimation_and.pdf (дата обращения: 13.05.2018).
5. New Economic Geography, Empirics and Regional Policy / S. Brakman [et al.]. Hague: Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis, 2005. 72 p. URL: http://www.kdi.re.kr/data/download/attach/8471_cu8469-1-2.pdf (дата обращения: 21.08.2017).
6. Capello R. Regional Economics in its 1950s: Recent Theoretical Directions and Future Challenges // The Annals of Regional Science. 2008. Vol. 42, issue 4. Pp. 747–767. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-007-0185-8>
7. Combes P. P., Mayer T., Thisse J.-F. Economic Geography: The Integration of Regions and Nations. Princeton: Princeton University Press, 2008. 416 p. URL: <https://press.princeton.edu/titles/8765.html> (дата обращения: 13.05.2018).
8. Hanson G. Market Potential, Increasing Returns, and Economic Concentration // Journal of International Economics. 2005. Vol. 67, issue 1. Pp. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2004.09.008>
9. Garretsen H., Martin R. Rethinking (New) Economic Geography Models: Taking Geography and History More Seriously // Spatial Economic Analysis. 2010. Vol. 5, no. 2. Pp. 127–160. DOI: <https://doi.org/10.1080/17421771003730729>

10. Masot A. N., Alonso G. C. The Rural Development Policy in Extremadura (SW Spain): Spatial Location Analysis of Leader Projects International // Journal of Geo-Information. 2018. Vol. 7, issue 2. Pp. 76. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijgi7020076>
11. Colin J. Spatial Economy and the Geography of Functional Economic Areas // Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science. 2017. Vol. 44, issue 3. Pp. 486–503. DOI: <https://doi.org/10.1177/0265813516642226>
12. Delgado M., Porter M. E., Stern S. Clusters and Entrepreneurship // Journal of Economic Geography. 2010. Vol. 10, issue 4. Pp. 495–518. DOI: <http://doi.org/10.1093/jeg/lbq010>
13. Head K., Mayer T. The Empirics of Agglomeration and Trade // The Handbook of Regional and Urban Economics. 2004. Vol. 4. Pp. 2609–2669. URL: <https://econpapers.repec.org/bookchap/eeeregchp/4-59.htm> (дата обращения: 21.04.2018).
14. Setyono J. S., Yunus H. S., Giyarsih S. R. The Spatial Pattern of Urbanization and Small Cities Development in Central Java: A Case Study of Semarang-Yogyakarta-Surakarta Region // Geopanning: Journal of Geomatics and Planning. 2016. Vol. 3, no. 1. Pp. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.14710/geopanning.3.1.53-66>
15. Revealing Centrality in the Spatial Structure of Cities from Human Activity Patterns / Ch. Zhong [et al.] // Urban Studies. 2017. Vol. 54, issue 2. Pp. 437–455. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098015601599>
16. Шумилов А. В. Оценивание гравитационных моделей международной торговли: обзор основных подходов [Электронный ресурс] // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21, № 2. С. 224–250. URL: <https://ej.hse.ru/2017-21-2/207118214.html> (дата обращения: 20.05.2018).
17. Потапова И. А., Бояршинова И. Н., Исмагилов Т. Р. Методы моделирования транспортного потока [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2016. № 10 (часть 2). С. 338–342. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=40856> (дата обращения: 25.05.2018).

Поступила 20.09.2018; принята к публикации 26.10.2018; опубликована онлайн 29.03.2019.

Об авторе:

Казаков Михаил Юрьевич, докторант кафедры экономики и внешнеэкономической деятельности ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0297-6299>, Researcher ID: R-1486-2018, lyasay21@yandex.ru

Для цитирования:

Казаков М. Ю. Гравитационное взаимодействие центра и периферии аграрно-индустриального региона: диагностика пространственно-экономического дрейфа территорий // Регионология. 2019. Т. 27, № 1. С. 30–57. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.030-057>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Zemtsov S.P., Baburin V.L. Assessing the Potential of Economic-Geographical Position for Russian Regions. *Ehkonomika regiona* = Economy of Region. 2016; 12(1):117-138. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17059/2016-1-9>
2. Granberg A.G. [Formation of the Scientific Field of “Spatial Economics” in Russia]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)* = The University Bulletin (State University of Management). 2009; 2(26):18-24. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12903552> (accessed 16.04.2018). (In Russ.)
3. Granberg A.G. Conceptual Base of the Program on Fundamental Issues of Spatial Development: Interdisciplinary Aspect Issued by the Presidium of the Russian Academy of Sciences. *Region: ehkonomika i sotsiologiya* = Region: Economics and Sociology. 2009; (2):166-178. Available at: <http://recis.ru/index.php/region/index/2009> (accessed 13.05.2018). (In Russ.)
4. Klebanova T.S., Guryanova L.S., Trunova T.N., Smirnova A.Yu. Estimation and Analysis of Unbalanced Regional Development in Ukraine. *Aktualnye problemy ehkonomiki* = Topical Issues of Economics. 2009; (5):162-167. Available at: http://dspace.ubs.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/843/1/klebanova_estimation_and.pdf (accessed 13.05.2018). (In Russ.)
5. Brakman S., Garretsen H., Gorter J., Horst A. van der, Schramm M. New Economic Geography, Empirics and Regional Policy. CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis. 2005. Available at: http://www.kdi.re.kr/data/download/attach/8471_cu8469-1-2.pdf (accessed 21.08.2017).
6. Capello R. Regional Economics in its 1950s: Recent Theoretical Directions and Future Challenges. *The Annals of Regional Science*. 2008; 42(4):747-767. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-007-0185-8>
7. Combes P.P., Mayer T., Thisse J.-F. Economic Geography: The Integration of Regions and Nations. Princeton : Princeton University Press. 2008; 416 p. Available at: <https://press.princeton.edu/titles/8765.html> (accessed 02.11.2018).
8. Hanson G. Market Potential, Increasing Returns, and Economic Concentration. *Journal of International Economics*. 2005; 67(1):1-24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2004.09.008>
9. Garretsen H., Martin R. Rethinking (New) Economic Geography Models: Taking Geography and History More Seriously. *Spatial Economic Analysis*. 2010; 5(2):127-160. DOI: <https://doi.org/10.1080/17421771003730729>
10. Masot A.N., Alonso G.C. The Rural Development Policy in Extremadura (SW Spain): Spatial Location Analysis of Leader Projects International. *Journal of Geo-Information*. 2018; 7(2):76 DOI: <https://doi.org/10.3390/ijgi7020076>
11. Colin J. Spatial Economy and the Geography of Functional Economic Areas. *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*. 2017; 44(3):486-503. DOI: <https://doi.org/10.1177/0265813516642226>
12. Delgado M., Porter M.E., Stern S. Clusters and Entrepreneurship. *Journal of Economic Geography*. 2010; 10(4):495-518. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeg/10.4.495>

13. Head K., Mayer T. The Empirics of Agglomeration and Trade. *The Handbook of Regional and Urban Economics*. 2004; 4:2609-2669. Available at: <https://econpapers.repec.org/bookchap/eeeregchp/4-59.htm> (accessed 21.04.2018).
14. Setyono J.S., Yunus H.S., Giyarsih S.R. The Spatial Pattern of Urbanization and Small Cities Development in Central Java: A Case Study of Semarang-Yogyakarta-Surakarta Region. *Geoplanning: Journal of Geomatics and Planning*. 2016; 3(1):53-66. DOI: <https://doi.org/10.14710/geoplanning.3.1.53-66>
15. Zhong Ch., Schlöpfer M., Arisana S.M., Batty M., Ratti C., Schmitt G. Revealing Centrality in the Spatial Structure of Cities from Human Activity Patterns. *Urban Studies*. 2017; 54(2):437-455. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098015601599>
16. Shumilov A.V. Estimating Gravity Models of International Trade: A Survey of Methods. *Ehkonomicheskij zhurnal vysshej shkoly ehkonomiki* = HSE Economic Journal. 2017; 21(2):224-250. Available at: <https://ej.hse.ru/2017-21-2/207118214.html> (accessed 20.05.2018). (In Russ.)
17. Potapova I.A., Boyarshinova I.N., Ismagilov T.R. Methods of Traffic Flow Modeling. *Fundamentalnye issledovaniya* = Basic Research. 2016; (10-2):338-342. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=40856> (accessed 25.05.2018). (In Russ.)

Submitted 20.09.2018; accepted for publication 26.10.2018; published online 29.03.2019.

About the author:

Mikhail Yu. Kazakov, Doctoral Candidate, Department of Economics and Foreign Economic Activity, North-Caucasus Federal University (1 Pushkina St., Stavropol 355009, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0297-6299>, Researcher ID: R-1486-2018, lyasay21@yandex.ru

For citation:

Kazakov M.Yu. Gravitational Interaction between the Center and the Periphery in an Agro-Industrial Region: Diagnostics of Spatial and Economic Drift of Territories. *Regionologiya* = Regionology. 2019; 27(1):30-57. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.030-057>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Анализ и оценка инновационной активности Краснодарского края

Н. С. Безуглая*

В. Г. Костюкевич

ЧОУ ВО «Южный институт менеджмента» (г. Краснодар, Россия),
*olimpia_n@mail.ru

Введение. Стремительная трансформация мировой экономической системы в smart-экономику актуализирует исследования направлений цифровизации экономики государства и регионов. Тенденции развития экономических отношений и систем требуют ускорения перехода на инновационный тип развития и формирования точек роста региональной экономики. Цель статьи – определить слабые звенья в этом процессе, вызывающие замедление процесса инноваций в Краснодарском крае.

Материалы и методы. В качестве основы анализа приняты исследования Российской академии народного хозяйства и государственной службы и Ассоциации инновационных регионов России, которые были проведены в 2017 г.

Результаты исследования. Определено, что рейтинги, сформированные методом экспертных оценок, показывают высокий уровень развития инновационной деятельности на территории края. Исследование на основе метода количественных оценок выявило более скромные показатели региона по отношению к лидерам инновационной активности. Анализ ситуации позволил обнаружить причины текущего состояния дел, вызванные недостаточной доступностью финансирования разработки инноваций, неразвитой банковской инфраструктурой, отсутствием интеграции бизнеса и власти при формировании индивидуального инновационного пути. Выделены слабые места в развитии региона – нехватка кадров необходимой квалификации для внедрения программы «Цифровая экономика», недостаточная корреляция региональной власти и бизнеса.

© Безуглая Н. С., Костюкевич В. Г., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Проведенный анализ позволил сделать выводы о наличии ряда проблем в развитии экономики края по инновационному пути. Перспективными направлениями дальнейшего исследования являются определение точек роста в региональной экономике нового типа и поиск методов формирования кадрового резерва с новыми компетенциями, а также методов прогнозирования будущих потребностей в кадрах необходимой квалификации. Статья представляет интерес для молодых ученых, магистрантов, управленцев, обеспечивающих подбор персонала в рамках перехода на цифровую экономику.

Ключевые слова: инновация, безопасность, инновационная активность, регион, инновационный менеджмент, стратегия развития, цифровизация, открытая система, закрытая система

Analysis and Evaluation of Innovative Activity in the Krasnodar Territory

N. S. Bezuglaya*, V. G. Kostyukevich

Yuzhny Institute of Management (Krasnodar, Russia),
*olimpia_n@mail.ru

Introduction. Rapid transformation of the world economic system into the smart economy adds relevance to research into the areas of digitalization of the economy of the state and regions. Trends in the development of economic relations and systems require acceleration of the transition to the innovative type of development and formation of growth points of the regional economy. The purpose of the article is to reveal the weak links in this process that cause a slowdown in the innovation process in the Krasnodar Territory.

Materials and Methods. The analysis was based on studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration and the Association of Innovative Regions of Russia, conducted in 2017.

Results. It has been identified that the ratings formed using the method of expert assessments show a fairly high level of development of innovative activity in the Krasnodar Territory. The study based on the method of quantitative assessments has shown poorer performance of the region compared to that of the leaders of innovation activity. An analysis of the situation made it possible to identify the causes of the current state of affairs, caused by the insufficient availability of funding for the development of innovations, by an undeveloped banking infrastructure and by the lack of integration of business and the government when forming an individual innovative way. The weaknesses in the development of the region have been identified: the lack of personnel having the qualifications necessary for the implementation of the Digital Economy program and the lack of correlation between regional government and business.

Discussion and Conclusion. The performed analysis made it possible to draw conclusions that there are a number of problems in the innovative development of the regional economy. The promising areas for further research are: identification of growth points in the regional economy of a new type and the search for methods for creating a personnel reserve with new competencies, as well as for methods for predicting future requirements for personnel having the necessary qualifications. The

article will be of interest to young scientists, undergraduates and managers providing recruitment of personnel as part of the transition to a digital economy.

Keywords: innovation, safety, innovation activity, region, innovative management, development strategy, digitalization, out-systems, in-systems

Введение. Инновационный менеджмент как стратегическая часть общего менеджмента существенно определяет направления развития региона наравне с устойчивостью развития. Постоянное повышение уровня применяемых технологий всех видов современного производства требует адекватного планирования и внедрения инноваций как технологического, так и продуктового порядка. История инновационного развития – это история развития человечества. Опыт показал, что те регионы, которые вовремя меняли традиционные технологии на прогрессивные, становились более успешными и устойчиво развивающимися [1]. Поэтому необходимы поиск новых направлений развития или реинжиниринг имеющегося производственного потенциала как постоянно поддерживаемый процесс¹. Цель настоящего исследования – выявить ключевые факторы, снижающие темпы инновационного развития региона.

Естественным образом важность поддержки инновационной активности на государственном уровне определяется необходимостью обеспечения национальной безопасности в части повышения конкурентоспособности экономики и качества жизни населения.

Региональная экономика как составляющая экономики страны нуждается в планировании и прогнозировании развития с учетом новейших трендов в науке и технике и постоянной активизации инновационной деятельности организаций. Инновации в современном мире повсеместны и охватывают все элементы хозяйственной системы, что актуализирует систематический анализ приоритетов развития конкретного региона.

Краснодарский край является преимущественно сельскохозяйственным регионом, имеющим свою научную базу. В тоже время современные тенденции перестройки мировой экономики в рамках пятого технологического уклада и перехода на инновационный путь делают традиционные методы получения дохода не столь эффективными. Инновации, принятые на вооружение, способны переформировать структуру экономической системы и выделить новые направления развития. Мировой опыт показывает, что инновационный путь способен разрушить экономику на краткосрочном периоде развития, поэтому наиболее отсталые регионы имеют больший потенциал точек роста, так как для развитых регионов это сопряжено с большими потерями [2].

¹ The 'New' Digital Economy and Development [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tn_unctad_ict4d08_en.pdf (дата обращения: 17.10.2018).

Краснодарский край – один из наиболее развитых регионов России, и перестройка экономики на инновационный путь развития в нем весьма затруднена. Это вызвано инертностью бизнеса в связи с высокой вероятностью значительных потерь при перестройке производств и экономических связей. Обычно такие развитые системы идут по пути реинжиниринга производства до тех пор, пока не окажутся в положении догоняющего. Уклонение от принятия кардинальных инноваций объясняется законом самосохранения, при реализации которого система избегает болезненных изменений до наступления критического момента².

Перейдем к анализу фактического состояния инновационного развития региона на основе данных Росстата и сопоставления исследований различных научных организаций. Это позволит определить текущее состояние инновационной активности, перспективы роста и направленность инноваций в регионе. Подобный сравнительный результат различных исследований и полученных ими данных необходим для выявления перспективных направлений развития инновационной активности края.

Обзор литературы. Последние годы научная мысль активно развивалась по направлению изучения инноваций в части цифровизации экономики, ускорения информационных потоков и смены требуемых компетенций специалистов. Трансформация экономики на переходе к шестому технологическому укладу подробно рассматривается академиком С. Ю. Глазьевым в докладах Изборскому клубу³, в которых он подробно исследует риски человечества в целом при переходе на цифру и актуализации вопросов изменения общественной формации. Бурный рост цифровых технологий и влияние этого процесса на формирование экономических взаимосвязей внутри государства исследуется Н. А. Журавлевой [3], К. В. Якушенко, А. В. Шиманской [4], С. П. Лапаевым⁴, Ю. В. Якутиным [5], Е. Д. Соложенцевым [6], А. Е. Зубаревым [7]. Региональный аспект цифровизации экономики также нашел отражение в работах многих современных ученых [1; 8–10]. Другую сторону цифровизации – организацию процессов внутри экономических систем, развитие smart-экономики – рассматривают Ю. А. Ковальчук, И. М. Степнов [11], В. П. Куприяновский, С. А. Синягов, С. И. Липатов, Д. Е. Намиот, А. О. Воробьев [12].

² New Vision for a Global Digital Economy Emerges at Smart China Expo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/new-vision-for-a-global-digital-economy-emerges-at-smart-china-expo-300706181.html> (дата обращения: 17.10.2018).

³ Глазьев С. Ю. Великая цифровая экономика [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/14013> (дата обращения: 29.10.2018).

⁴ Лапаев С. П. Цифровая экономика: концепция, цифровые технологии, цифровизация экономики // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всеросс. науч.-метод. конф. Оренбург, 2018. С. 2389–2391.

Исследование необходимости перехода на инновационный путь регионов и формирование научной основы организации цифровой экономики сопряжено с трудностью прогнозирования процесса диджитализации ввиду его непредсказуемости и специфики рождения изменений [13]. В новую эпоху драйверами изменений стали творческие личности, идеи которых легки в воплощении, не требуют огромных затрат и участия большого количества людей в процессах цифровизации. Именно этот аспект затрудняет составление прогнозов и определение необходимых векторов сопряжения элементов экономических систем регионов.

В российской практике в настоящее время внедряется программа «Цифровая экономика», которая предусматривает повышение открытости данных региональных властей для бизнеса и увеличение инновационной активности. Проблема цифровизации экономики заключается в высокой скорости изменений и медленном внедрении инноваций в государственный сектор, в результате чего наблюдается постоянное отставание темпов роста потребностей в открытой информации и готовности регионов предоставлять ее при переходе на инновационный тип развития.

Существует ряд ключевых исследований в части направлений развития страны и региона и определения места инновациям. В качестве основы для анализа текущей ситуации в регионе нами использованы Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»⁵, доклад РАНХиГС «Высокотехнологичный бизнес в регионах России» 2017 г.⁶, исследование Ассоциации инновационных регионов, «Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период»⁷. Последняя предлагает сформировать экономику края в рамках перехода на инновационный путь развития как smart-экономику с учетом мирового опыта⁸.

Материалы и методы. В докладе «Высокотехнологичный бизнес в регионах России» 2017 г. назван ряд крупнейших и наиболее успешных регионов по развитию высокотехнологичного бизнеса, «результаты политики которых могут стать точками несырьевого роста российской экономики в долгосрочной перспективе: Москва, Санкт-Петербург, Мо-

⁵ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

⁶ Научный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России» 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://i-regions.org/images/files/ranepa19.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

⁷ Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период [Электронный ресурс]. URL: http://economy.krasnodar.ru/razr-strat/files/Proekt_Strategii.pdf (дата обращения: 17.10.2018).

⁸ New Smart Digital Economy [Электронный ресурс]. URL: <https://thefintechtimes.com/new-smart-digital-economy/> (дата обращения: 17.10.2018).

сковская область, Республика Татарстан, Нижегородская, Тюменская, Самарская, Новосибирская, Свердловская области, Краснодарский, Красноярский, Пермский края, Республика Башкортостан и ряд других субъектов Федерации» [цит. по: 8]. При оценке условий развития высокотехнологичного бизнеса учитывались результаты Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, формируемого Агентством стратегических инициатив.

С 2014 г. Агентство стратегических инициатив составляет национальный рейтинг состояния инвестиционного климата, который оценивает усилия региональных властей по созданию благоприятных условий для ведения бизнеса (табл. 1). В основе рейтинга лежит информация по показателям, полученным при проведении опросов предпринимателей и экспертов, и статистическим данным. Для каждого региона создается база из 35–40 экспертов; выборка респондентов формируется случайным образом из списка представленных кандидатов. В каждом регионе опрашиваются не менее 20 чел. Предполагается, что статистическая погрешность выборки минимальна.

В то же время в Национальном докладе «Высокотехнологичный бизнес в регионах России» 2017, подготовленном коллективом авторов Российской академии народного хозяйства и государственной службы и Ассоциации инновационных регионов России совместно с Группой «Интерфакс», отмечается не слишком высокий уровень развития инноваций. Глобальной целью доклада стало определение потенциальных точек несырьевого роста российской экономики на основе анализа региональной структуры и главных тенденций развития высокотехнологичного бизнеса за 2010–2016 гг.

Разработчиками доклада была предложена система показателей, предполагающая объективное описание условий развития высокотехнологичного бизнеса и его роли в развитии конкретных регионов. В работе оценены потенциальные возможности ресурсной базы в отношении капитала, труда, научного потенциала, институциональной среды, инфраструктурной обеспеченности и объемов региональных госзакупок. Также проанализирована доля участия в валовом региональном продукте (ВРП), экспорте, создании рабочих мест, в процессе формирования бюджета и стимулирования создания новых предпринимательских структур. Предложенная система показателей, по мнению разработчиков, формирует информативную базу в отношении развития высокотехнологичного сектора в России и регионах для принятия конкретных политических решений. Выявление общих и частных тенденций, определение средне-региональных показателей позволяют определить сильные и слабые стороны развития конкретных регионов.

Таблица 1. Топ-10 регионов Национального инвестиционного рейтинга субъектов Российской Федерации (2018 г., по федеральным округам)⁹

Table 1. Top 10 Regions According to the National Investment Ranking of the Constituent Entities of the Russian Federation (2018, by Federal Districts)

Регион / Region	Место в рейтинге 2018 г. / Place in the ranking, 2018	Место в рейтинге 2017 г. / Place in the ranking, 2017	Место в рейтинге 2016 г. / Place in the ranking, 2016
Тюменская область / Tyumen Region	1	6	5
Москва / Moscow	2	3	1
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	3	1	-2
Санкт-Петербург / St. Petersburg	4	17	13
Тульская область / Tula Region	5	4	-1
Краснодарский край / Krasnodar Territory	6	7	1
Воронежская область / Voronezh Region	7	8	1
Чувашская Республика / Chuvash Republic	8	2	-6
Московская область / Moscow Region	9	9	0
Ульяновская область / Ulyanovsk Region	10	10	0

Снижение инвестиционных рисков финансирования без должного увеличения доступности не может привести к росту высокотехнологичной сферы. Оценка совокупного индекса обеспеченности региона банковскими услугами, рассчитываемого Банком России, показала, что Краснодарский край не обеспечен развитой банковской инфраструктурой и кредитными средствами в должной мере.

В методике расчета показателей доклада дана оценка значимости условий развития высокотехнологичных производств (табл. 2)¹⁰.

⁹ Таблица составлена по: Ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya> (дата обращения: 17.10.2018).

¹⁰ Научный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России» 2017.

Таблица 2. Оценка значимости условий развития высокотехнологичными компаниями

Table 2. Assessment of the Importance of Development Conditions by High-Tech Companies

Блок условий из рейтинга / Block of conditions from the ranking	Фактор, обозначенный в анкете / Factor indicated in the questionnaire	Средняя оценка значимости респондентами (от 0 до 1) / Average rating of importance by respondents (0 to 1)	Средний весовой коэффициент блока в рейтинге (от 0 до 1) / Average weighting factor of the block in the ranking (0 to 1)
1	2	3	4
Капитал / Capital	Доступ к инвестициям / Access to investments	0,45	0,25
Кадры и привлекательность региона / Personnel and attractiveness of the region	Доступность трудовых ресурсов необходимой квалификации / Availability of labor resources having the required qualifications	0,15	0,20
Институты / Institutions	Климат в регионе / Climate in the region	0,39	
	Комфортность проживания / Comfort of living conditions	0,53	
	Жилье и социальная инфраструктура / Housing and social infrastructure	0,39	
Научный потенциал / Scientific potential	Число и интенсивность проверок / Number and intensity of checks	0,64	0,25
	Доступ к негосударственным услугам / Access to non-government services	0,49	
	Неформальные платежи / Informal payments	0,28	
	Доступ к технологиям / Access to technology	0,19	0,10

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4
Инфра- структура / Infrastruc- ture	Доступ к базовой инфра- структуре / Access to basic infrastructure	0,11	0,15
	Доступ к инновационной инфраструктуре / Access to innovative infrastructure	0,49	

На основании проведенного исследования высокотехнологичного бизнеса из разных регионов России выявлена значимость отдельных факторов для развития фирм. Итогом стали выводы о том, что наибольшую значимость имеет доступность инвестиций, институциональная составляющая, включая коррупцию, и чуть меньшую – доступность трудовых ресурсов необходимой квалификации. Согласно данным оценки, приведенной в докладе, в 2016 г. Краснодарский край занимал 9 место по степени развития высокотехнологичных производств (табл. 3), а по степени инновационной активности властей региона – 6 место. Вероятно, проблемы доступности средств и идей не позволяют занимать единое место в рейтингах.

Рейтинговые оценки Агентства стратегических инициатив подтверждают, что инвестиционный климат, создаваемый властями на региональном уровне, достаточно высок – 6 место в рейтинге 2018 г.

Необходимо упомянуть о расчете оценки инвестиционного риска, которая приведена в докладе. Для этого применяется суммарный индекс инвестиционного риска, состоящий из шести частных: финансового, социального, управленческого, экономического, экологического и криминального, т. е. он охватывает весь комплекс возможных изменений институциональной среды. Краснодарский край заявлен в качестве одного из трех регионов на юге страны с самыми низкими рисками.

Важность снижения рисков, снятие институциональных барьеров обусловлены необходимостью развития малого технологического предпринимательства, которое особенно подвержено влиянию негативных институциональных условий. Предприниматели создают новые фирмы, повышают уровень конкуренции и вынуждают крупные компании увеличивать инвестиции в технологические инновации. Снижение инвестиционных рисков подталкивает владельцев высокотехнологичного бизнеса к расширению деятельности, обновлению оборудования. Все это ведет к росту доли высокотехнологичного сектора в экономике и повышению уровня ее инновационного развития¹¹.

¹¹ Там же.

Таблица 3. Показатели оценки высокотехнологичных регионов¹²
Table 3. Assessment Indicators of the High-Tech Regions' Performance

Ранг усло- вий / Rank	2016	2015	Region / Region	Концентрация ресурсов в 2016г., % от РФ / Concentra- tion of resources in 2016, % of Russia	Изменение концентрации в 2016/2015, % / Change in con- centration in 2016/2015, %	Ранги по блокам условий развития вы- сокотехнологичного бизнеса в 2016г. / Ranks by blocks of conditions for the development of high-tech business in 2016					Изменение ранга концентрации ресурсов, 2016/2015 / Change in the rank of concentration of resources, 2016/2015	Конечная группировка / Final grouping
						Продукты / Products	Экспорт / Export	Налоги / Taxes	Рабочие места / Jobs	Новый бизнес / New business		
1	1	1	г. Москва / Moscow	22,5	7,82	1	2+	1	2+	1+	0	1A
2	4	4	г. Санкт- Петербург / St. Peters- burg	5,95	-5,23	2	28+	2	23	2+	-2	1B
74	7	7	г. Сева- стополь / Sevastopol	0,12	-94,4	80	61	67+	23	35	67	5E

¹² Таблица составлена по: Научный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России» 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://i-regions.org/images/files/ranepa19.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
85	82	Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	0,02	-65,69	85	81	84	23	84	3	5E
71	34	Забайкальский край / Trans-Baikal Territory	0,18	-70,94	59	75	69	23	68	37	4E
38	39	Кемеровская область / Kemerovo Region	0,71	21,66	22	38+	37+	23	25+	-1	4D
50	60	Кировская область / Kirov Region	0,51	44,31	40	29+	4+ 9+	23	51	-10	4D Ч
68	70	Костромская область / Kostroma Region	0,2	7,81	70	44+	54	23	76	-2	5E
9	16	Краснодарский край / Krasnodar Region	2,06	44,85	10	36+	14	5+	8	-7	2B

По результатам рейтинговых оценок Ассоциации инновационных регионов России Краснодарский край по итогам 2017 г. занимает 37-е место в числе средних инноваторов (табл. 4). Заметим, что методология составления данного рейтинга основывается не на экспертных оценках, а на количественных показателях.

Таблица 4. Рейтинг инновационных регионов России 2017 г.¹³

Table 4. Ranking of the innovative regions of Russia, 2017

Ранг / Rank	Регион / Region	$I = \Sigma i/29$	Процент от среднего / % of average	Группа / Group	Изменение позиции в рейтинге / Position change in the ranking
1	г. Москва / Moscow	0,73	190,3	Сильные инноваторы / Strong innovators	1
2	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	0,70	181,9		-1
3	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,68	177,5		0
12	Тульская область / Tula Region	0,53	138,0	Средне-сильные инноваторы / Medium strong innovators	6
13	Свердловская область / Sverdlovsk Region	0,53	137,6		-4
...	...				
37	Краснодарский край / Krasnodar Territory	0,39	101,1	Средние инноваторы / Average innovators	11
...	...				
85	Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	0,18	46,3	Слабые инноваторы / Weak innovators	-2

¹³ Таблица составлена по: Ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya> (дата обращения: 17.10.2018).

В 2017 г. в крае в рамках Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» был разработан проект «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период» (далее – Стратегия). Проект основан на применении «живой» системы управления будущим AV Galaxy, заключающейся в интегральном методическом подходе, направленном на оценку и повышение конкурентоспособности региона и его отраслей специализации. Проведенный анализ цели семи направлений конкуренции семи регионов позволил разработчикам определить степень конкурентоспособности региона и направления развития (табл. 5)¹⁴.

Оценка инновационной и информационно-коммуникационной системы Краснодарского края (G4) показала, что у региона развитая информационно-коммуникационная система, однако имеются проблемы в инновационной экосистеме и уровне разработки и внедрения инноваций научными школами и бизнесом. Недостаточно внимания в крае уделяется стимулированию создания и развития smart-экономики.

Таблица 5. Цели семи направлений конкуренции регионов/предприятий
Table 5. Objectives of the Seven Areas of Competition between Regions / Enterprises

Название направления конкуренции (регион / бизнес) / Area of competition (region / business)	Региональный уровень / Regional level	Уровень бизнеса / Business level
1	2	3
G1. Рынки (конкуренция за потребителя и рынок) / Markets (competition for the consumer and the market)	Конкурентоспособность приоритетных региональных экономических комплексов / отраслей (с выделением конкурентоспособных продуктов) специализации на их рынках сбыта. Лучшие условия для продвижения продукции местных предприятий на внешние рынки / Competitiveness of the priority regional economic complexes and specialization industries (with identification of competitive products) in their markets. Best conditions for promoting products of local enterprises to foreign markets	Объем продаж (экспорта / вывода). Доля рынка / Sales (exports / output). Market share

¹⁴ Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период [Электронный ресурс]. URL: http://economy.krasnodar.ru/razr-strat/files/Proekt_Strategii.pdf (дата обращения: 17.10.2018).

Продолжение табл. 5 / Continuation of table 5

1	2	3
G2. Институты (конкуренция за предпринимателя, за административный ресурс власти) / Institutions (competition for the entrepreneur, for the administrative resource of power)	Качество частных, государственных и государственно-частных институтов и механизмов управления и развития. Высокий уровень развития предпринимательства (крупного, среднего и малого). Полный доступ к административным ресурсам / Quality of private, public and public-private institutions and mechanisms for management and development. High level of entrepreneurship development (big, medium and small business). Clear access to administrative resources	Эффективное управление (финансовый результат, стоимость бизнеса). Качество и доступность институтов / Effective management (financial performance, business value). Quality and availability of institutions
G3. Человеческий капитал (конкуренция за человека – трудовой ресурс и личность) / Human capital (competition for the people – labor resource and personality)	Лучшие условия для привлечения, удержания и развития носителей человеческого капитала. Высокое качество социальных услуг / Best conditions for attracting, retaining and developing carriers of human capital. High quality social services	Производительность труда. Уровень доходов и заработной платы. Качество и доступность социальных инструментов поддержки. Мотивированные, квалифицированные сотрудники / Productivity of labor. Level of income and wages. Quality and availability of social support instruments. Motivated, qualified personnel
G4. Инновации и информация (конкуренция за инновации/технологии и за доступ к информации) / Innovation and information (competition for innovation, technology and access to information)	Лучшая экосистема инноваций. Уровень технологического развития экономики. Высокое качество телекоммуникационной инфраструктуры / Best innovation ecosystem. Level of technological development of the economy. High quality telecommunications infrastructure	Разработка и приобретение передовых технологий и новых продуктов. Качество и доступность информации / Development and acquisition of advanced technologies and new products. Quality and availability of information

Окончание табл. 5 / End of table 5

1	2	3
G5. Природные ресурсы и устойчивое развитие (ресурсы относительно неизменяемый фактор развития) / Natural resources and sustainable development (resources being a relatively unchangeable development factor)	Обеспечение лучших условий доступа к природным ресурсам при соблюдении принципов устойчивого развития / Ensuring better access to natural resources while respecting the principles of sustainable development	Доступ к сырью, земельным ресурсам. Качество природной среды. Уровень устойчивости развития / Access to raw materials and land. Quality of the natural environment. Level of sustainability

Проведенное исследование показало, что одна из ключевых проблемных зон – это низкий уровень конкурентоспособности инновационной среды Краснодарского края. В качестве негативно влияющих факторов на повышение конкурентоспособности упомянуты такие, как отсутствие государственного заказа на инновации и спроса со стороны бизнеса, фактическое отсутствие сектора исследований и разработок, неспособность субъектов экономических отношений финансировать разработку внутренних инноваций, отсутствие реальных институтов поддержки инновационной деятельности (табл. 6).

В то же время авторы Стратегии считают, что сильными сторонами можно представить деловой климат, уровень подготовки научных кадров и специалистов; наличие научной базы для подготовки кадров, владеющих востребованными компетенциями, наличие комплекса современных промышленных предприятий разных форм собственности.

По направлению конкуренции «Инновации и информация» Краснодарский край занимает 13 место в России. В крае достаточно высокий уровень развития информатизации и связи. Несмотря на высокие позиции в России по уровню инновационного и технологического развития, Краснодарский край значительно отстает от регионов-лидеров¹⁵.

Результаты исследования. Стратегической целью развития региона в области инноваций определено создание территории умной экономики, ориентированной на реализацию потенциала молодых талантов и предпринимателей, обеспечивающих глобальное технологическое лидерство России.

Указанная цель неразрывно связана с цифровизацией экономики региона и развитием необходимой инфраструктуры, составными частями которой являются:

1) система вневедомственного мониторинга достижения целевых показателей и ситуационного анализа, регионального и муниципального статистического учета;

2) развитие диджитализации взаимодействия субъектов инновационной активности и органов государственной поддержки;

3) создание единой цифровой региональной информационной системы «Открытый Краснодарский край»;

4) развитие региональной системы статистических исследований.

Переход к цифровой экономике сам по себе является инновацией для региональной власти, требующей огромных инвестиций, позволяющих повысить производительность труда государственных служащих и высокую корреляцию с бизнес-структурами.

Согласно Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р, цифровая экономика определяется как «хозяйственная деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, и способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы»¹⁶.

Ожидаемые результаты реализации Стратегии руководство края видит в:

– кластеризации экономики региона в соответствии с современными технологическими трендами;

– конвергенции технологий и продуктов в пять инновационных кластеров умной экономики в ходе современных экономических комплексов для выхода на новый уровень развития.

Кластерная активация предполагает расширение возможностей для бизнеса участвовать в разработке и реализации важнейших направлений экономической политики региона.

Синхронизация планирования достигается при наличии у ключевых предприятий кластеров портфеля следующих стратегических документов с горизонтом до 2030 г.:

1) долгосрочная стратегическая доктрина развития;

2) комплексный бизнес-план развития на базе портфеля инвестиционных проектов;

3) стратегия инновационного развития;

¹⁵ Научный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России» 2017.

¹⁶ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

Факторы конкуренции / Ключевые показатели / Competition factors / Key indicators	Значение / Value	Диапазон сравнения / Range of the comparison group	РФ / Russia	Диапазон регионов России / Range of Russia's regions
1	2	3	4	5
Инновации и информация / Innovation and information	–	–	13	–
Информация и связь / Information and communication	–	–	22	–
Число абонентских терминалов сотовой связи на 1000 жителей, тыс. шт. / Number of cellular subscriber terminals per 1,000 inhabitants, thousand pieces	2 443,5	1 707,7 – 2 737,7	6	70,6 – 2737,7
Объем услуг связи в расчете на одного жителя, тыс. долл. / Volume of communication services per capita, thousand USD	113,8	25,3 – 280,1	13	6,2 – 280,1
Затраты на ИКТ на 1 жителя, долл. / ICT costs per capita, USD	45,9	32,4 – 778,8	53	4,9 – 1032,4
Число персональных компьютеров на 100 работников, ед. / Number of personal computers per 100 employees, units	44,0	40,0 – 77,0	52	35,0 – 77,0
Инновации / Innovation	–	–	10	–
Численность персонала, занятого НИР, чел. / Number of personnel engaged in R&D, persons	7 532,0	1 831,0 – 231 728,0	17	24,0 – 231 726

Окончание табл. 6 / End of table 6

1	2	3	4	5
Численность исследователей с учеными степенями всего, чел. / Total number of researchers with academic degrees, persons	2 230,0	166,0 – 43 238	7	2,0 – 43 238
Выдано патентов на изобретения, ед. / Patents issued for inventions, units	393,0	20,0 – 8 949	10	0 – 8 949,0
Выдано патентов на полезные модели, ед. / Patents issued for utility models, units	179,0	29,0 – 1 992,0	9	0 – 1 992,0
Выдано патентов на промышленные образцы, ед. / Patents issued for industrial designs, units	30,0	0 – 540,0	12	0 – 540,0
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн долл. / Volume of innovative goods, works and services, million USD	1 170,1	209,0 – 14 854,5	13	0 – 14 854,5
Объем инновационных товаров, работ, услуг от общего объема, % / Volume of innovative goods, works and services of the total, %	7,7	0,4 – 19,6	26	0 – 27,2
Технологии / Technology	–	–	14	–
Число созданных передовых производственных технологий, ед. / Number of advanced production technologies created, units	16,0	0 – 206,0	23	0 – 206,0
Число используемых передовых производственных технологий, ед. / Number of advanced production technologies used, units	5 163,0	1 959,0 – 18 800,0	13	16,0 – 18 800,0
Затраты на технологические инновации, млн долл. / Technological Innovation Costs, million USD	158,8	158,9 – 4 627,2	25	0 – 4 627,0

4) стратегия повышения конкурентоспособности (рост производительности труда и эффективности производства);

5) стратегия глобального продвижения¹⁷.

Успешным примером развития инновационно-инвестиционной инфраструктуры в регионе, согласно проведенному исследованию, являются Научно-технологический парк «Университет» с бизнес-инкубатором малого инновационного бизнеса (на базе ФГБОУ ПО «Кубанский государственный университет»), Инновационный центр ФГБОУ ПО «Кубанский государственный технологический университет», Краснодарский IT-парк, Технопарк ООО «Инженерно-исследовательский центр нефти и газа», ООО «Межрегиональный центр обслуживания малых и средних предприятий «Югинформинвест»¹⁸. Однако эти объекты недостаточно синтирированы в тренды развития экономических систем современности ввиду отрыва государства от науки и от бизнеса.

Обсуждение и заключение. Сегодня в мировой экономике наблюдается масштабный переход общества от информационных технологий к цифровым. Информационные технологии предлагают взгляд и построение связей внутри системы – in-systems (закрытые системы), а цифровые – построение связей с объектами извне и формирование открытых систем – out-systems. Новые поколения граждан, растущие в век цифровых технологий, смена поколений делают невозможным существование закрытых систем и обуславливают повсеместный переход на открытые системы [14].

Еще один эффект цифровизации экономики – это отсутствие необходимости крупных инвестиций в IT-решения для бизнеса, достаточно лишь приобрести персональный компьютер и иметь выход в Интернет. Именно этот аспект применения цифровых технологий задает ускоряющийся темп цифровизации экономики на региональном уровне, необходимости создания инфраструктуры для обслуживания бизнеса и населения, консолидации данных в цифровом виде и их доступности.

Анализ внедрения инноваций на краевом уровне выявил ряд проблем, которые невозможно решить без институциональной основы взаимодействия власти и бизнеса и перехода региональной экономики на систему типа out-systems.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Указанный в «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период» (от 30.11.2017 г.) портфель стратегических документов для кластерной активации в настоящее время

¹⁷ Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период.

¹⁸ Там же.

не разработан и механизм активации включения бизнеса в инновационное развитие края не работает. Инновации в бизнесе развиваются силами бизнесменов без необходимой согласованности с действиями властей края.

2. Для перехода на цифровую экономику необходима цифровизация информационного пространства региона с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений. Высокая социальность систем типа out-systems обуславливает их открытость, а цифровизация делает потоки информации более емкими и быстрыми. Таким образом, власть может достигнуть максимальной эффективности и высокой скорости обмена данными, что позволит перейти на инновационный путь развития края.

3. Отсутствие квалифицированного персонала. Исследование, проведенное при создании проекта Стратегии, выявило в крае проблему с обеспечением необходимыми человеческими ресурсами. Со стороны властей региона требуется решить задачу подготовки кадров с квалификацией согласно прогнозным данным развития отраслей и планируемого внедрения инноваций.

4. Отсутствие планового финансирования научных разработок и их последующего внедрения. Одним из приоритетных направлений развития экономики региона обозначено развитие АПК с переходом на глубокую переработку сельскохозяйственного сырья. Это требует повышения уровня внедрения научных исследований и наукоемких технологий для инновационного развития пищевой промышленности и государственного финансирования.

Практическая значимость данной работы представляется в определении узких мест при переходе на инновационный тип развития Краснодарского края. Перспективным направлением дальнейшего исследования является поиск путей формирования кадрового потенциала региона в условиях цифровой экономики, обладающего новыми компетенциями. Материал, изложенный в статье, может быть применим для дальнейших исследований молодыми учеными, магистрантами и студентами, а также представителями региональной власти, обеспечивающими процесс перехода на цифровую экономику в крае.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Current Issues in Hotel Management in Russia / N. Y. Velichko [et al.] // Espacios. 2018. Vol. 39, no. 31. P. 24. URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n31/18393124.html> (дата обращения: 17.10.2018).

2. Bonvillian W. B. Reinventing American Manufacturing. The Role of Innovation // Innovations: Technology, Governance, Globalization. 2012. Vol. 7, issue 3. Pp. 97–125. DOI: https://doi.org/10.1162/INOV_a_00142

3. Журавлева Н. А. Цифровая экономика как основа экономики высоких скоростей // Транспортные системы и технологии. 2017. № 2 (8). С. 47–49. DOI: <https://doi.org/10.17816/transsyst20173247-49>

4. Якушенко К. В., Шиманская А. В. Цифровая трансформация информационного обеспечения управления экономикой государств – членов ЕАЭС // Новости науки и технологий. 2017. № 2 (41). С. 11–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29423814> (дата обращения: 17.10.2018).

5. Якутин Ю. В. Российская экономика: стратегия цифровой трансформации (к конструктивной критике правительственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации») // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2017. № 4. С. 27–52. URL: <http://www.mba-journal.ru/archive/2017/4/> (дата обращения: 17.10.2018).

6. Соложенцев Е. Д. Цифровое управление государством и экономикой // Актуальные проблемы экономики и управления. 2018. № 1 (17). С. 136–153. URL: <http://emtp.guar.ru/archive> (дата обращения: 17.10.2018).

7. Зубарев А. Е. Цифровая экономика как форма проявления закономерностей развития новой экономики // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 177–184. URL: <http://pnu.edu.ru/vestnik/pub/articles/2388/> (дата обращения: 17.10.2018).

8. Борщевский Г. А. Ex-post оценка региональных программ развития бюрократии // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 45–70. URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n1_2018.html#an3 (дата обращения: 17.10.2018).

9. The Direction of Transformation of Information and Communication Technology (ICT) at the Present Stage of Development into an Electronic and Information Society / F. F. Khizbullin [et al.] // Pertanika Journal of Social Science and Humanities. 2017. Vol. 25, issue S. Pp. 45–58. URL: [http://www.pertanika.upm.edu.my/Pertanika%20PAPERS/JSSH%20Vol.1.%2025%20\(S\)%20Jul.%202017/JSSH\(S\)-0379-2017.pdf](http://www.pertanika.upm.edu.my/Pertanika%20PAPERS/JSSH%20Vol.1.%2025%20(S)%20Jul.%202017/JSSH(S)-0379-2017.pdf) (дата обращения: 17.10.2018).

10. Regions-Localities as Growth Points of Territories of the Russian Federation / E. N. Klochko [et al.] // International Journal of Applied Business and Economic Research Serials Publications. 2017. Vol. 15, no. 23. Pp. 91–104. URL: <http://www.serialsjournals.com/serialjournalmanager/pdf/1513767864.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

11. Ковальчук Ю. А., Степнов И. М. Цифровая экономика: трансформация промышленных предприятий // Инновации в менеджменте. 2017. № 1 (11). С. 32–43. URL: http://innmanagement.ru/?page_id=1444#open1 (дата обращения: 17.10.2018).

12. Цифровая экономика – «умный способ работать» / В. П. Куприяновский [и др.] // International Journal of Open Information Technologies. 2016. Vol. 4, no. 2. С. 26. URL: <http://injoit.org/index.php/j1/article/view/267> (дата обращения: 17.10.2018).

13. Басенко В. П. Особенности управления региональными инновациями // Вестник Академии знаний. 2018. № 6 (29). С. 42–46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36568778> (дата обращения: 17.10.2018).

14. Безуглая Н. С. Некоторые аспекты оценки состояния национальной безопасности РФ // Научный вестник Южного института менеджмента. 2017. № 4. С. 10–16. DOI: <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2017-4-10-16>

Поступила 26.10.2018; принята к публикации 24.12.2018; опубликована онлайн 29.03.2019.

Об авторах:

Безуглая Наталья Сергеевна, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и предпринимательства ЧОУ ВО «Южный институт менеджмента» (350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 216), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6116-299X>, olimpia_n@mail.ru

Костюкевич Владимир Геннадьевич, магистрант ЧОУ ВО «Южный институт менеджмента» (350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 216), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7927-1302>, djdfy007@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Безуглая Наталья Сергеевна – научное руководство; критический анализ и доработка текста; сбор данных и доказательств; формализованный анализ данных.

Костюкевич Владимир Геннадьевич – визуализация / представление данных в тексте; компьютерные работы; подготовка начального варианта текста.

Для цитирования:

Безуглая Н. С., Костюкевич В. Г. Анализ и оценка инновационной активности Краснодарского края // Регионология. 2019. Т. 27, № 1. С. 58–81. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.058-081>

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Velichko N.Y., Petropavlovskaya A.V., Zhukov B.M., Razzhivin O.A., Osadchuk L.M. Current Issues in Hotel Management in Russia. *Espacios*. 2018; 39(31):24. Available at: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n31/18393124.html> (accessed 17.10.2018).

2. Bonvillian W.B. Reinventing American Manufacturing. The Role of Innovation. *Innovations: Technology, Governance, Globalization*. 2012; 7(3):97-125. DOI: https://doi.org/10.1162/INOV_a_00142

3. Zhuravleva N.A. Digital Economy as the Basis of High-Speed Economy. *Transportnye sistemy i tekhnologii* = Transportation Systems and Technology. 2017; (2):47-49. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17816/transsyst20173247-49>

4. Yakushenko K., Shimanskaya A. The Digital Transformation of the Information Support to the Management of the Economies of EAEU. *Novosti nauki i tekhnologii* =

News of Science and Technologies. 2017; (2):11-20. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29423814> (accessed 17.10.2018).

5. Yakutin Yu.V. Russian Economy: A Strategy for Digital Transformation (Constructive Criticism of the Government Programme “Digital Economy of the Russian Federation”). *Menedzhment i biznes-administrirovaniye* = Management and Business Administration. 2017; (4):27-52. Available at: <http://www.mba-journal.ru/archive/2017/4/> (accessed 17.10.2018). (In Russ.)

6. Solozhentsev E.D. The Digital Management of the State and Economics. *Aktualnye problemy ehkonomiki i upravleniya* = Actual Problems of Economics and Management. 2018; (1):136-153. Available at: <http://emtp.guap.ru/archive> (accessed 17.10.2018). (In Russ.)

7. Zubarev A.E. The Digital Economy as Expression of Regularities in the New Economy Development. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Pacific National University. 2017; (4):177-184. Available at: <http://pnu.edu.ru/vestnik/pub/articles/2388/> (accessed 17.10.2018). (In Russ.)

8. Borshchevsky G.A. Ex-Post Evaluation of Regional Bureaucracy Development Programs. *Voprosy ehkonomiki* = Economic Issues. 2018; (1):45-70. Available at: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n1_2018.html#an3 (accessed 17.10.2018). (In Russ.)

9. Khizbullin F.F., Sologub T.G., Bulganina S.V., Lebedeva T.E., Novikov V.S., Prokhorova V.V. The Direction of Transformation of Information and Communication Technology (ICT) at the Present Stage of Development into an Electronic and Information Society. *Pertanika Journal of Social Science and Humanities*. 2017. 25(S):45-58. Available at: [http://www.pertanika.upm.edu.my/Pertanika%20PAPERS/JSSH%20Vol.%2025%20\(S\)%20Jul.%202017/JSSH\(S\)-0379-2017.pdf](http://www.pertanika.upm.edu.my/Pertanika%20PAPERS/JSSH%20Vol.%2025%20(S)%20Jul.%202017/JSSH(S)-0379-2017.pdf) (accessed 17.10.2018).

10. Klochko E.N., Zelinskaya M.V., Zhukov B.M., Gureva M.A., Krasnoselskaya D.H. Regions-Localities as Growth Points of Territories of the Russian Federation. *International Journal of Applied Business and Economic Research Serials Publications*. 2017; 15(23):91-104. Available at: <http://www.serialsjournals.com/serialjournalmanager/pdf/1513767864.pdf> (accessed 17.10.2018).

11. Kovalchuk Yu.A., Stepnov I.M. The Digital Economy: Transformation of Industrial Enterprises. *Innovatsii v menedzhmente* = Innovations in Management. 2017; (1):32-43. Available at: http://innmanagement.ru/?page_id=1444#open1 (accessed 17.10.2018). (In Russ.)

12. Kupriyanovsky V.P., Sinyagov S.A., Lipatov S.I., Namiot D.E., Vorobiev A.O. Digital Economy – Smart Working. *International Journal of Open Information Technologies*. 2016; 4(2):26-33. Available at: <http://injoit.org/index.php/j1/article/view/267> (accessed 17.10.2018). (In Russ.)

13. Basenko V.P. Features of Regional Innovation Management. *Vestnik Akademii znaniy* = Bulletin of the Academy of Knowledge. 2018; (6):42-46 Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36568778> (accessed 17.10.2018). (In Russ.)

14. Bezuglaya N.S. Some Aspects of Estimation of the State of National Security of the Russian Federation. *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta* =

Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management. 2017; (4):10-16. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2017-4-10-16>

Submitted 26.10.2018; accepted for publication 24.12.2018; published online 29.03.2019.

About the authors:

Natalia S. Bezuglaya, Associate Professor, Department of Management, Marketing and Entrepreneurship, Yuzhny Institute of Management (216 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6116-299X>, olimpia_n@mail.ru

Vladimir G. Kostyukevich, Master's Degree Student, Yuzhny Institute of Management (216 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7927-1302>, djdfy007@yandex.ru

Contribution of the authors:

Natalia S. Bezuglaya – academic supervision; critical analysis and revision of the text of the article; collection of data and evidence; formalized data analysis.

Vladimir G. Kostyukevich – visualization, presentation of data in the text; computer work; writing the initial version of the text of the article.

For citation:

Bezuglaya N.S., Kostyukevich V.G. Analysis and Evaluation of Innovative Activity in the Krasnodar Territory. *Regionologiya* = Regionology. 2019; 27(1):58-81. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.058-081>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА /
POLITICAL REGIONAL STUDIES. ETHNOPOLITICS

УДК 342.7:397(470.1/2)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.082-099

ISSN 2413-1407 (Online)

Права малых народов Европейского Севера России
в законодательных актах Российской ФедерацииА. Ю. Кузнецова^{1, 2}¹ Университет Тарту (г. Тарту, Эстония),
² ФГБУН «Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения Российской
академии наук» (г. Сыктывкар, Россия),
ann-kuznetsova@mail.ru**Введение.** Актуальность работы обусловлена неоднозначностью положения малых народов: законодательство многих стран (в том числе России), будучи нацеленным на поддержку малочисленных этносов, на практике оказывается трудно выполнимым. Статья имеет целью проанализировать ситуацию вокруг малочисленных этносов России, созданную системой законодательных актов.**Материалы и методы.** Используется метод контент-анализа, позволяющий провести качественный анализ документов и их последующую содержательную интерпретацию и сравнение.**Результаты исследования.** Было выявлено, что Россия не ратифицировала конвенцию Организации Объединенных Наций в отношении коренных народов и имеет собственное представление о содержании этого термина, в связи с чем государство не признает права народов на владение землями и не устанавливает процедуры по разрешению споров. Теоретически Россия предоставляет этническим группам широкий спектр прав, однако имплементация этих положений часто ограничена или вовсе невозможна вследствие недостаточности ресурсов или правовых коллизий. Определено, что в большей части законодательство выдвигает положение об укреплении единства и целостности государства в качестве основной цели государственной национальной политики.**Обсуждение и заключение.** Законодательство в отношении малых народов носит декларативный характер, поэтому возникает потребность в нормативно-правовом регулировании отношений между государством, предприятиями и коренным населением. Поскольку законодательство в связи с изменениями в обществе довольно подвижно, необходим дальнейший мониторинг принимаемых государством актов в отношении малых этносов и внедряемых механизмов, что дает поле для новых исследований.**Ключевые слова:** коренные народы, коренные малочисленные народы, финно-угорские народы, малые этносы, права коренных народов, национальная политика, Европейский Север

© Кузнецова А. Ю., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.Rights of Small Peoples Living
in the European North of Russia in the Legislative
Acts of the Russian FederationA. Yu. Kuznetsova^{a, b}^a University of Tartu (Tartu, Estonia),^b Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Science (Syktvykar, Russia),
ann-kuznetsova@mail.ru**Introduction.** The work is of relevance due to the ambiguity of the status of small peoples: legislation of many countries (including Russia), being aimed at supporting small ethnic groups, is difficult to implement in practice. The article intends to analyze the situation concerning small ethnic groups living in Russia, created by the system of legislative acts.**Materials and Methods.** The study employed the method of content analysis, which allowed for a qualitative analysis of documents and their subsequent valid interpretation and comparison.**Results.** It has been revealed that Russia has not ratified the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples and has its own understanding of the term; therefore the state does not recognize the right of peoples to own lands and does not establish a dispute settlement procedure. In theory, Russia provides ethnic groups with a wide range of rights, for example, the right to use lands and the right to receive education in their mother tongue. However, implementation of these provisions is often limited or completely impossible due to insufficient resources or conflicts of laws. It has been identified that generally the legislation makes provision for strengthening the unity and integrity of the state as the main goal of the state national policy.**Discussion and Conclusion.** The legislation on small peoples is of a declarative nature, so there is a need for regulation of relations between the state, enterprises and the indigenous population. Since the legislation is quite flexible due to changes in society, further monitoring of the acts adopted by the state on small ethnic groups and of the mechanisms introduced is necessary and appears to be a matter for further research.**Keywords:** indigenous peoples, indigenous small peoples, Finno-Ugric peoples, small ethnic groups, rights of indigenous peoples, national policy, European North**Введение.** В настоящее время положение коренных народов довольно неоднозначно. Институты гражданского общества, некоммерческие организации и международные организации играют большую роль в защите интересов малых этносов, однако первенство в этой сфере принадлежит государствам и государственным и межгосударственным структурам.

С одной стороны, законодательство многих стран довольно дружелюбно по отношению к малым этническим сообществам, с другой – эффективность механизмов применения законодательных норм на практике вызывает сомнение. Отсутствие единого термина «коренной народ» также порождает определенные сложности: Организация Объ-

единенных Наций (ООН) предлагает широкое определение, в то время как законодательство некоторых стран сужает его. Это важный пункт, так как большую государственную поддержку получают именно народы, признанные коренными. Данная коллизия решается по-разному: в одних странах вводятся свои термины, в других происходит уточнение, своеобразное определение и трактование уже существующих положений, некоторые государства вовсе не признают существования на их территориях национальных меньшинств и, следовательно, не принимают законодательные акты в отношении малых этносов.

Важной проблемой является и право пользования землями для традиционного хозяйствования и наличие процедур для разрешения споров по поводу земель, что не всегда решается законодательством государств. Малые этнические группы должны иметь необходимые условия для развития культур и языков, что также сопряжено с большими сложностями уже в силу того, что носители этих культур вынуждены конкурировать с доминантным языком и культурной традицией. Положение коренных народов России является хорошим примером подобной ситуации.

Цель статьи – рассмотреть и проанализировать ситуацию вокруг малых народов Европейского Севера России, их правовой статус и систему законодательных актов, определяющих этот статус.

Обзор литературы. Российские и зарубежные исследователи так или иначе затрагивали данную тему, поскольку описание правовых рамок государственной национальной политики является отправной точкой для многих этнополитологических исследований. Однако можно отметить некоторую фрагментарность в изучении непосредственной ситуации вокруг малочисленных этносов Европейского Севера России, созданную системой законодательных актов.

Используемая в статье литература может быть объединена в несколько групп. Первая группа представлена этнополитологическими работами, определяющими основные положения, цели и задачи национальной политики России (А. Садохин, Ю. Шабаев¹, С. А. Белов, Н. М. Кропачев, А. А. Соловьев [1], К. Замятин, А. Пасанен, А. Я. Саарикиви², К. Зайков, А. Тамицкий, М. Задорин [2; 3], Ф. Прина [4], О. Мурашко³, А. Н. Савенков [5]). В то время как некоторые эксперты (А. Садохин, Ю. Шабаев, К. Зайков, А. Тамицкий, М. Задорин, А. Савенков и др.) обсуждают общие положения, другие пишут о конкретных проблемах. Так,

¹ Садохин А., Шабаев Ю. Этническая «карта» России и культурная политика // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. Этнополитический справочник. 2014. С. 6–28.

² Zamjatin K., Pasanen A., Saarikivi J. Как и зачем сохранять языки народов России? Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala. Хельсинки. 2012. 179 с.

³ Murashko O. Russian Federation // The Indigenous World. International Work Group for Indigenous Affairs (IWGIA) Series / edited by K. Wessendorf. 2009. Pp. 41–55.

О. Мурашко утверждает, что законодательные инициативы значительно влияют на коренное население, особенно в природоохранной сфере: автор заявляет, что происходит ослабление положения малочисленных народов путем сокращения их территорий, а также потери прав на компенсации утраченных земель. К. Замятин, А. Пасанен, Я. Саарикиви выпустили работу о языковых правах северных малочисленных этносов России.

Литература о положении оленеводов на Европейском Севере России (А. Слепцов⁴, М. Дуайер [6], К. Истомин [7]) дает представление о правах и проблемах кочевых малочисленных этносов.

Авторы работ о правах коренных народов (С. Соколовский [8], А. Кузнецова⁵, Е. Корчак [9], Г. Фонда́л, Г. Поэльзер [10]) детально рассуждают о проблемах в практическом применении законодательных инициатив, а также о существующих проблемах в этой сфере. В частности, С. Соколовский рассуждает о становлении статуса «коренной малочисленный народ», а также о сложностях в имплементации международных актов в этой сфере. Е. Корчак в своей работе пишет о приоритетах национальной политики других стран и сравнивает положение коренного населения согласно законодательству северных государств. Г. Фонда́л и Г. Поэльзер анализируют законодательные акты Российской Федерации в отношении земельных прав коренных народов, а также защиты их интересов в сфере землепользования и доступа к природным ресурсам.

Статьи по конкретным механизмам решения проблем коренного населения (В. Гайдук [11], А. Садовой, В. Поддубиков [12], Н. Новикова⁶, Н. Барышная⁷) предлагают меры по урегулированию текущей ситуации и сглаживанию возможных трудностей.

Материалы и методы. Основным методом, используемым в настоящей работе, является контент-анализ, с помощью которого происходит анализ основных законодательных актов и сферы государственной политики в целом в отношении коренных малочисленных и финно-угорских народов. Среди других методов следует указать сравнение, позволяющее сопоставить законодательные акты, а также их влияние на малые народы.

⁴ Слепцов А. Оленеводы без пастбищ [Электронный ресурс] // Наш университет онлайн. URL: http://nu.s-vfu.ru/expert_opinion/olenevodyi-arktiki-mogut-ostatsya-bez-pastbishh/ (дата обращения: 19.04.2018).

⁵ Кузнецова А. Ю. Права коренных народов в конституциях и основных законах финно-угорских регионов Российской Федерации // Материалы Первых Юридических Чтений (Всероссийская научно-практическая конференция «Конституция РФ: Доктрина и Практика»). 2013. С. 124–132.

⁶ Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза: на перекрестке истории, этнологии и юридической антропологии // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Казань, 2010. Ч. 1. С. 76–80.

⁷ Барышная Н. А. О механизмах государственного регулирования этнополитических отношений в России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под. ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 169–178.

В статье проанализированы следующие нормативно-правовые документы: Конвенция Международной организации труда № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах», Конвенция Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 г., Конституция РФ, Федеральный закон РФ от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», Федеральный закон РФ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «Об образовании в Российской Федерации», Федеральный закон РФ от 07.05.2001 г. № 49-ФЗ (ред. от 31.12.2014 г.) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», Земельный кодекс РФ, Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики», Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 г. № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», Конституция Республики Коми, Конституция Республики Карелия, Устав Мурманской области, Постановление Правительства Республики Коми от 28 сентября 2012 г. № 411 «Об утверждении государственной программы Республики Коми “Развитие образования”», Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям № Пр-1710 от 28.08.2017 г., Проект Федерального закона № 369190-3 «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации».

Результаты исследования. Термин «коренной народ» впервые появился в международном праве с принятием в 1957 г. Конвенции Международной организации труда № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах». В Конвенции 1989 г. (пересмотренная Конвенция 1957 г.) речь шла уже именно о коренных народах в современном понимании этого термина. Под коренными народами в Конвенции понимаются потомки тех, «кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ», и тех, «кто сохраняет некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты»⁸. Ос-

⁸ Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (заключена в г. Женеве 27.06.1989 г.) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=16798> (дата обращения: 20.12.2018).

новным принципом отнесения народа к коренным является указание самих народов на их принадлежность к числу коренных или ведущих племенной образ жизни. Так, Конвенция относит к коренным племенные народы и народы, имеющие определенные исторические обстоятельства (завоевание их территории, колонизация или установление государственных границ).

Следует отметить, что в законодательстве Российской Федерации термин «коренной народ» в трактовке, предложенной ООН, отсутствует. Россией не ратифицирован один из основополагающих документов ООН по коренным народам. Проблема состоит в различном понимании термина «коренной народ». Согласно Федеральному закону от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «коренной малочисленный народ – это народ, проживающий на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющий традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающий в Российской Федерации менее 50 тыс. чел. и осознающий себя самостоятельной этнической общностью»⁹. Фактически коренной малочисленный народ в российском законодательстве определяется как племенной народ, так как имеет с ним общие признаки (традиционное хозяйство, традиционное природопользование, использование традиций). Разница между российским пониманием и международным законодательством в том, что Конвенция не принимает во внимание критерий численности группы, в то время как Федеральный закон РФ № 82-ФЗ такое положение содержит. Таким образом, народы, признанные коренными Конвенцией № 169, не являются коренными согласно российскому законодательству. Отмечается, что 50-тысячный порог для признания этноса коренным малочисленным народом не считается оправданным, потому что таким образом этнические группы искусственно делятся на «находящиеся под угрозой вымирания» и «благополучные» [8, с. 60].

Основным препятствием для ратификации Конвенции № 169 Россией является положение о праве собственности на землю. Конвенция признает за коренными народами права собственности и владения на земли, которые они традиционно занимают¹⁰. Согласно российским законам, коренные малочисленные народы в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности могут безвозмездно пользоваться землями, необходимыми для осуществления их традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами¹¹. Так, ст. 14 Конвенции № 169 требует признания права собственности

⁹ Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 05.04.2009) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

¹⁰ Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах».

¹¹ Федеральный закон № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

и владения коренными народами землями, которые они занимают. Кроме того, законодательство стран должно предусмотреть процедуры для разрешения споров по поводу земель. В отличие от Конвенции, российские законы не содержат положений о признании прав за коренными народами на владение их землями. При этом Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока устанавливает признание значения земли и других природных ресурсов как основы традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера одним из принципов устойчивого развития малочисленных народов Севера¹². Как отмечают некоторые исследователи, в настоящее время промышленное освоение земель, даже если они располагаются в местах традиционного проживания коренного населения, входит в сферу экономических интересов государства, поэтому в рамках данной политики не представляется возможным передача земель в собственность коренным народам [13, с. 56].

Федеральный закон № 82-ФЗ лишь сохраняет право безвозмездного использования земель за коренными народами. Так, ст. 12 Федерального закона РФ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» устанавливает, что члены общины малочисленных народов вправе использовать для нужд традиционного хозяйствования и промыслов объекты животного и растительного мира, общераспространенные полезные ископаемые и другие природные ресурсы. В российском законодательстве также не предусмотрены специальные процедуры по решению споров относительно земель коренных народов.

Особую проблему в современных условиях приобретает борьба за статус, так как обладание статусом коренного малочисленного народа предоставляет право пользования землями и получения государственных субсидий. Считаем, что уместным примером здесь могут служить коми-ижемцы, которые в настоящее время насчитывают около 15,5 тыс. чел. и являются этнографической группой в составе коми-зырян. Поскольку группа формально не отнесена к коренным (хотя в ряде документов территория традиционного хозяйствования ижемских оленеводов и обозначалась как территория проживания коренных народов), ижемские оленеводы не могут перейти к частному владению стадами, а вынуждены работать в рамках кооперативов и совхозов, что снижает эффективность хозяйствования и ущемляет их интересы. С 1960-х гг. происходит изменение структуры собственности оленеводов: частная собственность

¹² Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

на оленей увеличивается, в то время как совхоз продолжает владеть большинством стад [6, с. 291–292]. К началу 2000-х гг. оленеводство коми-ижемцев стало частной коммерческой отраслью, действующей под эгидой еле сводящих концы с концами совхозов [7, с. 20]. Некоторые соседние с коми-ижемцами народы (саамы, ненцы, вепсы) имеют статус «коренные малочисленные народы Севера», что подводит этническую группу, которая также занимается традиционными промыслами, к обособлению от материнского сообщества и заставляет заявлять о себе как о самостоятельном народе и бороться за статус¹³. Официальное признание коми-ижемцев отдельным этносом и придание им статуса коренных малочисленных народов Севера позволило бы им перейти к частному владению оленьими стадами, получить государственные субсидии, а также снизить социально-экономическую напряженность в регионе.

Земельный кодекс РФ содержит положения, согласно которым в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и этнических общностей нормативными правовыми актами может быть установлен особый правовой режим использования земель указанных категорий (п. 3 ст. 7)¹⁴. О том же говорит и Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»: правовой режим территорий традиционного природопользования устанавливается положениями о территориях традиционного природопользования, утвержденными соответственно уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления с участием лиц, относящихся к малочисленным народам, и общин малочисленных народов или их уполномоченных представителей¹⁵.

Таким образом, в российском законодательстве не говорится о признании права коренных народов на владение землями; отмечается только необходимость выделения земель с особым правовым режимом использования и охраны и право коренных народов пользоваться этими выделяемыми землями. Однако установление особого правового режима использования и охраны земель нельзя считать установлением права собственности.

Проблемной точкой является также напряженная экологическая ситуация в некоторых местах традиционного проживания коренных народов. Во многих случаях это связано с работой промышленных предприя-

¹³ Садохин А., Шабаев Ю. Этническая «карта» России и культурная политика. С. 26.

¹⁴ «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ.

¹⁵ Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

тий вблизи традиционных земель. Отсутствие полноценной системы этнологической экспертизы наряду с невозможностью признания права коренных народов на владение землями ставит индигенные группы в жесткие рамки, так как компании не обязаны брать разрешение местного населения на разработку новых месторождений, оценивать и возмещать ущерб от своей деятельности¹⁶.

Указывается, что наиболее урегулированным является обеспечение прав коренных народов в сфере рыболовства. Однако и здесь есть проблемные моменты: необходима детальная регламентация права приоритетного доступа индигенных групп к рыбопромысловым участкам и водным ресурсам [5, с. 35].

В настоящее время обсуждается правовая коллизия, возникшая в российском законодательстве относительно пастбищ оленеводов. В то время как Федеральный закон от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» гарантирует малым народам безвозмездное пользование землями в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, Земельный кодекс предоставляет им находящиеся в государственной или муниципальной собственности земли для сохранения и развития традиционного образа жизни в аренду без права выкупа участка в собственности. Согласно Земельному кодексу, с 1 января 2018 г. для общин коренных малочисленных народов Севера предусматривается арендная плата за использование оленьих пастбищ и охотничьих угодий. Подразумевается, что платить за пользование землями должны хозяйства, не зарегистрировавшие в установленный срок участки в безвозмездное пользование в федеральном земельном кадастре. Таким образом, они должны оформить угодья в аренду. Отмечается, что данная коллизия серьезно задевает 16 арктических кочевых народов, для которых арендная плата может стать неподъемной и лишить их земель, необходимых для выпаса оленей и ведения традиционного хозяйства¹⁷.

Положение коренных народов различно даже в пределах одной страны. Этому способствуют разный статус регионов их проживания и особенности регионального законодательства.

Конституция РФ оговаривает общие права народов. Так, в ст. 26 говорится о том, что каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность, каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Закон РФ «Об образовании» содержит положение, по которому граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор

¹⁶ Murashko O. Russian Federation. С. 44.

¹⁷ Слепцов А. Оленеводы без пастбищ.

языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (п. 1 ст. 14)¹⁸.

Развитие образования в Республике Коми происходит в соответствии с государственной программой¹⁹. Документ среди своих задач отмечает развитие этнокультурного образования. Одним из целевых индикаторов является процент учеников, изучающих коми язык. Согласно государственной программе, к 2020 г. 74 % учеников средней школы должны изучать коми язык. Однако в документе не указаны меры по достижению этого уровня (само слово «коми» встречается на 252 страницах программы всего 10 раз). Кроме того, Министерство образования, науки и молодежной политики Коми нацелено на выполнение поручений Президента РФ²⁰, согласно которым изучение национальных языков должно быть переведено на добровольную основу. Так, 26 октября 2017 г. Министерство издало приказ об изъятии коми языка из обязательной программы. После обращения представителей коми с требованием отменить приказ Глава Коми временно приостановил его действие. В настоящее время в республике действует система, по которой коми язык изучается двумя способами: как родной в школах, где коми население составляет большинство, и в качестве государственного в остальных случаях. Пример с изменением региональной системы национального образования посредством указов Президента показателен и дает понять, что федеральный контроль над регионами, даже являющимися национально-государственными образованиями, усиливается [4, с. 6–7]. Согласно Конституции, Республика Коми устанавливает два государственных языка на своей территории: коми и русский. В республике также гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ст. 67).

Сложнее обстоит ситуация с Карелией. В Конституции Республики Карелия говорится, что статус государственного в регионе имеет лишь русский язык (ст. 11). Карельский язык не является официальным в Карелии, и регион не может возвести его в статус государственного. Этому есть объяснение. В России действует Закон «Об образовании», согласно которому «Российская Федерация гарантирует всем ее народам независимо от их численности равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения» (ст. 2). Государственным языком на всей ее территории

¹⁸ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации».

¹⁹ Постановление Правительства Республики Коми от 28.09.2012 № 411 «Об утверждении государственной программы Республики Коми «Развитие образования»».

²⁰ Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям № Пр-1710 от 28.08.2017.

РФ является русский, однако республики имеют право устанавливать свои государственные языки (редакция Федерального закона от 24.07.1998 г. № 126-ФЗ). В новой редакции Закона (от 11.12.2002 г. № 165-ФЗ) в ст. 3 введен п. 6, который гласит: «В Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами». Карельский язык построен на основе латиницы, поэтому статус государственного языка своего региона не может быть присвоен ему стандартной процедурой (через простое внесение изменений в Конституцию республики), для этого нужен специальный федеральный закон, который пока не вышел. Однако ст. 11.2 Конституции Республики Карелия народам, проживающим на ее территории, гарантируется право на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития.

Таким образом, на Европейском Севере России только Республика Коми объявила язык титульной этнической группы государственным. В Республике Карелия в настоящее время идея провозглашения карельского языка вторым государственным активно дискутируется и получает все более широкую поддержку специалистов, хотя проблема единого литературного языка до сих пор не решена, как не решена проблема нормирования его диалектных форм.

Помимо языка как носителя культуры необходимо обратить внимание и на общее состояние культурных традиций. Так, согласно Конституции Республики Коми, на ее территории гарантируется сохранение и развитие языка, традиционной культуры и образа жизни коми народа и других народов, проживающих в республике (ст. 2). Республика Карелия ст. 29 своей Конституции устанавливает национально-региональные компоненты государственных образовательных стандартов, поддерживает различные формы образования, способствует развитию науки.

Устав Мурманской области также указывает на важность сохранения национальных культур и традиционного образа жизни: органы государственной власти содействуют коренному народу Кольского Севера – саамам – в реализации их прав на сохранение и развитие родного языка, национальной культуры, традиций и обычаев; саамы также пользуются правами на традиционные виды природопользования и промыслов (ст. 21). Среди основных направлений экономической политики Мурманской области отмечена и защита исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных народов Севера Российской Федерации (ст. 40).

Проблема сохранения национального языка является одной из важнейших и сложных, так как даже в республиках, имеющих свой язык

в статусе государственного, происходит сокращение его использования и постепенный отказ от него²¹. Однако придание языку статуса государственного само по себе ситуацию не улучшает. Часто официальный язык остается таковым лишь в законах, положения которых не используются, получение услуг на национальных языках часто затруднено или вовсе невозможно (с оговоркой, что официальные документы должны издаваться на всех официальных языках региона). Такую ситуацию связывают с отсутствием содержательного определения официального статуса языка и механизмов реализации положений закона на практике²². Отмечается также, что для разработки и ведения государственной языковой политики необходимо юридически закрепить требования при использовании официального или государственного языка [1, с. 45].

Помимо придания языкам титульных групп особого статуса российские регионы пытаются подчеркнуть и особый символический статус самих этих групп. Так, Конституция Республики Карелия говорит, что исторические и национальные особенности Карелии определяются проживанием на ее территории карелов (ст. 1.5). По Конституции Республики Коми, образование Республики Коми и ее название связаны с исконным проживанием на ее территории коми народа (ст. 2).

В региональных законодательствах предусмотрено участие этнических меньшинств в процессе принятия политических решений. Сюда можно отнести практику предоставления квот для участия малочисленных народов в работе органов власти субъектов России [3, с. 24–25]. Некоторые национальные организации пользуются правом законодательной инициативы. Согласно Конституции Республики Коми, правом законодательной инициативы, кроме органов государственной власти, обладает также межрегиональное общественное движение «Коми войтыр» (ст. 75). Другие этноориентированные организации такого права лишены, что ставит их в неравное положение. Конституция Республики Карелия в этом смысле более корректна, ибо предоставила право законодательной инициативы всем региональным (республиканским) общественным организациям и региональным отделениям (организациям, комитетам) общероссийских общественных организаций в лице их высших руководящих органов (п. 1 ст. 42).

Примером различного статуса российских регионов также является использование экономического детерминизма как подхода к решению этнонационализма. Согласно ему, бедность некоторых этнических групп служит источником к проявлению сепаратизма и национализма. Иными

²¹ Кузнецова А. Ю. Права коренных народов в конституциях и основных законах финно-угорских регионов Российской Федерации.

²² Zamjatin K., Pasanen A., Saarikivi J. Как и зачем сохранять языки народов России? С. 58.

словами, цель экономического детерминизма – экономически выровнять регионы путем вливания средств в некоторые из них. Отмечается, что результаты подобной политики – «тактики покупки лояльности этнических лидеров» – краткосрочны²³. Поскольку Север России богат природными ресурсами, некоторые северные регионы являются регионами-донорами, что также тормозит их развитие.

Важным документом в сфере государственной национальной политики Российской Федерации является также Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Первые же положения документа говорят о том, что стратегия разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод граждан (ст. 2)²⁴. Так, на первое место выдвигается не развитие национальных языков и культур, а обеспечение интересов государства. Однако Стратегия уделяет достаточно внимания проблемам малых народов: среди целей государственной национальной политики Российской Федерации отмечено сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России (ст. 17), среди принципов государственной национальной политики РФ названо равноправие и самоопределение народов РФ, уважение национального достоинства граждан, государственная поддержка и защита культуры и языков народов РФ, взаимное уважение традиций и обычаев народов РФ, обеспечение гарантий прав коренных малочисленных народов, включая поддержку их экономического, социального и культурного развития, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни, обеспечение прав национальных меньшинств (ст. 19).

Представляется, что основные идеи российской национальной политики выражены в следующем: создание «единой российской нации», признание ключевой роли русского языка и русской культуры в российском обществе, решение межэтнических проблем²⁵. Признается отсутствие в законодательных актах четких формулировок, понятий и механизмов, что создает сложности, например, для определения, какие именно этнические группы относятся к коренным малочисленным

²³ Барышная Н. А. О механизмах государственного регулирования этнополитических отношений в России. С. 174.

²⁴ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

²⁵ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»; Проект Федерального закона № 369190-3 «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации».

народам, какие документы предоставить для получения такого статуса [2, с. 129, 131, 136].

Обсуждение и заключение. Во многом законодательство России в отношении коренных малочисленных народов формулирует общие принципы, носит декларативный характер [10, с. 114], теоретически предоставляя малым этносам права и разрабатывая механизмы защиты, но на деле исполнение этих положений отдается в полное распоряжение местным органам власти и ограничивается недостаточностью ресурсов, примеры чего были приведены выше.

На необходимость нормативно-правового регулирования отношений между государством, предприятиями и коренным населением указывают многие исследователи. В частности, Ю. П. Шабаев, приводя пример конфликта, согласно которому нефтяные и газодобывающие компании ведут разработку месторождений на территориях традиционного природопользования поморов, говорит о сложностях для обеих сторон из-за отсутствия регулирования отношений между государством и локальными этническими группами²⁶. Создание государственного механизма по разрешению территориальных споров сыграло бы значимую роль в этом отношении. Е. А. Корчак также делает вывод о несовершенстве институционального регулирования жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера. Исследователь подчеркивает, что национальная политика России ограничена вопросами сохранения культурного и природного наследия [9, с. 6]; другие же вопросы остаются за рамками законодательства.

Следование нормам международного права и ратификация конвенций ООН также могли бы расширить права коренных народов и помочь в решении некоторых их проблем, однако использование определенных соглашений осложняется неприятием российской стороной положений данных документов.

В. В. Гайдук предлагает механизм политической медиации в качестве способа разрешения этносоциальных конфликтов. Решения медиатора, состоящего из независимой от политической воли властных элитарных групп научно-экспертной группы политологов, рекомендуется сделать необязательными для сторон конфликта и направлять высшему руководству страны для сведения [11, с. 75]. Подобная инициатива может стать временной мерой до создания полноценного механизма по разрешению споров, однако необязательность исполнения решений может сделать эту форму улаживания конфликтов безрезультатной и свести ее значимость до минимума.

Одним из способов разрешения сложившихся противоречий также может стать принятие разрабатываемого и активно обсуждаемого закона

²⁶ Шабаев Ю. П. Русский Север в современной этнополитике. С. 203.

об этнологической экспертизе, которая подразумевает проведение оценки последствий ведущей хозяйственной деятельности и управленческих решений на социально-культурное развитие малочисленных народов и территорий их проживания. Успешным примером признается этнологическая экспертиза, проведенная в Кемеровской области (где развитие инфраструктуры угледобывающей компании велось в непосредственной близости от традиционного проживания шорцев), для чего создан регламент, заложивший основу и принципы механизма: этнологическая экспертиза является государственной услугой, которая может быть заказана администрацией области; представители коренных народов должны иметь право выступить инициаторами такой экспертизы [12, с. 25]. Отмечается, что в настоящее время этнологическая экспертиза является возможностью, а не обязанностью. При дальнейшем развитии законодательства право на этнологическую экспертизу может стать реализацией права на культурную самобытность и возможность управления культурным многообразием²⁷.

Таким образом, этнологическая экспертиза позволит сохранить исконную среду проживания, традиционный образ жизни и промыслы этнических групп. Использование подобных мер начинает складываться в России, однако еще не сформировано полноценное законодательство в этой сфере. Этот факт предоставляет возможность для дальнейшего наблюдения за ситуацией и последующих исследований в данной теме, поскольку подобные научные работы актуальны не только для представителей власти и малых народов, но и для политологов, а также всех заинтересованных вопросами этнополитологии и положением малочисленных этнических групп.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белов С. А., Кропачев Н. М., Соловьев А. А. Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. Право. 2017. Т. 8, вып. 1. С. 42–61. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2017.103>
2. Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M. Legal and Political Framework of the Federal and Regional Legislation on National Ethnic Policy in the Russian Arctic // The Polar Journal. 2017. No. 7. Pp. 125–142. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2017.1327748>
3. Задорин М. Ю., Минчук О. В. Этнополитика России в Арктической зоне: интеграция, региональная мультикультуральность, традиция // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 4–27. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.29.4>

²⁷ Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза: на перекрестке истории, этнологии и юридической антропологии. С. 79.

4. Prina F. The Position of National Minorities in Putin's Russia: Uniformity or Diversity? // Cicero Foundation Great Debate Paper. 2015. No. 8. URL: <http://eprints.gla.ac.uk/115595/> (дата обращения: 19.04.2018).
5. Савенков А. Н. Арктика: правовое обеспечение устойчивого развития и сотрудничества // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13, № 1. С. 22–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arktika-pravovoe-obespechenie-ustoychivogo-razvitiya-i-sotrudnichestva> (дата обращения: 19.04.2018).
6. Dwyer M. J., Istomin K. V. Komi Reindeer Herding: The Effects of Socialist and Post-Socialist Change on Mobility and Land Use // Polar Research. 2009. Vol. 28, issue 2. Pp. 282–297. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-8369.2009.00108.x>
7. Истомин К. В. Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: снеговая революция и рыночная реставрация // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 17–25. URL: http://uralhist.uran.ru/archive/411/428/_aview_b167 (дата обращения: 19.04.2018).
8. Соколовский С. В. Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 59–76. URL: <http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2008/4.htm> (дата обращения: 19.04.2018).
9. Корчак Е. А. Коренные народы Севера в государственных арктических стратегиях [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10096> (дата обращения: 19.04.2018).
10. Fondahl G., Poelzer G. Aboriginal Land Rights in Russia at the Beginning of the Twenty-First Century // Polar Record. 2003. Vol. 39, issue 2. Pp. 111–122. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247402002747>
11. Гайдук В. В. Политические медиаторы этносоциальных и межкультурных коммуникаций // Вестник БИСТ. Сер.: Общественные науки. 2014. № 4 (25). С. 72–78. URL: <https://vestnik-bist.ru/ru/arkhiv-nomerov/2014-2/> (дата обращения: 19.04.2018).
12. Садовой А. Н., Поддубиков В. В. Этнологическая экспертиза в практике регионального управления: опыт Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1 (45). С. 22–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16388722> (дата обращения: 19.04.2018).
13. Кондрашев А. А., Зенкина А. Б., Роньжина О. В. Северные (арктические) территории Российской Федерации: реализация экономических прав коренных малочисленных народов // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5. С. 53–61. URL: http://rp-journal.ru/?page_id=839 (дата обращения: 19.04.2018).

Поступила 12.11.2018; принята к публикации 21.12.2018; опубликована онлайн 29.03.2019.

Об авторе:

Кузнецова Анна Юрьевна, аспирант сектора этнографии отдела истории и этнографии ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), докторант Института истории и археологии

Университета Тарту (50090, Эстония, г. Тарту, Юликооли, д. 18), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8420-2333>, ann-kuznetsova@mail.ru

Для цитирования:

Кузнецова А. Ю. Права малых народов Европейского Севера России в законодательных актах Российской Федерации // Регионология. 2019. Т. 27, № 1. С. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.082-099>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Belov S.A., Kropachev N.M., Soloviev A.A. Working out a Concept and the Normative Legal Provision of the State Language Policy in the Russian Federation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14. Pravo* = Vestnik SPbSU. Series 14. Law. 2017; 8(1):42-61. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2017.103>
2. Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M. Legal and Political Framework of the Federal and Regional Legislation on National Ethnic Policy in the Russian Arctic. *The Polar Journal*. 2017; (7):125-142. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2017.1327748>
3. Zadorin M.Yu., Minchuk O.V. The Ethnopolitics of Russia in the Arctic Zone: Integration, Regional Multiculturalism, and Tradition. *Arktika i Sever* = Arctic and North. 2017; (29):4-27. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.29.4>
4. Prina F. The position of National Minorities in Putin's Russia: Uniformity or Diversity? *Cicero Foundation Great Debate Paper*. 2015; (8):17. Available at: <http://eprints.gla.ac.uk/115595/> (accessed 19.04.2018).
5. Savenkov A.N. The Arctic: Legal Aspects of Cooperation and Sustainable Development. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018; 13(1):22-42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/arktika-pravovoe-obespechenie-ustoychivogo-razvitiya-i-sotrudnichestva> (accessed 19.04.2018). (In Russ.)
6. Dwyer M.J., Istomin K.V. Komi Reindeer Herding: the Effects of Socialist and Post-Socialist Change on Mobility and Land Use. *Polar Research*. 2009; 28(2): 282-297. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-8369.2009.00108.x>
7. Istomin K.V. Nomadic Mobility of the Komi-Izhem Herders: Snowmobile Revolution and Market Restoration. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* = Ural Historical Journal. 2015; (2):17-25. Available at: http://uralhist.uran.ru/archive/411/428/_aview_b167 (accessed 19.04.2018). (In Russ.)
8. Sokolovsky S.V. [Indigenous Peoples: from the Policy of Strategic Essentialism to the Principle of Social Justice]. *Ehtnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2008; (4):59-76. Available at: <http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2008/4.htm> (accessed 19.04.2018). (In Russ.)

9. Korchak E.A. Indigenous Peoples of the North in the National Arctic Strategies. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern Problems of Science and Education. 2013; (5). Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10096> (accessed 19.04.2018). (In Russ.)
10. Fondahl G., Poelzer G. Aboriginal Land Rights in Russia at the Beginning of the Twenty-First Century. *Polar Record*. 2003; 39(2):111-122. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247402002747>
11. Gaiduk V.V. Political Mediators Ethnosocial and Intercultural Lines of Communication. *Vestnik BIST. Seriya: Obshchestvennye nauki* = Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies) Social Sciences. 2014; (4):72-78. Available at: <https://vestnik-bist.ru/ru/arkhiv-nomerov/2014-2/> (accessed 19.04.2018). (In Russ.)
12. Sadovoy A.N., Poddubikov V.V. Ethnological Expert Examination in Regional Government Practice: The Experience of the Kemerovo Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Kemerovo State University. 2011; (1):22-26. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16388722> (accessed 19.04.2018). (In Russ.)
13. Kondrashev A.A., Zenkina A.B., Ronzhina O.V. Northern (Arctic) Territories of the Russian Federation: Implementation of Economic Rights by Indigenous Smaller Peoples. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* = Russian Law: Education, Practice, Researches. 2017; (5):53-61. Available at: http://rp-journal.ru/?page_id=839 (accessed 19.04.2018). (In Russ.)

Submitted 12.11.2018; accepted for publication 21.12.2018; published online 29.03.2019.

About the author:

Anna Yu. Kuznetsova, Postgraduate, Sector of Ethnography, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Science (26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar 167982, Russia), Doctoral Student, Institute of History and Archeology, University of Tartu (18 Ülikooli, Tartu 50090, Estonia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8420-2333>, ann-kuznetsova@mail.ru

For citation:

Kuznetsova A.Yu. Rights of Small Peoples Living in the European North of Russia in the Legislative Acts of the Russian Federation. *Regionologiya* = Regionology. 2019; 27(1):82-99. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.082-099>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Актуальное состояние и перспективы развития внутригородского местного самоуправления в больших городах

Р. Ф. Туровский*

О. С. Васеленко

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия),
*rturovsky@hse.ru

Введение. Целью статьи было выявление общих и особенных характеристик организации местного самоуправления в больших городах. Данный вопрос представляется актуальным как для теоретического осмысления деятельности местных органов власти во внутригородских районах, так и для совершенствования системы местного самоуправления в мегаполисах.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили общедоступная информация и научная литература по странам и городам с наиболее ярко выраженными собственными моделями и подходами к организации местного самоуправления. Были использованы сравнительный метод исследования и анализ нормативно-правовой базы выбранных стран и городов в части организации местного самоуправления и административно-территориального деления.

Результаты исследования. Рассмотрен ряд зарубежных моделей внутригородского местного самоуправления в больших городах. Посредством анализа выбранных кейсов, среди которых есть крупные города Европы, Америки и Азии, продемонстрировано совпадение некоторых тенденций, присущих как российским, так и зарубежным мегаполисам. Выявлен тренд к централизации полномочий на городском уровне управления вследствие делегирования или отчуждения ресурсов у районных муниципалитетов.

Обсуждение и заключение. Зарубежный опыт организации местного самоуправления на внутригородских территориях свидетельствует о том, что определяющим для моделей внутригородского самоуправления в мегаполисах является баланс между представительством внутригородских муниципалитетов

© Туровский Р. Ф., Васеленко О. С., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

на общегородском уровне и их автономией, а не влияние правовой системы или политический режим. Результаты исследования могут быть использованы для изучения политической субъектности внутригородских районов. Дальнейшие исследования позволят разработать концептуальные основы для политического анализа муниципальных образований районного уровня.

Ключевые слова: местное самоуправление, местная власть, муниципальная политика, внутригородское административное деление, внутригородской район, мегаполис

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00566 «Поселенческий уровень местного самоуправления в России: политическое положение и проблемы развития».

Current State and Prospects of Development of Municipal Self-Government in Big Cities

R. F. Turovsky*, O. S. Vaselenko

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia),
*rturovsky@hse.ru

Introduction. The article is devoted to the issue of identifying the general and specific features of arrangement of local self-government in big cities. This issue is relevant both for the theoretical understanding of the activities of local authorities in city districts, and for improving the system of local self-government in megalopolises.

Materials and Methods. The study used publicly accessible information and scientific literature on countries and cities with the most pronounced models and approaches to the arrangement of local self-government. The authors adopted the comparative method of research and analyzed the regulatory framework of the selected countries and cities in terms of the arrangement of local self-government as well as the administrative and territorial division.

Results. A number of foreign models of municipal self-government in large cities have been considered. The analysis of the selected cases (including those of major cities in Europe, America and Asia) has demonstrated the similarity of certain tendencies inherent in both Russian and foreign megalopolises. A trend has been revealed towards the centralization of powers at the city level of administration as a result of the delegation or alienation of resources from the district municipalities.

Discussion and Conclusion. The foreign experience of arrangement of local self-government in the territories within cities demonstrates that the determining factor for the models of municipal self-government in megalopolises is the balance between the representation of intracity municipalities at the city level and their autonomy, and not the influence of the legal system or political regime. The results of the research can be used when studying the political subjectivity of city districts. Further research will help develop a conceptual framework for the political analysis of the district-level municipalities.

Keywords: local self-government, local authorities, municipal policy, city administrative division, city district, megalopolis

Acknowledgments. The article was done with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-03-00566 “The Settlement Level of Local Self-Government in Russia: the Political Situation and Development Problems.”

Введение. Особенности местного самоуправления (далее – МСУ) и его проблемы актуализировались в связи с муниципальными выборами в Москве, на которых в 2017 г. оппозиционные кандидаты получили значительное число мандатов. Избрание самовыдвиженцев и выдвинутых от оппозиционных партий депутатов вновь вернуло в повестку несамостоятельное положение московского местного самоуправления, которое осуществляется в рамках внутригородских районов. Случай Москвы является в России редким (подобная система в нашей стране используется только в Санкт-Петербурге): внутригородские муниципальные образования (районы) являются самостоятельными единицами МСУ, а на общегородском уровне органы МСУ не создаются¹.

Полноценное самоуправление предполагает наличие как минимум двух органов: представительного (избранного на прямых выборах или посредством делегирования депутатов) и исполнительно-распорядительного. Если первые существуют в районах Москвы неизменно с 1996 г., то исполнительно-распорядительные органы – муниципалитеты – были упразднены по инициативе самих муниципальных советов в начале 2010-х гг. Упразднение исполнительных органов не только лишило депутатов возможности распоряжаться частью ресурсов, но и привело к отказу от части полномочий в пользу региональных и подконтрольных им районных органов власти. В связи с этой реформой московское самоуправление называют несамостоятельным и зависящим от управ – территориальных органов исполнительной власти г. Москвы. Управы и их главы подотчетны правительству города и мэру. Таким образом, у исследователей появляются сомнения относительно самостоятельности органов МСУ в Москве.

Пример Москвы в части сужения полномочий органов МСУ не является исключительным. Зарубежный опыт внутригородского местного самоуправления показывает, что практика осуществления полноценного самоуправления районными органами власти часто уступает место централизованному муниципальному управлению. В данной статье будут рассмотрены примеры организации самоуправления на внутригородских территориях больших городов, не являющихся при этом субъектами федерации. Гипотеза исследования заключается в том, что наличие автономного самоуправления во внутренних районах мегаполисов не является повсеместной практикой и само по себе не зависит от политического режима.

Целью статьи является изучение проблемы низкой автономии внутригородских районов в больших городах посредством обзора кейсов из различных правовых и политических систем.

¹ Устав города Москвы: закон города Москвы от 28 июня 1995 г. // Консультант Плюс : справочно-правовая система (дата обращения: 01.05.2018).

Обзор литературы. По мнению И. Михеевой, в последние годы в России в рамках перераспределения ресурсов «доходные» полномочия переходят на региональный или федеральный уровень². Вместо них часть государственных полномочий спускается на муниципальный уровень, и возможность отказаться от передаваемых полномочий у органов МСУ не предусмотрена. В результате, как справедливо отмечает С. Кордонский, региональные органы рассматривают органы МСУ как собственные исполнительные подразделения на местах³. Если подобное положение муниципалитетов в регионах обусловлено отдельными решениями и может носить временный и фрагментарный характер, то муниципалитеты в крупных городах (прежде всего, в Москве и Санкт-Петербурге) законодательно вписаны во внутригородские вертикали исполнительной власти.

Как правило, проблеме положения низовых органов самоуправления посвящены сравнительные исследования кейсов внутри одного государства или одной модели МСУ. К основным моделям относят англосаксонскую и континентальную модели [1]. Многие модели, существующие в рамках самобытных правовых и политических систем (преимущественно азиатские, например, в Индии), значительно отличаются как от двух основных моделей, так и друг от друга, в связи с чем их обобщение не представляется релевантным.

В целом для англосаксонской модели более характерна автономия местных органов власти, выборность, косвенное влияние со стороны государства; для континентальной – ограниченная автономия, назначаемость должностных лиц, сочетание органов МСУ с органами государственной власти на одном уровне, прямой контроль со стороны государства. М. Либоракина также отмечает, что в Европе существуют различия между моделями МСУ по оси «север – юг». В соответствии с историей государственности и развития гражданских свобод, для МСУ в северных странах характерна более высокая степень автономии, а для южных стран – более низкая.

Вопрос о том, транслируются ли напрямую эти принципы на самоуправление в городах, нечасто встречается в научной литературе. Главной предпосылкой к наличию внутригородского муниципального деления является высокая численность населения. Согласно Европейской Хартии местного самоуправления, публичные полномочия должны осуществлять-

² Михеева И. В. Местное самоуправление на современном этапе: векторы оптимизации // Политико-правовые проблемы взаимодействия муниципальных образований с различными уровнями власти. Материалы VII междунар. науч.-практ. конф. аспирантов, преподавателей, практических работников, посвященной 150-летию земской реформы. Саратов : Саратовский источник, 2014. С. 104–107.

³ Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М. Местное самоуправление или муниципальная власть? // XI международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 3 кн. М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. Кн. 1. С. 167–178.

ся теми органами, которые являются «наиболее близкими к гражданам»⁴. Близость к гражданам предполагает наличие органов самоуправления у малых групп, таких как сельские поселения или городские районы. Это связано не только с принципом представительства местных органов, но и с бюджетообразующим фактором. Документом допускается передача части полномочий и ресурсов органам управления более высокого уровня в случае, если самостоятельная деятельность местных органов неэффективна. И хотя только 47 стран являются участницами Хартии, подобные принципы заложены в законах ряда других государств.

Как правило, современные конституции регламентируют широту компетенций и ресурсов органов местного самоуправления. В них могут быть установлены основные принципы МСУ или весьма подробно описан порядок формирования местных органов. В унитарных или квазифедеративных государствах местное самоуправление может формально входить в систему государственной власти, но обладать автономией и принимать разнообразные формы. Так, в Южной и Восточной Европе, где преобладают унитарные государства, исторический централизм сменяется процессами регионализации и децентрализации. При этом в системах с двухуровневым самоуправлением верхние уровни МСУ в основном ориентированы на сотрудничество с муниципалитетами с целью сглаживания их высокой фрагментации [2]. В то же время МСУ в мегаполисах, федеральных столицах или городах со статусом региона может иметь особый порядок формирования, более узкие или, наоборот, расширенные полномочия.

В некоторых государствах местное самоуправление отсутствует, и муниципальное управление осуществляется местными органами государственной власти. Например, согласно Конституции Китайской Народной Республики, через местные органы «народ осуществляет государственную власть»⁵. Таким образом, местные органы в мегаполисах Китая являются органами государственной власти на местах.

Ряд исследователей связывают современное положение китайских мегаполисов с тем, что процесс урбанизации в Китае шел по уникальному пути [3]. Они отмечают появление «городских болезней» (пробки на дорогах и загрязнение окружающей среды), которые становятся все более серьезными социальными проблемами с ростом населения в городах Китая. В результате эффективность городского управления

⁴ Европейская хартия местного самоуправления (ратифицирована федеральным законом от 11.04.1998) // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.09.1998. № 36. Ст. 4466.

⁵ Конституция КНР. Принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 4 декабря 1982 г. В редакции 1993 г. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch3p3 (дата обращения: 14.05.2018).

падает, а на смену экономическому росту приходит обратный процесс ввиду перенаселения. Авторы считают, что одним из возможных путей является расширение участия граждан в решении остросоциальных, в частности экологических, проблем. При этом не отрицается значимость административных рычагов для лечения «болезней» в городских районах, особенно в мегаполисах.

Многообразие форм МСУ во внутригородских единицах связано и с различиями в статусе самих городов. Они могут являться самостоятельными муниципальными образованиями (Чикаго), регионами (Лондон) или обладать особым статусом (Дели). Районное управление конкретного города может зависеть и от его положения в административно-территориальном делении государства.

В западной литературе часто встречается утверждение, что фрагментированная система местного управления представляет собой рыночный механизм, в рамках которого конкуренция между поставщиками услуг приносит пользу гражданам-потребителям за счет повышения эффективности предоставления муниципальных услуг. При этом фрагментация МСУ может оказывать различное воздействие на благосостояние различных групп граждан – принося пользу одним и нанося ущерб другим. Б. Хименес отмечает, что некоторые страны Европы в настоящее время изучают возможность объединения местных органов власти для сокращения расходов [4]. Страны Азии, напротив, проводят децентрализацию и создают большее число местных органов власти для повышения оперативности реагирования на местные потребности. В результате автор пришел к выводу о том, что структура местного государственного сектора предполагает компромисс между эффективностью и равенством.

В то же время недавние исследования на примере Дании показывают, что увеличение численности населения отрицательно сказывается на удовлетворенности граждан деятельностью местных органов власти [5]. Другие исследования продемонстрировали, что процесс территориальной интеграции оказывает негативное влияние на явку избирателей [6].

Т. Сванстром считает, что объединение муниципалитетов в мегаполисе способствует региональному развитию и экономической интеграции [7]. С ним полемизируют китайские исследователи, отмечающие, что интеграция территорий не всегда идет на пользу местным сообществам [8]. Так, правительство провинции Гуандун в Китае предусматривает сотрудничество городов Шаньтоу, Чаочжоу и Цзэян с целью мобилизации неиспользованных ресурсов региона посредством политики, поощряющей интеграцию и рост этих городов. Однако, отмечают авторы, политика и риторика интеграции между городами не дали согласованных материальных результатов. Вместо этого три отдельных муниципалитета включились в политическую повестку не в целях сотрудничества

и интеграции, а для того чтобы воспользоваться недоступными ранее возможностями для повышения своей индивидуальной экономической конкурентоспособности. Авторы приходят к выводу о том, что неэффективность политики связана с отсутствием координации действий со стороны провинциального правительства.

К похожему выводу приходят Г. Хомси и М. Ворнер: на примере муниципальной экологической политики они доказывают эффективность многоуровневой системы управления, где задействованы сильные стороны всех уровней власти, а также граждане. Авторы доказывают, что локальная политика оказывается более эффективной там, где координирующую роль на себя берет правительство штата [9]. С ними полемизируют Х. Савич и С. Адхикари, которые обращают внимание на неоднозначную роль органов государственной власти в интеграции фрагментированных мегаполисов. Ученые говорят о «региональном парадоксе», согласно которому центробежные силы от автономных, конкурентоспособных местных органов власти выступают против городской интеграции, в то время как центростремительное давление региональной политики стремится к ней. В результате обе тенденции воплощаются во фрагментарном регионализме – при сохранении местной автономии региональные органы власти могут иметь значительное влияние на локальную политику [10].

При этом исследователи неоднократно заявляли о взаимосвязи между местным самоуправлением и политическим режимом в целом. В недемократических режимах местное самоуправление может иметь значение «фасада» или же осуществлять коммуникационную функцию между локальными сообществами и органами государственной власти, в то время как в демократиях оно призвано реализовывать общественные интересы в вопросах местного значения. Системы местного самоуправления в разных территориальных единицах даже в рамках одного региона могут иметь существенные различия. Ввиду особенностей локального режима именно местное самоуправление в автократиях может формировать демократические «участки» [11].

Выборы же в органы власти внутригородских территорий могут проходить под влиянием субнациональных политических режимов. Принято считать, что слабая конкуренция, доминирование исполнительной власти над представительной, низкая вовлеченность избирателей – это условия, которые накладывает на выборы недемократический режим. Однако подобные обстоятельства возникают в больших городах в различных политических режимах, если склонность к консолидации полномочий и ресурсов обусловлена стремлением к эффективному распределению благ.

Как отмечают авторы исследования локальных выборов в автократиях, субнациональные выборы также могут способствовать консолидации авторитарного режима. В частности, в период с 2001 по 2012 г. выборы

мэров в России обеспечивали лояльность элит и позволяли центру действовать их ресурсы [12].

Таким образом, исследователи местного самоуправления в больших городах развивают идею о том, что режимные различия, правовые системы и формы правления не всегда являются факторами, детерминирующими организацию и деятельность локальных органов власти. Неспособность этих критериев объяснить общие тенденции обусловила наше внимание к формам организации местной власти в ряде крупнейших мегаполисов, функционирующих в условиях различных политических режимов.

Материалы и методы. Принимая во внимание разнообразие политических режимов, в условиях которых развиваются современные мегаполисы, в данной работе будут рассмотрены внутригородские территории больших городов, существующих в разных типах правления.

Выборка содержит города с разным типом административно-территориального деления, которое не оказывает прямого влияния на степень автономии органов МСУ. Важно отметить, что среди рассматриваемых кейсов присутствуют города как федеративных, так и унитарных государств. Мегаполисы могут обладать административной автономией в рамках ассиметричных унитарных государств или особым статусом в федерациях, поэтому ключевым критерием в выборе кейсов стало наличие внутригородского деления. Города и их внутригородские территории рассматриваются именно как единицы МСУ, в связи с чем крупнейшие российские города Москва и Санкт-Петербург, являющиеся субъектами Федерации, в выборку не попали.

Для выявления общих и различных черт организации местного самоуправления был использован сравнительный метод исследования. Эмпирическая база состоит из материалов открытых источников, а также представляет нормативно-правовые акты, включающие конституции государств, региональные и местные законы и официальные решения.

Результаты исследования. В Великобритании система административно-территориального деления имеет сложную и асимметричную структуру, которая закреплена в ряде нормативно-правовых актов. После принятия Акта о местном управлении 1972 г. и многолетней дискуссии о введении двухуровневой или одноуровневой системы МСУ выбор был произведен в пользу двухуровневого самоуправления. Для больших городов было сделано исключение, и в них органы МСУ носили общегородской характер.

Лондон стал еще большим исключением. В первой половине XX в. управление городом осуществляли 90 внутригородских муниципалитетов, но подобная система показала себя неэффективной. Тогда в 1965 г. был создан общегородской муниципальный орган – Совет Большого Лондона, который передал часть административных функций новым

32 районам (boroughs) и лондонскому Сити. В 1994 г., в рамках реформы административно-территориального деления, Большой Лондон стал одним из девяти регионов Англии. При этом общегородское управление появилось только в 2000 г., после того как законом об администрации Большого Лондона 1999 г. были учреждены Администрация Большого Лондона, Лондонская Ассамблея и должность мэра города⁶. Таким образом, на региональном (общегородском уровне) Лондоном управляют мэр, избираемый прямым голосованием на 4 года, ассамблея и администрация.

В районах города управление осуществляют советы, которые избираются по мажоритарной системе на 4 года. Особым образом управляется Сити – Корпорацией лондонского Сити. При этом порядок формирования органов МСУ в районах Лондона может отличаться. Так, в 28 районах главу района, как и председателя совета, выбирают местные депутаты. В четырех районах мэр района избирается напрямую населением. Если мэр района выбирается напрямую, то он имеет административные полномочия, в противном случае – выполняет церемониальную функцию.

Согласно законам, регулирующим объем компетенций органов управления Лондоном, у районных органов есть исключительные полномочия – социальное и рекреационное обеспечение, сбор и утилизация отходов, охрана окружающей среды, сбор местных налогов, содержание публичных библиотек и кладбищ. Эти полномочия осуществляются за счет бюджетов районов, которые формируются из поступлений от местных налогов, муниципальной собственности и услуг, а также дотаций из региона. К совместным полномочиям районных и городских органов относятся стратегическое и транспортное планирование, жилищно-коммунальное хозяйство, проведение дорожных работ. Все остальные компетенции относятся к сфере ведения администрации Большого Лондона (планирование строительных работ, полицейская и пожарная безопасность, общественный транспорт и др.).

Однако для некоторых районов самостоятельное осуществление полномочий со временем становится неэффективным или невозможным. В этой связи появилась тенденция к объединению части полномочий между несколькими районами Лондона. Согласно акту о местном управлении 1972 г., местные органы власти имеют право вступать в ассоциации и осуществлять полномочия совместно. Этим правом в 2010 г. решили воспользоваться сразу три района Лондона, заявив об объединении администраций на фоне сокращения бюджетов районов⁷. Спустя три года

⁶ Закон об администрации Большого Лондона. 1999 г. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/29/contents> (дата обращения: 20.03.2018).

⁷ "Super council" plan to merge three London boroughs' services // The Guardian. 2010. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2010/oct/22/super-council-merge-london-boroughs> (дата обращения: 14.05.2018).

подготовки программы объединения районы заключили десятилетний контракт и сформировали рабочую группу под названием Ameu, которая объединила служащих всех трех районов для осуществления совместных полномочий в области благоустройства и обслуживания зданий. При этом районы сохранили политический статус и оставили за собой право самостоятельно осуществлять остальные полномочия.

Политическая автономия внутригородских органов МСУ Лондона отчасти обусловлена и тем, что на местах отсутствуют полномочные представители верхних уровней власти, в функции которых входит надзор за деятельностью местных органов [13]. Влияние на работу местного самоуправления происходит за счет межбюджетных трансфертов и процедур согласования с вышестоящими органами власти.

Таким образом, местное самоуправление в Лондоне осуществляется в границах районов, выборные органы которых самостоятельно формируют местные администрации. Их компетенции пересекаются с региональными (т. е. общегородскими) органами только в рамках совместных полномочий, которые определены законодательством. В результате трансформации системы управления городом был сделан выбор в пользу одноуровневого местного управления. Последнее зависит от государственных трансфертов, в связи с чем может получить развитие тенденция к укрупнению внутригородских муниципальных образований или их кооперации при реализации полномочий.

Значительное влияние на формирование современной системы МСУ Франции оказала политика децентрализации, нормы которой были закреплены в Кодексе территориальных сообществ в 1996 г. Ключевой из них является отсутствие иерархии и подчинения между территориальными сообществами, каждое из которых является подконтрольным государству.

Париж одновременно является департаментом (единицей административно-территориального деления) и коммуной (единицей муниципального деления), а также входит в состав региона Иль-де-Франс. Население Парижа в границах департамента составляет около 2,2 млн чел., а население агломерации – более 10 млн чел.

В 2009 г. началась дискуссия о трансформации системы МСУ в регионе Иль-де-Франс, нацеленная на интеграцию Парижа с его окружением для создания «мегаполиса XXI века» и развития парижской агломерации. Проект, получивший название «Большой Париж», предполагает развитие и реконструкцию транспортных сетей по всему региону, строительство доступного жилья, образовательных и культурных центров, которые обеспечат население рабочими местами [14]. Важно отметить, что в проекте развития парижской агломерации изменение административных границ и реформа МСУ отмечаются как возможный шаг, следующий за изменением социальной, экономической и транспортной системы города,

а не предшествующий им. Появление агломераций – объективный процесс, который не связан с изменением административных и муниципальных границ. Наоборот, административные барьеры, жестко предписывающие муниципалитетам круг полномочий, препятствуют экономической интеграции⁸. Поэтому проект развития агломерации, не предполагающий моментального изменения административных границ, представляется адекватным тем вызовам, с которыми сталкивается Париж и регион Иль-де-Франс в целом.

Общегородской орган управления – Совет Парижа – сочетает функции муниципального (как в коммуне) и генерального (как в департаменте) советов. Главой коммуны является выборный мэр, а главой департамента – назначаемый президентом префект. Основная функция префекта – координация государственной политики в департаменте и регионе. Мэра Парижа выбирают муниципальные советники (члены Совета Парижа), которые избираются населением напрямую. Мэр выступает единственным исполнительным органом в Париже, поскольку администрация является общей между коммуной и департаментом. К функциям мэра относят руководство Советом, а также участие в бюджетном процессе и стратегическом планировании. Деятельность мэра контролируется префектом.

Внутригородские территории Парижа (20 округов) управляются местными советами, члены которых избирают мэров округов. Округа не являются юридическими лицами, не имеют собственного бюджета, только сметы. Сметы районов являются приложением к бюджету коммуны, который составляет Совет Парижа. Таким образом, районы Парижа не являются автономными, поскольку их ресурсы полностью зависят от городского Совета, а муниципальные органы находятся под контролем префекта и представителей департамента на местах.

В ведении районных советов находятся согласование планов развития районов, обеспечение деятельности социальных служб, обслуживание оборудования и сооружений на территории округа. Кроме них районные советы могут выполнять ряд функций, делегированных им с городского уровня (например, распределение социального жилья).

Округа Парижа делятся на кварталы – каждый округ на четыре квартала. В остальных территориях Иль-де-Франс управление административными и муниципальными единицами осуществляется так же, как и по всей Франции (за исключением Лиона и Марселя – в них система МСУ похожа на парижскую). Таким образом, на данный момент не существует ни единого органа управления парижской агломерации, ни унифицированной системы местного самоуправления даже в границах Большого Парижа.

Формально система местного самоуправления в Париже является двухуровневой, однако фактически районный уровень подчинен город-

⁸ Зубаревич Н. В. Территориальный ракурс модернизации // SPERO. 2009. № 10. С. 33–54.

скому, органы которого совмещают функции самоуправления и органов государственной власти. Таким образом, для Парижа характерна значительная степень централизации местного самоуправления, в рамках которой городские власти способны оказывать прямое влияние на местное самоуправление через административный контроль. Иными словами, районное самоуправление в Париже обладает невысокой степенью политической автономии.

Американская модель местного самоуправления часто противопоставляется французской (континентальной). В США местное самоуправление в целом носит поливариативный характер и отличается в разных штатах, поскольку порядок формирования местных органов власти входит в круг их исключительных компетенций. Наиболее популярными моделями городского управления являются «мэр и городской совет» и «городской совет и сити-менеджер». В первом случае мэр, как и члены городского совета, избирается напрямую, а во втором – назначается городским советом по контракту. Как правило, вторая система используется в небольших городах.

Обе модели могут иметь верхний и нижний уровни: советы метрополий, объединяющие несколько населенных пунктов, и советы районов – низовые органы самоуправления. Деятельность обоих уровней финансируется либо за счет собственных средств и взносов, либо за счет трансфертов из бюджетов муниципалитета и местного правительства.

Особенностью муниципальных образований США является высокий уровень автономии, который обеспечивается местными налогами, сборами, штрафами и другими доходами, которые составляют местный бюджет. Бюджеты части муниципалитетов, согласно региональному законодательству или ввиду слабости местной экономики, пополняются за счет региональных или федеральных дотаций.

Среди крупнейших городов США – Нью-Йорка, Лос-Анджелеса и Чикаго – также наблюдается многообразие форм МСУ. Чикаго является муниципалитетом в составе округа Кук в штате Иллинойс. Границы округа включают территорию агломерации Чикаго, население которой превышает 5 млн чел. Кроме Чикаго в состав округа Кук входят 22 города и большое число деревень. Стоит отметить, что некоторые прилегающие к Чикаго территории входят в состав других округов. Округ Кук по законодательству Иллинойса является единственным округом с самоуправлением. Он управляется избираемым советом комиссионеров, шерифом, прокурором штата и рядом других должностных лиц, существующих в американской политической системе.

Сам Чикаго управляется городским советом, мэром и правительством города. В состав совета входят 50 членов, избранных на прямых выборах в 50 районах Чикаго. Единственными представителями местной власти

в них являются старейшины, которые избираются на прямых выборах и представляют район в городском совете. К их полномочиям относятся принятие планов территориального зонирования, выдача лицензий, заключение договоров от имени города и обеспечение рабочих мест. Бюджеты районов Чикаго формируются решением городского совета.

В Чикаго реализован принцип представительства районов: модель управления городом «совет – слабый мэр» характеризуется тем, что значительные компетенции сосредоточены именно в руках совета, а мэр выполняет координационные функции. К исключительным полномочиям мэра относится разработка бюджета, который пополняется в основном за счет местных налогов.

Большой автономией обладают районы Нью-Йорка. Город разделен на пять округов, в каждом из которых действует президент. До 1990 г. в компетенции президентов входило участие в бюджетной комиссии города, которая отвечала за составление бюджета и его утверждение, а также планы территориального развития. Однако после реформы 1990-х гг. полномочия президентов были значительно урезаны и сосредоточены на представлении интересов округа в спорах с другими муниципальными образованияами. Бюджетные полномочия были возвращены мэру города.

Низовым уровнем муниципального деления Нью-Йорка являются районы (их в городе 59), в каждом из которых формируется общественный совет. Члены общественных советов осуществляют деятельность на волонтерской основе и назначаются президентами района или членами городского совета Нью-Йорка. Общественные советники консультируют вышестоящие органы по вопросам землепользования и застройки, участвуют в бюджетном процессе города и осуществляют адресную помощь горожанам в своем районе. Общественный совет района является лишь консультативным органом, однако хартия города позволяет ему представлять свои собственные планы по развитию, росту и улучшению своих районов в вышестоящие органы МСУ.

Составлением бюджета города и распределением трансфертов в округа и районы занимаются городские органы власти: мэр и городской совет. Участие в бюджетном процессе принимают окружные должностные лица, а консультации могут давать районные советники.

Город Нью-Йорк входит в состав одноименного штата, но, несмотря на наличие в регионе регулярных связей, не является традиционной агломерацией. Это крупнейший город страны, однако на территории штата находятся и другие промышленные и экономические центры. Также к Нью-Йоркской агломерации относят некоторые территории штатов Коннектикут, Пенсильвания и Нью-Джерси. Полицентрический характер агломерации ведет к тому, что ее границы не всегда совпа-

дают с административными границами штата, в результате чего могут формироваться новые мегаобразования.

Агломерация Большой Лос-Анджелес также является полицентрической. Помимо Лос-Анджелеса в нее входят еще четыре административных округа штата Калифорния. Округ насчитывает 88 городов, но, в отличие от округа Кук, не обладает автономией – у него нет собственного бюджета и органов самоуправления. Напротив, Лос-Анджелес является городом хартии, а значит, система управления городом принимается прямым голосованием жителей и не зависит от законодательства штата.

На основе хартии в Лос-Анджелесе действует двухуровневое самоуправление: на городском уровне его осуществляют мэр и городской совет, на районном – квартальные советы. В состав избранного правительства города входят городской совет Лос-Анджелеса, мэр города и несколько других выборных представителей. Согласно хартии города, в нем существует система квартальных советов, которые представляют интересы жителей, работающих в городе граждан и владельцев собственности в Лос-Анджелесе.

Таким образом, местное самоуправление в мегаполисах США носит фрагментарный характер: в трех крупнейших агломерациях низовой уровень МСУ играет консультативную, посредническую роль. Многообразие форм в рамках государства и в рамках штатов, с одной стороны, позволяет учитывать потенциал территорий и их сообществ, с другой – демонстрирует тенденцию к централизации полномочий и ресурсов в крупных городах.

В Китае, стране с самыми крупными и густонаселенными городами мира, местное самоуправление в привычном понимании отсутствует. Вместо него на всех трех уровнях административно-территориального деления существуют органы государственной власти. Согласно Конституции КНР, в стране действует трехступенчатое административно-территориальное деление: провинции, уезды (города), волости (поселки). Фактически между ними существуют еще два уровня – округа (в составе провинций) и деревни (в составе волостей). К провинциям по статусу приравнены города центрального подчинения – наиболее крупные по численности населения города, которые являются важнейшими центрами экономического развития. К ним относятся Пекин, Чунцин, Шанхай и Тяньцзинь. Примечательно, что в Китае более десяти городов, численность населения которых превышает 5 млн чел., однако только четыре из них имеют статус города центрального подчинения. Еще две территории обладают статусом специального административного района – Гонконг (население более 7 млн чел.) и Макао (около 500 тыс. чел.). Согласно законодательству КНР, эти территории пользуются автономией во всех вопросах, за исключением внешней политики и обороны. Остальные

мегаполисы Китая имеют статус города субпровинциального подчинения или городского округа.

Поскольку местное самоуправление как правовой институт в Китае отсутствует, местные органы представляют собой органы государственной власти, а муниципальные единицы приравнены к административным. Исключение составляет низовой уровень самоуправления. Он закреплен в Конституции в виде комитетов городского и сельского населения, которые, как правило, охватывают территорию проживания 100–200 семей⁹. К их полномочиям относятся решение мелких споров, помощь в поддержании общественного порядка и предоставление предложений вышестоящим органам власти. При этом комитеты не имеют статуса юридического лица и не обладают собственными ресурсами.

Порядок формирования и работы органов власти остальных уровней закреплен в нормативно-правовой базе КНР, однако асимметричность административно-территориального деления создает особенности соотношения ресурсов и полномочий местных органов власти. Более того, согласно Конституции Китая, Всекитайское и местные собрания народных представителей избираются демократическим путем, ответственны перед народом и находятся под его контролем. Фактически же органы власти всех уровней формируются по партийному признаку.

В городах Китая мэр, кандидатуру которого утверждает собрание народных представителей, является высшим должностным лицом правительства города, но в условиях политической системы Китая мэр фактически зависит от секретаря городского комитета Коммунистической партии Китая. Собрание народных представителей избирается напрямую и формирует правительство города, а также другие государственные административные органы на местах, ответственные перед местными собраниями народных представителей и вышестоящими государственными органами.

В границы Пекина входят и пригороды, хозяйство которых носит аграрный характер, поэтому Пекин разделен на 14 районов городского подчинения и 2 уезда. Эти территориальные единицы соответствуют уездному уровню административного деления. Они делятся на уличные комитеты и поселки – единицы волостного уровня. Подобная система управления принята в Шанхае (разделен на 17 районов) и Тяньцзине (16 районов). Немного иначе выглядит административно-территориальное деление в г. Чунцин – формально самом густонаселенном городе Китая. По данным на 2017 г., на территории города проживают более 30 млн чел., более половины из них – в аграрной зоне. Город подразделяется на 26 районов, 8 уездов и 4 автономных уезда (автономность связана с проживанием на территории национальных меньшинств).

⁹ Конституция КНР.

Таким образом, в городах центрального подчинения КНР существуют три уровня управления: городской (провинциальный), районный (уездный) и низовой (волостной). Окружной уровень административно-территориального деления в городах центрального подчинения не предусмотрен. Порядок формирования органов государственной власти в городах субпровинциального значения такой же: собрания избираются напрямую и выбирают мэра города. Городские округа также могут делиться на районы и уезды.

Система административно-территориального деления в Китае постоянно трансформируется: меняются не только границы больших городов, но и их статус. Общим признаком для мегаполисов в Китае является то, что в их границы входят пригороды, которые могут по площади превышать размер собственно городской территории. Наличие общих органов управления у территорий, не связанных интенсивными транспортными и производственными связями, и изменение границ являются барьерами для развития самоуправления. Не все мегаполисы имеют особый статус, и часть из них управляется так же, как и малые города. Развитие самоуправления наблюдается на низовом уровне, однако тенденция к наделению больших городов особым статусом препятствует формированию самоуправляющихся сообществ на территории районов в мегаполисах Китая. В этой связи перспективы появления самоуправления на внутригородских территориях больших городов могут быть связаны только с развитием низового самоуправления на уровне уличных комитетов.

Стремление к унификации системы местного самоуправления характерно для политики Индии в конце XX в. В 1992 г. была принята 74-я поправка к Конституции, в соответствии с которой унифицированы местные органы власти, введен фиксированный пятилетний срок функционирования советов, регулярные выборы. Целью этой реформы было укрепление автономии местных органов и усиление децентрализации муниципального управления¹⁰. Однако обязательное внутригородское муниципальное деление для больших городов введено не было – этот вопрос регулируется законодательством штатов.

Хотя Индию принято относить к государствам, использующим англосаксонскую модель МСУ, в больших городах встречается несовпадение муниципальных и административных границ районов. Так происходит в регионе Мумбаи, объединяющем город и пригороды. Агломерация обладает особым статусом и управляется советом муниципальной корпорации во главе с мэром, который выполняет церемониальные функции

¹⁰ Nallathiga R., Campus M., Hills J. Metropolitan Urban Governance Approaches and Models: Some Implications for Indian Cities // Third international conference on Public policy and Management on “Urban Governance and Public-Private Partnerships” held at the Indian Institute of Management Bangalore on August. 2008. С. 4–6.

и избирается советом. Главой администрации является комиссионер – должностное лицо, назначаемое правительством штата.

Город разделен на 24 округа, каждый из которых управляется представителем комиссионера, но не имеет собственных органов самоуправления. При этом муниципальная корпорация предусматривает два вида участия районов Мумбаи (ward) в городской политике: первый – создание жителями соседских ассоциаций Advanced Locality Management (ALM), роль которых изначально сводилась к сбору отходов, однако затем расширилась, и ассоциации взяли на себя часть политических функций [15]. Второй вид – выборы членов городского совета. Каждый из 227 советников представляет в городском совете один избирательный округ. Советники вместе с окружными муниципальными служащими принимают участие в работе окружных органов управления – от 8 до 20 советников на один округ. Городской совет составляет и утверждает бюджет города, который включает трансферты районам. К сфере компетенций городского совета относятся водоснабжение и очистка воды, городское здравоохранение, образование, транспортная инфраструктура. Бюджет города пополняется в основном за счет местных налогов.

Таким образом, внутригородское самоуправление в привычном виде в Мумбаи отсутствует. При этом представители районов принимают участие в составлении смет районов, а также вовлечены в деятельность окружных комиссий.

Столица Индии Дели обладает особым статусом с точки зрения как муниципального, так и административного деления. Комиссионер – глава исполнительной власти – назначается не правительством штата, а центром. Дели разделен на три муниципальные корпорации – Северное, Южное и Восточное Дели, муниципальный комитет и военный округ Дели. Территория города делится на 11 районов, в каждом из которых действует администрация – подразделение городского правительства.

На городском уровне, как и в Мумбаи, граждан представляют депутаты городского совета – Законодательного собрания Дели. При сопоставимой численности населения двух городов (более 18 млн чел.) представительство жителей Дели на уровне города является еще более спорным – в собрании города территории Дели представляют всего 70 советников.

Схожи модели и в том, что окружные комитеты в Дели также объединяют более 10 избирательных округов, а деятельность в них осуществляют муниципальные служащие при участии городских советников. Таким образом, окружные комитеты в Мумбаи и Дели не могут считаться институтами внутригородского самоуправления – они не являются в полном смысле представительными органами, а также объединяют густонаселенные территории, что противоречит принципу «близости» органов МСУ к гражданам [16]. При этом в обоих городах существует

запрос на низовую демократию – по аналогии с объединениями ALM в Дели существуют соседские ассоциации двух видов – ассоциации благосостояния граждан (resident welfare association) и жилищные кооперативы (cooperative group housing society).

Местное самоуправление в районах крупнейших мегаполисов Индии ограничено в связи с тем, что в результате реформ начала 1990-х гг. городские органы управления получили широкие полномочия, но остались под влиянием штата (как в случае Мумбаи) или федерального центра (как в случае Дели). Внутригородское самоуправление в этих городах практически отсутствует: формальное участие в нем избранных народом советников не отвечает принципу эффективного народного представительства, а автономия территориальных органов и вовсе не предусмотрена. При этом в индийских мегаполисах существует запрос на осуществление территориальной самоорганизации – как и в Китае, перспективы появления самоуправления на районном уровне могут быть связаны с развитием соседских ассоциаций.

Обсуждение и заключение. В российском общественном дискурсе местное самоуправление в крупных городах представляется слабым и фрагментарным, что связано с особенностями политической системы современной России. Однако анализ формирования органов самоуправления в зарубежных мегаполисах показал, что самоуправление внутригородских территорий не является распространенной практикой. Напротив, существует тенденция к централизации местной власти, связанная, с одной стороны, с неспособностью муниципалитетов обеспечить эффективное развитие территорий, с другой – с возможностью делегировать часть полномочий на верхние уровни самоуправления или объединиться с другими муниципалитетами. Направленность на консолидацию полномочий и ресурсов местных сообществ на городском уровне, а также зарождающийся механизм горизонтальной кооперации муниципалитетов позволяют говорить о том, что политические режимы и правовые системы не являются детерминирующими факторами внутригородского МСУ.

Весьма значимо различие моделей МСУ по оси «представительство – автономия». В отличие от сравнения по признаку «демократия – автократия» или в рамках классических моделей, релевантных для анализа самоуправления в малых городах, форма организации МСУ в мегаполисах балансирует между возможностями внутригородских районов осуществлять автономное самоуправление или иметь значимое представительство на городском уровне. Так, даже в мегаполисах США с глубокими традициями низового самоуправления и слабым контролем органов МСУ со стороны центра, роль представительства преобладает над местной автономией, а органы внутригородского самоуправления часто исполняют консультативную функцию.

Развитие внутригородского районного самоуправления без обеспечения районного бюджета за счет местных налогов не представляется возможным. Среди рассмотренных кейсов единственным городом с относительно финансово автономными внутригородскими территориями является Лондон. Стоит также отметить, что самоуправление в Лондоне не является типичным примером даже для англо-саксонской модели самоуправления, поэтому его применение в других политических системах, вероятно, не даст подобных результатов.

Перспективы исследования связаны с изучением интереса граждан к выборам в районные органы власти. Факторы электоральной активности на муниципальном уровне остаются недостаточно изученными, в связи с чем необходимо проведение факторного анализа явки на выборах в органы власти внутригородских территорий. Также в дальнейшей разработке нуждаются концептуальные и методологические основы для изучения внутригородского МСУ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Либоракина М. И. Зарубежный опыт организации местного самоуправления // Политика: анализ, хроника, прогноз. 2003. №. 4. С. 225–237. URL: <http://politeia.ru/content/arhiv-zhurnala/4-2003/> (дата обращения: 02.08.2018).
2. Bertrana X., Heinelt H. The Second Tier of Local Government in the Context of European Multi-level Government Systems: Institutional Setting and Prospects for Reform // Revista Catalana de Dret Públic. 2013. No. 46. Pp. 73–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.2436/20.8030.01.4>
3. The New Urbanization Policy in China: Which Way Forward? / X. R. Wang [et al.] // Habitat International. 2015. Vol. 47. Pp. 279–284. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2015.02.001>
4. Jimenez B. S. Externalities in the Fragmented Metropolis: Local Institutional Choices and the Efficiency–Equity Trade-Off // The American Review of Public Administration. 2016. Vol. 46, issue 3. Pp. 314–336. DOI: <https://doi.org/10.1177/0275074014550703>
5. Hansen S. W. The Democratic Costs of Size: How Increasing Size Affects Citizen Satisfaction with Local Government // Political Studies. 2015. Vol. 63, issue 2. Pp. 373–389. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.12096>
6. Rodrigues M., Meza O. D. “Is there Anybody out there?” Political Implications of a Territorial Integration // Journal of Urban Affairs. 2018. Vol. 40, issue 3. Pp. 426–440. DOI: <https://doi.org/10.1080/07352166.2017.1360732>
7. Swanstrom T. Reflections on Place Matters: Poverty, Politics, and Power in the Modern Metropolis // Urban Affairs Review. 2017. Vol. 53, issue 1. Pp. 175–188. DOI: <https://doi.org/10.1177/1078087416628686>
8. Li Y., Wu F., Hay I. City-Region Integration Policies and their Incongruous Outcomes: The Case of Shantou-Chaozhou-Jieyang City-Region in East Guangdong Province, China // Habitat International. 2015. Vol. 46. Pp. 214–222. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2014.12.006>

9. Homsy G. C., Warner M. E. Cities and Sustainability: Polycentric Action and Multilevel Governance // Urban Affairs Review. 2015. Vol. 51, issue 1. Pp. 46–73. DOI: <https://doi.org/10.1177/1078087414530545>
10. Savitch H. V., Adhikari S. Fragmented Regionalism: Why Metropolitan America Continues to Splinter // Urban Affairs Review. 2017. Vol. 53, issue 2. Pp. 381–402. DOI: <https://doi.org/10.1177/1078087416630626>
11. Туровский Р. Ф. Местное самоуправление в России и эволюция политического режима // Pro nunc. 2015. № 1. С. 82–98. URL: <http://centrtsu.ru/pro-nunc/vy-puski-zhurnala-pro-nunc-2/> (дата обращения: 02.08.2018).
12. Reuter O. J. Local Elections in Authoritarian Regimes: An Elite-Based Theory with evidence from Russian Mayoral Elections // Comparative Political Studies. 2016. Vol. 49, issue 5. Pp. 662–697. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414015626439>
13. Бутырина М. В. Зарубежные модели местного самоуправления // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2008. №. 1. С. 49–53. URL: <http://vestnik.ispu.ru/taxonomy/term/28> (дата обращения: 02.08.2018).
14. Кузьмин А. В., Ткаченко Л. Я. Стратегии пространственного развития Большого Лондона и региона Иль-де-Франс // Academia. Архитектура и строительство. 2012. № 2. С. 86–93. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18925505> (дата обращения: 02.08.2018).
15. Baud I. S. A., Nainan N. “Negotiated Spaces” for Representation in Mumbai: Ward Committees, Advanced Locality Management and the Politics of Middle-Class Activism // Environment and Urbanization. 2008. Vol. 20, issue 2. Pp. 483–499. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956247808096124>
16. Lama-Rewal S. T. Neighbourhood Associations and Local Democracy: Delhi Municipal Elections 2007 // Economic and Political Weekly. 2007. Vol. 42, issue 47. Pp. 51–60. URL: <https://click.ru/FG4jW> (дата обращения: 02.08.2018).

Поступила 09.08.2018; принята к публикации 31.10.2018; опубликована онлайн 29.03.2019.

Об авторах:

Туровский Ростислав Феликсович, вице-президент Центра политических технологий, профессор ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20), доктор политических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, Researcher ID: J-6842-2015, rturovsky@hse.ru

Васеленко Оксана Сергеевна, студент факультета социальных наук ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6447-1405>, oxana.vaselenko@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Туровский Ростислав Феликсович – научное руководство; развитие методологии; критический анализ и доработка текста.

Васеленко Оксана Сергеевна – формулирование цели, научной новизны и практической значимости исследования; анализ литературы по проблеме исследования; подготовка начального варианта текста.

Для цитирования:

Туровский Р. Ф., Васеленко О. С. Актуальное состояние и перспективы развития внутригородского местного самоуправления в больших городах // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 1. С. 100–121. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.100-121>

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Liborakina M. I. Local Self-Government: Foreign Experience. *Politiya: analiz, hronika, prognoz* = Politeia. 2003. (4):225-237. Available at: <http://politeia.ru/content/arhiv-zhurnala/4-2003/> (accessed 02.08.2018).
2. Bertrana X., Heinelt H. The Second Tier of Local Government in the Context of European Multi-level Government Systems: Institutional Setting and Prospects for Reform. *Revista Catalana de Dret Públic*. 2013; (46):73-89. DOI: <http://dx.doi.org/10.2436/20.8030.01.4>
3. Wang X.R., Chi-ManHui E., Choguill C., Jia S. The New Urbanization Policy in China: Which Way Forward? *Habitat International*. 2015; 47:279-284. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2015.02.001>
4. Jimenez B.S. Externalities in the Fragmented Metropolis: Local Institutional Choices and the Efficiency–Equity Trade-Off. *The American Review of Public Administration*. 2016; 46(3):314-336. DOI: <https://doi.org/10.1177/0275074014550703>
5. Hansen S.W. The Democratic Costs of Size: How Increasing Size Affects Citizen Satisfaction with Local Government. *Political Studies*. 2015. 63(2):373-389. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.12096>
6. Rodrigues M., Meza O.D. “Is there anybody out there?” Political Implications of a Territorial Integration. *Journal of Urban Affairs*. 2018. 40(3):426-440. DOI: <https://doi.org/10.1080/07352166.2017.1360732>
7. Swanstrom T. Reflections on Place Matters: Poverty, Politics, and Power in the Modern Metropolis. *Urban Affairs Review*. 2017; 53(1):175-188. DOI: <https://doi.org/10.1177/1078087416628686>
8. Li Y., Wu F., Hay I. City-Region Integration Policies and their Incongruous Outcomes: The Case of Shantou-Chaozhou-Jieyang City-Region in East Guangdong Province, China. *Habitat International*. 2015; 46:214-222. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2014.12.006>
9. Homsy G.C., Warner M.E. Cities and Sustainability: Polycentric Action and Multilevel Governance. *Urban Affairs Review*. 2015; 51(1):46-73. DOI: <https://doi.org/10.1177/1078087414530545>
10. Savitch H.V., Adhikari S. Fragmented Regionalism: Why Metropolitan America Continues to Splinter. *Urban Affairs Review*. 2017; 53(2):381-402. DOI: <https://doi.org/10.1177/1078087416630626>
11. Turovsky R.F. Local Government in Russia and Evolution of Political Regime. *Pro Nunc*. 2015; (1):82-98. Available at: <http://centrtsu.ru/pro-nunc/vy-puski-zhurnala-pro-nunc-2/> (accessed 02.08.2018). (In Russ.)

12. Reuter O.J. Local Elections in Authoritarian Regimes: An Elite-Based Theory with Evidence from Russian Mayoral Elections. *Comparative Political Studies*. 2016; 49(5):662-697. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414015626439>
13. Butyrina M.V. Foreign Models of Local Self-Government. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo ehnergeticheskogo universiteta* = Vestnik of Ivanovo State Power Engineering University. 2008; (1):49-53. Available at: <http://vestnik.ispu.ru/taxonomy/term/28> (accessed 02.08.2018). (In Russ.)
14. Kuzmin A.V., Tkachenko L.Ya. Issues of Spatial Development Strategy for Greater London and Region Île-de-France. *Academia. Arkhitektura i stroitelstvo* = Academia. Architecture and Construction. 2012; (2):86-93. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18925505> (accessed 02.08.2018). (In Russ.)
15. Baud I., Nainan N. “Negotiated Spaces” for Representation in Mumbai: Ward Committees, Advanced Locality Management and the Politics of Middle-Class Activism. *Environment and Urbanization*. 2008; 20(2):483-499. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956247808096124>
16. Lama-Rewal S.T. Neighbourhood Associations and Local Democracy: Delhi Municipal Elections 2007. *Economic and Political Weekly*. 2007; 42(47):51-60. Available at: <https://click.ru/FG4jW> (accessed 02.08.2018).

Submitted 09.08.2018; accepted for publication 31.10.2018; published online 29.03.2019.

About the authors:

Rostislav F. Turovsky, Vice-President, Center for Political Technologies; Professor, National Research University Higher School of Economics (20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russia), Dr. Sci. (Political Science), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, Researcher ID: J-6842-2015, rturovsky@hse.ru

Oksana S. Vaselenko, Student, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6447-1405>, oxana.vaselenko@gmail.com

Contribution of the authors:

Rostislav F. Turovsky – scientific supervision; development of methodology; critical analysis and revision of the text of the article.

Oksana S. Vaselenko – formulation of the purpose, scientific novelty and practical significance of the research; analysis of the literature on the research question; preparation of the initial version of the text of the article.

For citation:

Turovsky R.F., Vaselenko O.S. Current State and Prospects of Development of Municipal Self-Government in Big Cities. *Regionologiya* = Regionology. 2019; 27(1):100-121. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.100-121>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ / ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY

УДК 618.179:614.2:711.43(470.41)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.122-137

ISSN 2413-1407 (Online)

Репродуктивные установки молодых сельских женщин Республики Татарстан

А. В. Шадриков

ГБУ «Центр перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан» (г. Казань, Россия),
aleksandr.shadrikov@tatar.ru

Введение. В современном сельском обществе наблюдается демографический кризис, обусловленный падением уровня рождаемости и снижением суммарного коэффициента рождаемости. Важная роль в повышении количества рождений на сельских территориях принадлежит категории женщин более молодого репродуктивного возраста. Цель статьи – изучение репродуктивных намерений и предпочтений молодых сельских женщин Татарстана, выявление причин откладывания рождений и степени влияния мер государственной поддержки.

Материалы и методы. Материалами послужили результаты социологического исследования, проведенного в Республике Татарстан в 2018 г. Для расчетов использовались показатели статистики; применялись системный и сравнительный методы анализа.

Результаты исследования. Выявлено наличие устойчивых субъективных предпочтений молодых сельских женщин Татарстана иметь двух и более детей; подтверждена также неоднородность репродуктивных установок сельского сообщества. Определены причины откладывания рождения детей у сельских женщин. Сделана оценка определенных резервов увеличения рождаемости. Оценены меры государственной поддержки, влияющие на повышение уровня рождаемости.

Обсуждение и заключение. Повышение рождаемости в Республике Татарстан во многом зависит от количественных и качественных показателей численности сельских женщин репродуктивного возраста, а также от мер, предпринимаемых государством для стимулирования рождаемости и повышения репродуктивных установок данной категории. Материалы исследования будут полезны для глав муниципальных районов, руководителей государственных структур, ученых, а также при разработке федеральной и региональной стратегий по вопросам демографического и семейного развития, реализации Национального проекта «Демография».

© Шадриков А. В., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: рождаемость, молодая сельская женщина, репродуктивные намерения, ресурс мотивации, модель идеальной семьи, репродуктивные предпочтения, государственные меры повышения рождаемости, демография, Республика Татарстан

Reproductive Attitudes of Young Rural Women in the Republic of Tatarstan

A. V. Shadrikov

Center of Advanced Economic Research in the Tatarstan
Academy of Sciences (Kazan, Russia),
aleksandr.shadrikov@tatar.ru

Introduction. The modern rural society suffers a demographic crisis due to a drop in the birth rate and a decrease in the total fertility rate. Young women of reproductive age play an important role in increasing the number of births in rural areas. The objective of the paper is to study the reproductive intentions and preferences of young rural women in the Republic of Tatarstan as well as to identify the reasons for birth postponement and the degree of influence of the state support measures.

Materials and Methods. The results of a sociological survey conducted in the Republic of Tatarstan in 2018 were used as the materials for the study. Statistics were used for the calculation; the systematic and comparative methods of analysis were employed.

Results. The study has revealed the sustainable subjective preferences of young rural women in the Republic of Tatarstan to have two or more children. It has also confirmed the heterogeneity of the reproductive attitudes in the rural community and identified the rural women's reasons for birth postponement. Assessment of certain reserves of increasing the birth rate has been made. State support measures affecting fertility rates have been evaluated.

Discussion and Conclusion. The increase in the birth rate in the Republic of Tatarstan largely depends on the quantitative and qualitative indicators such as the number of rural women of reproductive age as well as on the measures taken by the state to stimulate the birth rate and thereby increase the reproductive attitudes. The research materials will be useful for the heads of municipal districts, heads of governmental structures, scholars and helpful when devising federal and regional demographic and family development strategies as well as when implementing the Demography national project.

Keywords: fertility, young rural woman, reproductive intentions, motivation resource, model of an ideal family, reproductive preferences, government measures to increase fertility, demography, Republic of Tatarstan

Введение. Сельские женщины обладают недооцененным потенциалом достижения демографической устойчивости сельских территорий Российской Федерации. Во-первых, благодаря населенности сельских районов обеспечивается территориальная и продовольственная безопасность страны. Во-вторых, значимые демографические события в молодых сельских семьях происходят раньше, чем в таких же городских, – более ранний возраст рождения первых и последующих детей. За счет самых молодых возрастных групп (до 25 лет) сельские территории обеспечи-

вают более высокий уровень рождаемости, чем городские¹. Молодые люди, состоящие в браке и проживающие в сельской местности, отличаются активными стратегиями поведения в отношении улучшения социально-экономических условий жизнедеятельности своей семьи и развития своего села.

К сожалению, в настоящее время наблюдается ситуация перехода от двухдетной модели семьи к однодетной или бездетной [1]. Этот процесс затронул и сельские территории. На современном этапе весьма актуально изучение репродуктивных установок сельских молодых женщин Республики Татарстан, поскольку впервые за много лет в 2016 г. суммарный коэффициент рождаемости городского населения превалирует над данным показателем сельского населения.

Существует большой пласт работ по изучению репродуктивных установок населения и некоторых социально-демографических групп, однако исследований отдельной категории молодых сельских женщин почти не проводилось. В то же время требуется глубокий анализ репродуктивных предпочтений сельских женщин, находящихся в более молодом фертильном возрасте. Целью исследования является изучение репродуктивных установок молодых сельских женщин, а также выявление степени влияния мер государственной поддержки на уровень рождаемости.

Обзор литературы. В работах российских демографов проанализирована роль государственной демографической и социальной политики в формировании репродуктивного поведения населения и показано, как государство конструирует демографические процессы, интегрируя меры, стимулирующие рождаемость² [2–4]. В исследованиях Л. П. Шахотко установлена роль структурно-демографических, социально-экономических, образовательных, жилищных и иных факторов, детерминирующих развитие демографических процессов в Республике Беларусь [5].

Одним из главных демографических показателей любой страны и региона является уровень рождаемости, на который оказывают влияние репродуктивные установки населения, в частности молодежи. Современными учеными измерение репродуктивных установок осуществляется посредством применения трех показателей: идеальное, желаемое и ожидаемое число детей.

Понятие «репродуктивные установки» взаимосвязано с категорией «социальная установка» и выражается в ценностном отношении к какому-либо социальному объекту. В социологии данное определение одним из первых было дано У. Томасом и Ф. Знанецким. Они акцентри-

¹ Демографический ежегодник России. 2017 : Стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 59–60.

² Синявская О. В., Сухова А. С. Институциональные услуги по уходу за детьми: неравенство в доступе // Сборник аналитических статей «Семья в центре социально-демографической политики». 2009.

ровали внимание на ценности, рассматривая ее в качестве объективной стороны социальной установки. По мнению ученых, установка выступает в качестве индивидуального (субъективного) отношения к объекту и определяется как ценность в конкретной социальной группе³.

В зарубежном научном пространстве проблематика репродуктивных намерений затрагивает влияние религиозного фактора⁴, изучение трансформации ожиданий мужчин и женщин о размере их семьи в течение семейной жизни⁵ [6; 7], вопросы валидности прогнозов репродуктивных планов⁶. На основе результатов панельных обследований можно сделать вывод об изменчивости репродуктивных установок в течение жизненного цикла каждого человека. Образование, занятость, брачное состояние являются факторами, которые влияют на характер репродуктивных установок самого респондента и на предпочтения его партнера.

Представители отечественной школы социологии семьи (А. И. Антонов, В. А. Борисов, В. Н. Архангельский, А. Б. Синельников, В. М. Медков и др.) в своих работах анализировали репродуктивные установки населения. Еще в 1970 г. под руководством А. И. Антонова были проведены исследования, заложившие основы концепции ослабления потребности личности и семьи в детях. В. М. Медков рассматривает понятие «репродуктивная установка» в качестве психического регулятора поведения индивида, согласующего действия в разных сферах жизни индивида и формирующего определенный паттерн, выражающийся в желании родить конкретное число детей⁷.

Среди работ российских ученых можно отметить статьи О. Н. Калачиковой [8], Е. В. Волченковой [9], Л. Г. Хадиевой⁸, П. А. Амбаров, А. И. Фарафановой⁹, А. О. Тындык [10], Я. А. Скрыбиной¹⁰. Так, Я. А. Скрыбина рассматривает факторы репродуктивного поведения на-

³ Thomas W. J., Znaniecki E. The Polish Peasant in Europe and America. Cambridge, 1918. P. 84.

⁴ Westoff C. F., Ryder N. B. The Predictive Validity of Reproductive Intentions Demography. 1977. Vol. 14, no 4. Pp. 431–453.

⁵ Freedman R., Coombs L. C. Stability and Change in Expectations About Family Size: A Longitudinal Study // Demography. 1965. Vol. 2. Pp. 250–275.

⁶ Wilson F. D., Bumpass L. The Prediction of Fertility Among Catholics: A Longitudinal Analysis // Demography. 1973. Vol. 10, no. 4. Pp. 591–597.

⁷ Медков В. М. Рождаемость: есть ли повод для эйфории? // Демографические исследования. 2009. № 7. С. 9–11.

⁸ Хадиева Л. Г. Конструкционистский подход к изучению репродуктивных установок // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 6. С. 290–294.

⁹ Амбарова П. А., Фарафанова А. И. Репродуктивные установки студенческой молодежи: проблемы и способы формирования // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ : VII Уральский демографический форум с международным участием : сб. ст. 2016. С. 257–261.

¹⁰ Скрыбина Я. А. Репродуктивный потенциал населения Республики Башкортостан // Воспроизводственный потенциал региона: проблемы количественных измерений и его структурных изменений : материалы VI междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 187–191.

селения и рождаемость России в условиях трансформационной экономики, среди которых автором выделяются исторические, культурно-цивилизационные, социально-психологические и социально-экономические. О. Н. Калачикова конкретизирует факторы, способствующие реализации репродуктивных установок личности: брачное состояние, материальное положение, жилищные условия, качество медицинских и образовательных услуг. А. О. Тындык констатирует, что в современном российском обществе преобладает тенденция к формированию двухдетной модели семьи.

Изучению репродуктивных установок сельского населения посвящена статья И. А. Бегининой и Т. А. Калугиной [11]. В результате социологического исследования авторы выявляют репродуктивные установки сельских женщин Саратовской области на основе раскрытия главных жизненных ценностей женского контингента. Ученые приходят к выводу, что дети занимают только третье место в структуре жизненных ценностей после здоровья и семьи.

В настоящее время процесс урбанизации стал причиной изменения образа жизни сельского населения, а также быстрого проникновения малодетного типа репродуктивного поведения в сельские территории. Австрийский ученый П. Макдональд считает, что ««зоной безопасности» является уровень рождаемости, превышающий 1,5 ребенка, рожденных одной женщиной»¹¹. На начало 2018 г. в Республике Татарстан суммарный коэффициент рождаемости составил 1,531 и достиг самого минимального показателя за 20 лет. Среди доминирующих причин снижения уровня рождаемости на селе следует отметить процесс старения населения, уменьшение доли женщин репродуктивного возраста и снижение количества молодежи.

Научный вклад в изучение молодежи в качестве важного ресурса воспроизводства сельского населения внесли С. А. Решетникова, А. М. Сергиенко, С. Ю. Барсукова, О. А. Иванова и др. По мнению С. А. Решетниковой, изменение таких показателей, как социальное самочувствие, материальный, социальный статус, установки на рождение детей, миграционные намерения сельской молодежи, являются главными при оценке эффективности практик социальной поддержки данной категории [12].

Материалы и методы. Материалами исследования послужили результаты микрообследования репродуктивных планов молодых сельских женщин, проведенного при участии автора в 2018 г. в Арском, Буинском, Альметьевском, Тукаевском, Новошешминском и Мензелинском муниципальных районах Республики Татарстан (по два муниципальных

¹¹ Макдональд П. Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы. Материалы международного семинара. 5–15 сентября 2006 г. М., 2006.

района из Казанской, Альметьевской и Камской агломераций¹²). Был применен метод анкетирования, использовались системный и сравнительный методы анализа. Репрезентативная выборка составила 701 чел. (объектом исследования стали молодые сельские женщины в возрасте от 15 до 29 лет), из них 38,4 % в возрасте 15–19 лет, 28,8 – 20–24 и 32,8 % – 25–29 лет.

Информационной базой анализа и расчетов выступили показатели статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан.

Главная задача социологического исследования молодых сельских женщин Татарстана – выявление потенциала рождений у данной социально-демографической группы, факторный анализ намерения родить ребенка у молодой сельской женщины. Данные, полученные в процессе опроса, позволяют сформировать предложения по корректировке мер государственной поддержки молодых сельских женщин с детьми.

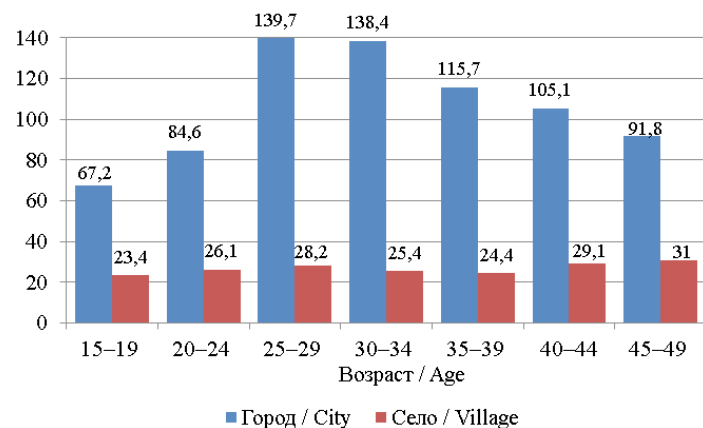
Результаты исследования. На сельских территориях Республики Татарстан на начало 2017 г. проживали 467 795 женщин – 12 % от всего населения республики, 22,4 % от численности всего женского населения республики¹³.

В сельских районах республики проживают 188 тыс. женщин репродуктивного возраста (15–49 лет). Если мы сравним доли возрастных подгрупп, являющихся потенциальными матерями, то увидим, что в городе велика группа непосредственно молодежи, а в сельской местности в одинаковых долях представлены девочки-подростки, молодежь, женщины среднего и позднего среднего возраста (рисунок).

Сельские женщины (по Республике Татарстан и Российской Федерации в целом) в полной мере реализуют свой репродуктивный потенциал. По расчетам В. Н. Архангельского, суммарный коэффициент рождаемости (количество детей, которое одна женщина родила за всю жизнь) на селе в 2014 г. был на 47,5 % выше, чем в городе. Однако, в соответствии с данными Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, с 2015 г. демографическая ситуация существенно меняется. В этом году в Республике Татарстан наблюдались практически равные показатели суммарного коэффициента рождаемости в городской и сельской местности, а с 2016 г. данный коэффициент в городе стал выше (табл. 1). За 18 лет (с 1990 г.) суммарный коэффициент рождаемости среди сельского населения достиг своего минимального показателя.

¹² Демографический доклад – 2018. Семейная и демографическая политика в контексте Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан – 2030: моногр. / под общ. ред. Ф. А. Ильдархановой. Казань : Изд-во Академии наук РТ. 2018. 354 с.

¹³ Численность населения Республики Татарстан по полу и отдельным возрастам на начало 2017 г. URL: <https://clck.ru/F4Wbj> (дата обращения: 02.11.2018).

Р и с у н о к. Возрастная структура женщин репродуктивного возраста в Республике Татарстан на 2016 г.¹⁴ (тыс. чел.)

F i g u r e. Age structure of women of reproductive age in the Republic of Tatarstan for 2016 (thousand people)

Таблица 1. Суммарный коэффициент рождаемости в городских и сельских территориях Республики Татарстан в 2012–2017 гг.

T a b l e 1. Total fertility rate in urban and rural areas in the Republic of Tatarstan in 2012–2017

Годы / Years	Городские территории / Urban areas	Сельские территории / Rural areas	Все население / Population as a whole
2012	1,725	2,088	1,796
2013	1,743	2,203	1,832
2014	1,752	2,224	1,844
2015	1,852	1,877	1,863
2016	1,872	1,752	1,855
2017	1,674	1,531	1,652

В 2017 г. число рождений на сельских территориях региона составило 7 942 чел., что на 14,5 % ниже показателя 2016 г.¹⁵. С каждым годом средний возраст матери в сельской местности стабильно рос и к 2017 г. достиг показателя 28,4 лет.

¹⁴ По данным Татарстанстат.

¹⁵ Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2018: Статистический сборник / Татарстанстат. Казань : Изд. центр Татарстанстата, 2018. С. 30.

Большее половины опрошенных молодых сельских женщин не замужем, четверть состоят в зарегистрированном и 6,2 % – в незарегистрированном браке. Большинство опрошенных на данный момент не имеют детей, у 12,7 % – один ребенок, у 6,9 – двое детей и у 1 % – трое и более детей. Распределение количества детей по возрастным группам приведено в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Соотношение возраста матерей и количества детей, %

T a b l e 2. The ratio of the age of mothers and the number of children, %

Количество детей / Number of children	Возраст / Age		
	15–19	20–24	25–29
Нет детей / No children	98,9	93,1	44,7
1 ребенок / 1 child	1,1	6,4	31,6
2 детей / 2 children	0	0,5	20,6
3 и более детей / 3 or more children	0	0	3,1
Итого / Total	100	100	100

Анализ полученных данных показал, что среди молодых сельских женщин высока доля тех, кто еще не реализовал свой репродуктивный потенциал. Согласно статистическим данным по миграции, возрастная группа женщин 15–29 лет составляет одну из самых многочисленных в плане выбытия среди всей совокупности женского населения республики. В 2017 г. миграционное сальдо в данной возрастной группе составило 1 054 чел.¹⁶

Данные социологического исследования репродуктивного поведения женщин позволяют определить социальные нормы детности у молодых сельских женщин. Анализ ответов на прожективный вопрос о желаемом количестве детей (включая имеющихся) при наличии всех необходимых условий показал, что почти для половины молодых сельских женщин в качестве доминирующего идеала остается двухдетная семья, как и для населения многих стран во всем мире [13]. Почти не уступает и трехдетная модель семьи, 31,3 % молодых сельских девушек хотели бы иметь троих детей. У 6,7 % опрошенных желаемое число детей составляет от 4 до 12. Чайлдфри (отказ от рождения детей) не находит широкого рас-

¹⁶ Там же. С. 149.

пространения среди молодых сельских женщин, и добровольную бездетность считают предпочтительной всего 2,8 % респондентов. Однодетную модель семьи рассматривают в качестве наиболее оптимальной 11,4 % опрошенных. Полученное распределение свидетельствует о чрезвычайной неоднородности репродуктивных установок сельского сообщества.

Итак, у молодых сельских женщин преобладают нормы двухдетности. К таким же выводам приходят и другие исследователи: почти 60 % женщин предпочитают двухдетную модель семьи. Однако следует сделать поправку на то, что они не выделяют группы по критерию места проживания¹⁷. В ходе выборочного обследования репродуктивного здоровья в 2011 г., проведенного Федеральной службой государственной статистики (Росстат), были определены предпочтения российских женщин об идеальном размере семьи. По итогам исследования было выявлено, что 55 % женщин считают наличие двоих детей в семье идеальным, каждая пятая предпочитает родить троих детей. Лишь малая доля респондентов (8 %) желают иметь только одного ребенка или не иметь детей вообще¹⁸.

В рамках исследования были измерены общие и ближайшие репродуктивные намерения молодых сельских женщин Татарстана.

Общее намерение родить сейчас еще одного ребенка выразили почти треть опрошенных женщин, не намерены в ближайшем будущем иметь детей половина респондентов, каждая пятая пока не определилась в своих намерениях. Социальная реальность такова, что мужчина и женщина, проживающие совместно в браке либо без регистрации, могут иметь различные установки в вопросе времени рождения детей и их количества. На вопрос «Ваш партнер хочет (еще одного) ребенка?» больше половины опрошенных ответили утвердительно, пятая часть – отрицательно, 6,5 % респондентов заявили, что их партнеры не уверены в своем выборе, 22,1 % – не знают, какова позиция их партнера по этому вопросу. В большей степени готовы в ближайшем будущем родить еще одного ребенка те, у кого уже есть один ребенок. Это еще раз доказывает склонность сельского сообщества к двухдетной модели семьи. При этом намерение иметь еще одного ребенка в этом вопросе у мужчин выше, чем у женщин (70 % к 58 %). Среди бездетных пар желание завести ребенка изъявляют всего четверть опрошенных. В последнюю категорию входит более молодая группа женщин, еще не окончивших учебу.

Желание родить ребенка в ближайшие три года выразили 39,7 % опрошенных, остальные высказались отрицательно. Зависимость желания завести ребенка в течение ближайших трех лет от числа имеющихся уже детей показана в таблице 3.

¹⁷ Скрыбина Я. А. Репродуктивный потенциал населения Республики Башкортостан.

¹⁸ Репродуктивное здоровье населения России. 2011 г. Росстат. Министерство здравоохранения РФ; Информационно-издательский центр «Статистика России». М., 2012.

Т а б л и ц а 3. Дифференциация намерения родить ребенка в ближайшие три года у молодых сельских женщин Татарстана в зависимости от их родительского статуса на момент опроса, %

Table 3. Differentiation of intention to have a child within the next three years among young rural women in the Republic of Tatarstan, depending on the parental status at the time of the survey, %

Нет детей / No children	1 ребенок / 1 child	2 детей / 2 children	3 детей / 3 children	4 и более детей / 4 or more children
61,2	43,0	70,7	83,3	100

Общее намерение рожать детей в будущем выразили 72,4 % сельских женщин. В планах родить еще детей у 69,3 % из тех, кто уже имеет одного ребенка, 47,5 % – двоих, 40 % – троих и более детей. Наблюдается тенденция снижения желания иметь еще одного ребенка с увеличением количества уже имеющихся детей в семье.

Вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?» отражает среднее ожидаемое число детей – планы супругов о рождении конкретного количества детей в текущих социально-экономических условиях семьи. Микрообследование молодых сельских женщин позволяет сформировать прогноз тенденций рождаемости. Половина опрошенных намерены иметь двоих детей, больше четверти – троих, 6 % – четверых и более детей; 13,4 % респондентов считают, что не стоит рожать более одного ребенка, 2,5 % – не намерены рожать детей вообще.

На желание опрошенных женщин иметь не менее двух детей в большей степени влияют два фактора: 1) желание супруга/партнера иметь второго ребенка; 2) чтобы первый ребенок не чувствовал себя одиноким, первый ребенок хотел брата/сестру. Менее половины опрошенных отметили, что улучшение материального положения семьи никак не повлияло на их решение. 38,7 % респондентов считают, что решающим фактором выбора двухдетной модели не может выступать желание решить жилищные проблемы, используя государственную поддержку (материнский капитал). Более трети респондентов отметили, что на их решение родить ребенка очень сильно повлияло желание укрепить семью, однако почти столько же опрошенных заняли противоположную позицию. Каждая пятая женщина заявила, что второй ребенок в их семье появился в результате незапланированной беременности. Только в 7,1 % семьях существует установка на многодетность.

Среди причин, мешающих сельским женщинам иметь желаемое количество детей, на первое место выходит материальное положение (финансовые, жилищные трудности), на втором месте – семейная сфера (отсутствие супруга/партнера, сложные отношения в семье, нежелание супруга/партнера иметь детей), на третьем – профессиональная сфера

(желание построить карьеру, большая занятость, трудности совмещения работы с уходом за детьми), на четвертом – состояние здоровья, на последнем месте – доступ к услугам (трудности с устройством ребенка в дошкольное образовательное учреждение, неудобный график работы).

Меры демографической политики являются одним из инструментов репродуктивного поведения семей.

В ходе эмпирических исследований большинство авторов делают выводы о положительном влиянии государственной политики, использующей финансовые стимулы, на рождаемость [14; 15]. Эффект от этого хоть и положительный, но не столь значительный. Кроме того, введение новых мер демографической политики способствует тому, что женщины планируют родить детей в более ранние сроки, чем они намеревались. Меры политики по регулированию рождаемости по способу воздействия делятся на экономические, административно-правовые и пропагандистские. Объективным фактором, определяющим рождение ребенка молодой женщиной, является размер доходов (как ее собственный, так и отца ребенка). Экономические меры по повышению рождаемости, которые являются объектом данной работы, вводятся для компенсации расходов на воспитание детей. К ним относятся социальные трансферты для семей с детьми, дифференциация налогов в зависимости от доходов, льготы и субсидии, оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком и пр.

Опрос молодых сельских женщин Татарстана позволил выявить комплекс разновекторных факторов, повлиявших на репродуктивное решение данной социально-демографической группы. С одной стороны, к ним относятся полностью монетарные ресурсы: а) пособие по беременности и родам и социальные выплаты женщинам с детьми возрастом до 1,5 лет – повлияли на 36 % респондентов; б) оплачиваемый отпуск, предоставляемый по уходу за ребенком одному из членов семьи, – на 32 %; в) возмещение стоимости и льготы при использовании услуг дошкольных образовательных учреждений – на 27 %; г) увеличение суммы социальных налоговых вычетов – на 22 %. В дополнение к монетарным государство выделяет разным категориям семей и матерей денежные ресурсы. К ним относятся: программа «Родовой сертификат», покрывающая свыше 90 % стоимости медицинских услуг по ведению беременности и медицинскому обслуживанию малыша в течение первого года его жизни (отметили 23 % опрошенных молодых сельских женщин); семейный капитал (47 %); получение земельного участка, позволяющее молодой многодетной семье улучшить качество своей жизни (42 % опрошенных).

Все же независимо от введенных новых мер демографической политики большинство опрошенных молодых сельских матерей родили столько детей, сколько и планировали. Только небольшой процент

опрошенных считают, что меры по повышению рождаемости изменили их репродуктивные планы.

В 2018 г. Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 09.02.2018 г. № 67 «О единовременной выплате женщинам, постоянно проживающим в сельской местности, при рождении ребенка» принято решение о единовременных выплатах женщинам, прожившим в сельской местности на территории Республики Татарстан не менее трех лет на момент обращения, в двух случаях: 1) женщинам в возрасте до 25 лет при рождении первого ребенка (единовременная выплата в размере 50 тыс. руб.); 2) женщинам в возрасте до 29 лет при рождении третьего ребенка (100 тыс. руб.).

Можно считать данную меру поддержки сельских женщин эффективным ресурсом по повышению качества жизни молодой матери и ее ребенка. Эту инновацию можно отнести к инструментам по достижению устойчивого развития сельских территорий. Выделяемая сумма способна возместить ряд материальных затрат на первое время содержания ребенка.

Дискуссионным, на наш взгляд, остается вопрос о том, отразится ли она на интенсивности рождений. Новая мера действительно направлена на инициирование рождения детей молодыми женщинами села. В перспективе это может привести к омоложению материнства, смещению пика интенсивности рождений на группу до 24 лет – чем раньше сельская женщина родит первого ребенка, тем скорее она будет готова к появлению второго и последующих детей.

Итак, для повышения репродуктивных установок сельской молодежи в лице женского населения необходимо создать условия для снижения миграции молодых женщин из сельских территорий (жилье, образование, рабочие места и т. д.), а также вводить меры государственной поддержки сельских семей с детьми.

Обсуждение и заключение. Таким образом, по результатам исследования сделаны следующие выводы.

1. Выявлен тренд двухдетной модели семьи у молодых сельских женщин Татарстана, что свидетельствует о наличии определенного резерва для роста рождаемости в ближайшее время. Треть опрошенных готовы родить троих детей, что очень важно для повышения суммарного коэффициента рождаемости в сельских территориях.

2. Главной причиной откладывания рождения детей у молодых сельских женщин являются материальные трудности. Это говорит о недостаточном объеме материальной помощи женщинам с детьми, предусмотренном мерами социальной политики. Этот факт необходимо учитывать при разработке новых, дополнительных мер по стимулированию рождаемости в Республике Татарстан.

3. Сопоставление (в выборку помимо женщин, у которых есть дети, включены женщины, не имеющие детей) репродуктивных установок и репродуктивного поведения позволило выделить две группы женщин:

- 1) женщины, родившие меньше детей, чем им хотелось бы (76,5 %);
- 2) женщины, у которых желаемое число соответствует фактическому (23,5 %).

4. По мнению опрошенных молодых сельских женщин, на повышение рождаемости в нашей стране большое влияние оказывают меры государственной поддержки (материнский капитал, рост пособий, льготы, родовый сертификат и т. д.). Однако большинство высказали мнение, что эти меры не повлияли на их намерение родить еще одного ребенка.

Повышение рождаемости в Республике Татарстан во многом зависит от количественных и качественных показателей численности сельских женщин репродуктивного возраста, а также от мер, предпринимаемых государством для стимулирования рождаемости и тем самым повышения репродуктивных установок данной категории.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по повышению уровня рождаемости в сельских территориях региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кулявина Е. Е., Курамшин А. В., Мифтахова А. Г. Ответственное деторождение в репродуктивных установках современных женщин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (34). С. 81–87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22612445> (дата обращения: 14.10.2018).
2. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки / В. Н. Архангельский [и др.] // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 43–50. URL: <http://socis.isras.ru/article/6597> (дата обращения: 14.10.2018).
3. Архангельский В. Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136. URL: http://www.isras.ru/socis_2013_02.html (дата обращения: 14.10.2018).
4. Ниворожкина Л. И., Овчарова Л. Н., Абазиева К. Г. Социально-экономические факторы роста рождаемости в России // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2010. № 2. С. 12–21. URL: <https://old.rsue.ru/vestnik/archive.aspx?lang=ru> (дата обращения: 14.10.2018).
5. Шахотко Л. П. Реализация программ демографической безопасности и оценка их эффективности в Республике Беларусь // Вопросы статистики. 2016. № 9. С. 38–48. URL: <https://vopstat.elpub.ru/jour/article/view/387> (дата обращения: 14.10.2018).
6. Heiland F., Prskawetz A., Sanderson W. C. Are Individuals' Desired Family Sizes Stable? Evidence from West German Panel Data // European Journal of Population. 2008. № 24 (2). Pp. 129–156. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-008-9162-x>

7. Austria: Persistent low fertility since the mid-1980s / A. Fürnkranz-Prskawetz [et al.] // Demographic Research. 2008. Vol. 19, article 12. Pp. 293–360. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.12>

8. Калачикова О. Н. Социально-гигиеническая грамотность в системе условий формирования репродуктивного поведения населения // Проблемы развития территории. 2011. № 2. С. 64–71. URL: <http://pdt.vssc.ac.ru/article/874> (дата обращения: 14.10.2018).

9. Волченкова Е. В. Особенности репродуктивных установок современной молодежи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 8. С. 21–25. URL: <http://vestnik43.ru/vggu-arhiv-jurnala> (дата обращения: 14.10.2018).

10. Тындик А. О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследования социальной политики. 2012. № 3. С. 361–376. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3471> (дата обращения: 14.10.2018).

11. Бегина И. А., Калугина Т. А. Особенности репродуктивных установок сельских женщин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 413–418. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-413-418>

12. Решетникова С. А. Влияние институтов социальной поддержки на социальное положение сельских молодых семей в Алтайском крае в 2000-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2/2. С. 241–245. URL: <http://izvestia.asu.ru/2011/2-2/soci/05.ru.html> (дата обращения: 14.10.2018).

13. Frejka T. Parity Distribution and Completed Family Size in Europe: Incipient Decline of the Two-Child Family Model? // Demographic Research. 2008 Vol. 19, article 4. Pp. 47–72. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.4>

14. Ermisch J., Ogawa N. The Family, the Market and the State in Ageing Societies. Oxford, England : Clarendon Press; Gauthier A. H., 2007. Pp. 79–104. URL: <https://www.amazon.com/Family-Societies-International-Studies-Demography/dp/0198288182> (дата обращения: 14.10.2018).

15. Gauthier A. The Impact of Family Policies on Fertility in Industrialized Countries: A Review of the Literature // Population Research and Policy Review. Vol. 26, no. 3. Pp. 323–346. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-007-9033-x>

Поступила 04.11.2018; принята к публикации 13.12.2018; опубликована онлайн 29.03.2019.

Об авторе:

Шадриков Александр Валерьевич, научный сотрудник ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан» (420111, Россия, г. Казань, ул. Островского, д. 23/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2194-2358>, Researcher ID: X-5832-2018, aleksandr.shadrikov@tatar.ru

Для цитирования:

Шадриков А. В. Репродуктивные установки молодых сельских женщин Республики Татарстан // Регионология. 2019. Т. 27, № 1. С. 122–137. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.122-137>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Kutyavina E.E., Kuramshin A.V., Miftakhova A.G. Responsible Reproduction of the Modern Woman. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2014; (2):81-87. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22612445> (accessed 14.10.2018). (In Russ.)
2. Arkhangel'skiy V.N., Zinkina Yu.V., Korotaev A.V., Shulgin S.G. Modern Fertility Trends in Russia and the Impact of the Pro-Natalist Policies. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2017; (3):43-50. Available at: <http://socis.isras.ru/en/article/6597> (accessed 14.10.2018).
3. Arkhangel'skiy V.N. [Reproductive and Marital Behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2013. (2):129-136. Available at: http://www.isras.ru/socis_2013_02.html (accessed 14.10.2018). (In Russ.)
4. Nivorozhkina L.I., Ovcharova L.N., Abazieva K.G. Social-Economic Factors of Birth Rate Growth in Russia. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* = Vestnik of Rostov State University of Economics. 2010; (2):12-21. Available at: <https://old.rsue.ru/vestnik/archive.aspx?lang=ru> (accessed 14.10.2018). (In Russ.)
5. Shakhotska L.P. Implementation of the Demographic Security Programs and Evaluation of their Effectiveness in the Republic of Belarus. *Voprosy statistiki* = Statistics Issues. 2016; (9):38-48. Available at: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/387> (accessed 14.10.2018). (In Russ.)
6. Heiland F., Prskawetz A., Sanderson W.C. Are Individuals' Desired Family Sizes Stable? Evidence from West German Panel Data. *European Journal of Population*. 2008. (24):129-156. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-008-9162-x>
7. Fürnkranz-Prskawetz A., Sobotka T., Buber-Enns I., Engelhardt-Wölfler H., Gisser R. Austria: Persistent low fertility since the mid-1980s. *Demographic Research*. 2008; 19(12):293-360. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.12>
8. Kalachikova O.N. Socio-Hygienic Literacy in the System of Formation of Population's Reproductive Behavior. *Problemy razvitiya territorii* = Problems of Territory's Development. 2011; (2):64-71. Available at: <http://pdt.vscs.ac.ru/article/874> (accessed 14.10.2018). (In Russ.)
9. Volchenkova E.V. Peculiarities in Reproduction Attitudes of Modern Youth. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* = Herald of Vyatka State University. 2014; (8):21-25. Available at: <http://vestnik43.ru/vggg-arhiv-jurnala> (accessed 14.10.2018). (In Russ.)
10. Tyndik A.O. Reproductive Attitudes and Their Realization in Modern Russia. *Zhurnal issledovaniya sotsialnoj politiki* = The Journal of Social Policy Studies. 2012; (3):361-376. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3471> (accessed 14.10.2018). (In Russ.)
11. Beginina I.A., Kalugina T.A. The Peculiarities of Rural Women's Reproductive Goals. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* = Izvestiya Saratovskogo Universiteta. New series. Series: Sociology. Politology. 2018; 18(4):413-418. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-413-418>

12. Reshetnikova S.A. Impact of Social Support Institutes on Social Position of Rural Young Families in the Altai Territory in 2000s. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* = Izvestiya of Altai State University. 2011; (2/2):241-245. Available at: <http://izvestia.asu.ru/2011/2-2/soci/05.ru.html> (accessed 14.10.2018). (In Russ.)
13. Frejka T. Parity Distribution and Completed Family Size in Europe: Incipient Decline of the Two-Child Family Model? *Demographic Research*. 2008; 19:47-72. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.4>
14. Ermisch J., Ogawa N. The Family, the Market and the State in Ageing Societies. Oxford, England: Clarendon Press. 2007; 79-104. Available at: <https://www.amazon.com/Family-Societies-International-Studies-Demography/dp/0198288182> (accessed 14.10.2018).
15. Gauthier A. The Impact of Family Policies on Fertility in Industrialized Countries: A Review of the Literature. *Population Research and Policy Review*. 26(3):323-346. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-007-9033-x>

Submitted 04.11.2018; accepted for publication 13.12.2018; published online 29.03.2019.

About the author:

Alexander V. Shadrikov, Scientific Worker, Center of Advanced Economic Research in the Tatarstan Academy of Sciences (23/1 Ostrovskogo St., Kazan 420111, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2194-2358>, Researcher ID: X-5832-2018, aleksandr.shadrikov@tatar.ru

For citation:

Shadrikov A.V. Reproductive Attitudes of Young Rural Women in the Republic of Tatarstan. *Regionologiya* = Regionology. 2019; 27(1):122-137. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.122-137>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Вспомогательные репродуктивные технологии в репродуктивном поведении городской молодежи (опыт пилотажного исследования)

Т. М. Дадаева*

В. В. Баранова

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
* dadaeva13@mail.ru

Введение. Вспомогательные репродуктивные технологии в ситуации демографического кризиса могут способствовать повышению рождаемости у бездетных родителей. Актуальность статьи заключается в необходимости социологического анализа отношения к применению вспомогательных репродуктивных технологий в молодежном социуме. Цель статьи – выявить значимые факторы, влияющие на отношение молодежи к вспомогательным репродуктивным технологиям и к их использованию на примере молодежи г. Саранска.

Материалы и методы. В ходе исследования применялись методы анализа, сравнения, корреляции. Эмпирической базой стали данные анкетного пилотажного опроса городской молодежи г. Саранска, собранные на основе разработанной авторами методики, согласно квотной выборке (по полу, возрасту, месту проживания), а также материалы статистики.

Результаты исследования. В ходе исследования была выявлена зависимость информированности респондентов о вспомогательных репродуктивных технологиях от уровня образования, возраста, семейного статуса. Установлено, что опрошенные, использовавшие вспомогательные репродуктивные технологии, чаще прибегали к экстракорпоральному оплодотворению, интрацитоплазматической инъекции сперматозоида, суррогатному материнству. Сформулированы предложения о необходимости государства расширить финансирование программ вспомогательных репродуктивных технологий, если это касается репродуктивного здоровья, выделять квоты, обеспечивая доступность технологий для реализации репродуктивных прав в обществе, а также информировать население о новых видах вспомогательных репродуктивных технологий.

© Дадаева Т. М., Баранова В. В., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования могут быть использованы органами власти, сотрудниками центров репродукции, клиник экстракорпорального оплодотворения для разработки и планирования программ использования вспомогательных репродуктивных технологий, для проведения мониторинговых исследований по применению данных технологий. Перспективы исследования связаны с более глубоким изучением (проведением качественных исследований) родителей, использующих вспомогательные репродуктивные технологии.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, бесплодие, экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство, репродуктивное поведение, социологический опрос, городская молодежь

Assisted Reproductive Technology and the Reproductive Behavior of Urban Youth (Experience of a Pilot Study)

T. M. Dadaeva*, V. V. Baranova

National Research Mordovia State University (Saratov, Russia),
* dadaeva13@mail.ru

Introduction. The use of assisted reproductive technology in a situation of a demographic crisis can contribute to an increase in the birth rate among childless parents. The paper is of relevance as there is a need for a sociological analysis of the youth's attitudes towards the use of assisted reproductive technology. The purpose of the article is to reveal significant factors affecting the youth's attitudes towards assisted reproductive technology and its application, based on the results of a case study conducted among young people residing in the city of Saransk.

Materials and Methods. The study used the methods of analysis, comparison and correlation. The data of a pilot survey conducted among young people residing in the city of Saransk and statistics were used as the empirical base of the study. The data were collected on the basis of the methodology developed by the authors according to quota sampling (by sex, age and place of residence).

Results. The study has revealed the correlation between the respondents' awareness of assisted reproductive technology and their level of education, age and marital status. It has been established that those respondents who took advantage of assisted reproductive technology, more often used such methods as in vitro fertilization, intracytoplasmic sperm injection and surrogacy. The authors have formulated proposals on the need for the state to increase funding for the assisted reproductive technology programs, when it concerns reproductive health, to allocate quotas, ensuring the availability of the technology for the enforcement of the reproductive rights in society, as well as to inform the public about new types of assisted reproductive technology.

Discussion and Conclusion. The results of the study can be used by the authorities, staff of reproductive health centers and in vitro fertilization clinics to develop and plan assisted reproductive technology programs, for conducting monitoring studies on the use of assisted reproductive technology. Prospects for the study are associated with conducting further in-depth qualitative research on parents using assisted reproductive technology.

Keywords: assisted reproductive technology, infertility, in vitro fertilization, surrogacy, reproductive behavior, sociological survey, urban youth

Введение. В условиях бурного развития медицинских технологий термины «дети из пробирки», «суррогатное материнство» уже вошли в обиход, и в целом использование вспомогательных репродуктивных технологий не является редкостью. Биомедицинские технологии сегодня активно включены на институциональном уровне в жизнь современного социума. Вслед за М. Фуко можно говорить о биополитике¹, микропрактиках власти медицинских технологий и об их репрессивной, контролирующей функции над населением. Проблемы рождаемости, репродуктивного поведения и демографической политики всегда находятся под контролем государственной власти. Поэтому социальные аспекты использования контрацепции, вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), производство абортов можно рассматривать в дискурсе биополитики.

По различным оценкам, в России в настоящее время бесплодны 10–20 % населения репродуктивного возраста, т. е. до 5 млн пар, что примерно соответствует уровню развитых европейских стран. На 2016 г. в нашей стране показатель бесплодных пар репродуктивного возраста, а именно 20–35 лет, составил 17 % от всего населения (для сравнения количество бесплодного населения на 2015 г. составило 15 %)². По данным отчета Регистра ВРТ Российской Ассоциации репродукции человека (РАРЧ) за 2016 г. общее количество доступных анализу циклов ВРТ составило – 113 976³ (для сравнения в 2015 г. – 111 972 цикла, в 2014 г. – 95 628), из них циклов ЭКО – 34 058, ИКСИ – 43 776, беременностей – 33 780, родами закончились – 24 282 (в 2015 г. родами закончились 22 588 беременностей)⁴.

Применение ВРТ для лечения бесплодия сегодня является очевидным, однако отношение к использованию вспомогательных технологий среди населения не является однозначным: с одной стороны, это возможность стать родителями для бесплодных пар, с другой – индустрия ВРТ выступает как новый вид бизнеса и, следовательно, можно говорить о коммерциализации родительства и соответственно проблеме финансовой доступности. Кроме того, на отношение к использованию вспомогательных технологий влияют религиозный и этнический факторы. В условиях демографического кризиса возможность решения проблемы

¹ Foucault M. Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–1976. New York : St. Martin's Press, 1997. 243 p.

² Проблема бесплодия: как ее решают в России [Электронный ресурс]. URL: http://stopbesplodie.ru/traditsionnaya_medsina/besplodie-v-rossii (дата обращения: 12.02.2018).

³ Отчет регистра ВРТ за 2016 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrART2016.pdf (дата обращения: 03.10.2018).

⁴ Отчет регистра ВРТ за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrVRT_2015.pdf (дата обращения: 03.10.2018).

бесплодия с помощью вспомогательных технологий становится еще более актуальной, что проблематизирует исследование общественно-го мнения о ВРТ в социуме, особенно молодежном. Цель статьи – выявить факторы, влияющие на отношение городской молодежи к вспомогательным репродуктивным технологиям и к их использованию в репродуктивном поведении.

Статья является попыткой постановки проблемы отношения к ВРТ и к их использованию в социологическом поле, поскольку опирается на результаты впервые проведенного пилотажного исследования молодежи г. Саранска на данную тему в регионе с неблагоприятной демографической ситуацией.

Обзор литературы. Зарубежные авторы активно исследуют данную проблему в рамках социологии медицины, социологии здоровья и болезни, основываясь на данных социологических исследований. Например, шведские ученые в рамках институционального подхода, на основе эмпирических исследований кейса (Швеции), проанализировали процесс институционализации ВРТ, включающий контролирующие агентства, этические комитеты, научные сообщества, политические органы и курсы, пациентов, группы активистов и новых участников отрасли [1]. Авторы подчеркивают, что инновации в здравоохранении всегда влияют на социальные отношения, включая политические, этические и финансовые аспекты.

В фокусе внимания зарубежных ученых находится проблема родства родителей и детей, зачатых с помощью вспомогательных технологий [2; 3]. Так, Г. Беккер, А. Батлер, Р. Д. Нахтигалл на основе результатов лонгитудных качественных интервью, проведенных с 132 парами и 11 женщинами, использующими ВРТ в США, выявили, что нормативная модель семьи создает неудобства при несходстве детей с родителями в случае их зачатия с помощью донора и проблематизирует родство в отношениях родителей и детей, семьи и общества [2].

В. М. Грейс, К. Р. Дэниелс, У. Джиллетт анализируют роль донора в конструировании родительства и отцовства на основе данных 41 нарративного интервью с парами, зачавшими детей с помощью донорства гамет [4]. Авторы делают вывод о деперсонализации донора в конструировании родительства и семьи.

Получают развитие вопросы коммерциализации ВРТ, производства или замораживания яйцеклеток не для беременности, а для получения прибыли [5; 6], о различных режимах коммодификации тела для женщин и мужчин [7; 8], развития репродуктивного туризма [9], особенностях генетического репродуктивного рынка в страновом или региональном аспекте [10; 11].

В отечественных работах вопросы применения ВРТ чаще исследуются в рамках медицинских проблем и этико-правового регулирования⁵.

В социологическом аспекте проблема мало изучена. Тема родства нашла отражение в работах отечественных авторов⁶ [12; 13]. Так, О. А. Ткач ставит проблему родства в семьях, использующих вспомогательные репродуктивные технологии, основываясь на контент-анализе газетных публикаций о случаях положительного использования ВРТ. По результатам данного исследования делается вывод о фрагментированности материнства (биологическая мать, социальная мать, вынашивающая) и отцовства (донор, социальный отец) и в целом о проблеме родства [13].

Исследование ВРТ в социальных науках сфокусировано на семейной, демографической политике, возможностях использования ВРТ для повышения рождаемости [14; 15], проблеме доступности ВРТ и в связи с этим производстве новых видов социального неравенства и дискриминации [16]. Так, можно выделить публикации доктора экономических наук Н. Е. Русановой, в которых дается анализ истории возникновения ВРТ и влияние использования репродуктивных технологий на рождаемость. Автор полагает, что вспомогательные репродуктивные технологии «не только меняют количественные и качественные показатели рождаемости и модифицируют многие экономико-демографические показатели, но и формируют новые социальные, правовые, этические нормы. Важность этих проблем в странах с неблагоприятной демографической ситуацией, в число которых входит Россия, усугубляется низкой рождаемостью и депопуляцией» [14, с. 70].

Большой методологический вклад в анализ статистических данных применения ВРТ вносят работы О. Г. Исуповой⁷ [12; 15]. Автор рассматривает влияние вспомогательных репродуктивных технологий на демографические возможности населения, статистические тренды использова-

⁵ Айвар Л. К. Правовые основы вспомогательных репродуктивных технологий // Юридический консультант. 2006. № 3. С. 6–11; Вспомогательные репродуктивные технологии / Т. П. Кулешова [и др.] // Медицинский вестник Башкортостана. 2015. № 5. С. 74–78; Павлова Ю. В. Современный правовой режим реализации репродуктивного права человека на применение вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. 2013. № 6 (52). С. 27–32; Пересадка О. А., Лебедько А. В. Вспомогательные репродуктивные технологии: этические и юридические проблемы // Медицинские новости. 2005. № 6. С. 5–11; Свитнев К. Н. Вспомогательные репродуктивные технологии: Правовые коллизии // Правовые вопросы в здравоохранении. 2011. № 5. С. 52–59; Биоэтические и правовые проблемы бесплодия и вспомогательных репродуктивных технологий : моногр. / М. Л. Чернышева [и др.]. Тамбов : СП-Принт, 2010. 215 с.

⁶ Нартова Н. «Кто кому мать?» Проблематизация суррогатного материнства в дискурсе СМИ // Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития / под ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2008. С. 146–148.

⁷ Исупова О. Г. Бесплодие и репродуктивные технологии в России: особенности развития и потенциальные возможности влияния на население. Рождаемость и планирование семьи в России // Рождаемость и планирование семьи в России: История и перспективы. Сб. ст. М., 2011. С. 152–173.

ния ВРТ, прогнозы успешных ВРТ в мире. Автор считает, что бесплодие в России в настоящее время является социально стигматизирующим состоянием, а это означает, что цифры относительно его распространенности, получаемые из репрезентативных массовых опросов населения в целом, могут не отражать реального состояния дел, поскольку значительная часть респондентов будут скрывать от интервьюеров свое состояние⁸.

Наиболее изученной в социологии является тема отношения к суррогатному материнству. Согласно опросу ВЦИОМ в 2013 г. (опрошено 1 600 чел. в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России), 76 % респондентов позитивно расценивают использование услуг женщины в качестве суррогатной матери как метод для рождения детей. При этом 60 % респондентов считают возможным прибегнуть к этой мере лишь в том случае, если нет возможности завести детей самостоятельно, 16 % считают это нормальным в любой ситуации, 20 % заявили о недопустимости существования суррогатного материнства⁹.

Социальные науки, исследуя ВРТ, актуализируют различные проблемы: коммерциализацию родительства, доступность ВРТ и производство новых форм неравенства, фрагментированность материнства и отцовства и в целом проблему родства, причины использования ВРТ (бесплодие, нетрадиционная сексуальная ориентация, отсутствие партнера (супруга) для рождения ребенка, решение иметь детей в зрелом (пострепродуктивном) возрасте, стремление сохранить фигуру и здоровье женщины, использование суррогатного материнства состоятельными парами не по медицинским показаниям) и т. д.

Трудности исследования проблемы связаны с отсутствием региональных статистических данных об успешных циклах ВРТ, поскольку не все клиники предоставляют отчеты.

Социологический аспект, изучение общественного мнения об отношении и использовании ВРТ в российском контексте, особенно в молодежной среде, на региональном уровне является малоизученным.

Материалы и методы. Начиная с 90-х гг. XX в. Республика Мордовия относится к регионам с проблемной демографической ситуацией – низким уровнем рождаемости и превышающей ее смертностью¹⁰.

С 1992 г. естественный прирост сменился убылью, что привело к сокращению воспроизводства населения. Спад рождаемости в регионе можно объяснить низким уровнем жизни в республике (низкими зарплатами, отсутствием жилья) и в связи с этим ориентацией молодых пар на малодетность и откладывание рождения детей. Статистические

⁸ Там же. С. 155.

⁹ Исследование ВЦИОМ: Суррогатные матери – героини или изгой? [Электронный ресурс]. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/moral-relations/article/surrogatnye-materi-geroini-ili-izgoi> (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁰ Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2017. С. 74.

данные по заболеваемости женщин бесплодием в Мордовии показывают устойчивую негативную стабильность данного показателя за последние пять лет: 2012 г. – 450,0 чел; 2013 г. – 356,0; 2014 г. – 440,4; 2015 г. – 559,4; 2016 г. – 474,1 чел.¹¹

Весной 2018 г. в г. Саранске было проведено пилотажное социологическое исследование (анкетный опрос) «Отношение городской молодежи к вспомогательным репродуктивным технологиям». Было опрошено 140 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет, согласно квотной выборке по полу, возрасту, району проживания в городе (объем генеральной совокупности на 1 января 2018 г. составил 139 302 чел.¹², погрешность измерения или доверительный интервал – $\pm 5\%$).

В качестве эмпирических индикаторов выступали уровень осведомленности о видах ВРТ, реальное и потенциальное использование ВРТ, оценка эффективности, условия и причины использования и др.

В качестве основной гипотезы выступает то, что большинство молодых людей имеют представление о вспомогательных репродуктивных технологиях, слышали о наиболее распространенных видах и положительно относятся к их применению при бесплодии. Однако большая часть городской молодежи не прибегала к использованию ВРТ. Значимыми факторами, влияющими на отношение городской молодежи к ВРТ и к их применению, выступают: уровень образования, возраст, гендерная принадлежность, семейный статус, уровень религиозности.

Гипотезы-следствия. 1. Чем старше респонденты и выше их уровень образования, тем выше уровень осведомленности о ВРТ. 2. Женщины лучше информированы о вспомогательных технологиях, чем мужчины. 3. Семейные пары чаще прибегали к использованию ВРТ, чем несемейные. 4. Чем выше уровень религиозности, тем негативнее отношение к ВРТ и к их применению.

Было опрошено 52,9 % женщин и 47,1 % мужчин. По уровню образования респонденты разделились следующим образом: 40,0 % имеют высшее образование, 18,5 – неоконченное высшее, 19,0 – среднее специальное, 5,9 – начальное профессиональное образование, 12,7 – окончили 11 классов, 3,9 % имеют неполное общее образование. По семейному положению: 44,9 % респондентов холосты, 38,0 – состоят в браке, 10,7 – разведены, 4,9 – состоят в гражданском (незарегистрированном) браке, 1,5 % – вдовцы/вдовы; 38,5 % опрошенных имеют детей, 61,5 % – бездетны.

¹¹ На 100 000 женщин в возрасте 18–49 лет. Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовия-стат. Саранск, 2017. С.183.

¹² Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения: 14.02.2018).

Результаты исследования. Согласно полученным данным большая часть опрошенных знакома с таким понятием, как ВРТ. Женщины больше информированы о репродуктивных технологиях, чем мужчины (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Распределение ответов на вопрос «Слышали ли Вы до анкетирования о вспомогательных репродуктивных технологиях?», %

Table 1. Distribution of answers to the question “Have you heard about assisted reproductive technology before responding to the questionnaire?”, %

Респонденты / Re- spondents	Варианты ответов / Answer options		Итого / Total
	Да / Yes	Нет / No	
В зависимости от пола / Depending on gender			
Женщины / Women	50,7	2,1	52,8
Мужчины / Men	34,3	12,9	47,2
Итого / Total	85,0	15,0	100
В зависимости от возраста / Depending on age			
18–23	26,5	4,9	31,4
24–29	29,8	4,5	34,3
30–35	32,3	2,0	34,3
Итого / Total	88,6	11,4	100

Результаты говорят о высоком уровне информированности городской молодежи (85 %) о всевозможных способах зачатия и вынашивания ребенка при диагнозе «Бесплодие» у потенциальных родителей. В ходе исследования была выявлена и зависимость информированности респондентов о ВРТ от возраста и уровня образования (подтвердилась гипотеза-следствие 1). Молодые люди 24–29 и 30–35 лет чаще отмечали, что слышали о ВРТ (29,8 и 32,3 % соответственно), чем более младшие опрошенные.

Люди с высшим образованием (37,6 %) в большей мере знают о ВРТ, чем закончившие техникум/колледж (17,1 %) или 11 классов (11,2 %). В меньшей степени сталкивались с данным термином выпускники школ после 9 класса (3,4 %) и ПТУ, ПУ (3,9 %).

Существуют разные виды репродуктивных технологий в медицинской практике: экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), донорство спермы, донорство ооцитов (яйцеклеток), интрацитоплазматическая инъекция сперматозоида (ИКСИ), суррогатное материнство, криоконсервация (замораживание) половых клеток, использование половых клеток умершего, внутриутробная редукция эмбрионов¹³, терапевтическое клонирование.

¹³ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 30.08.2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [Электронный ресурс] // Гарант : справ.-правов. система. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218364/#ixzz5TBjzK1g> (дата обращения: 05.10.2018).

Согласно российскому законодательству, вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства)¹⁴.

Анкетированным было предложено выбрать два варианта ответа, в зависимости от того, знаком ли им тот или иной вид ВРТ. Наиболее известными оказались: суррогатное материнство (87,9 %), ЭКО (85 %), донорство мужского биологического материала (спермы) (66,2 %). Меньше всего опрошенные знают об ИКСИ (инъекции сперматозоида в цитоплазму ооцита) и искусственной инсеминации. Предположительно, это обусловлено тем, что данные способы не так часто обсуждаются в СМИ, в отличие от наиболее популярных и общеизвестных – ЭКО и суррогатного материнства.

Особенно эффективной технологией на сегодняшний день выступает ЭКО. Япония является рекордсменом по количеству клиник и проведению протоколов ЭКО (в 2016 г. было проведено 424 000 протоколов ЭКО, из которых 12 % оказались успешными). Израиль занимает первое место среди стран, в которых проводят экстракорпоральное оплодотворение. Данный метод лечения проводится с 1980 г., этим и объясняется высокий процент (47–50 %) его использования. В России за 2016 г. доля родившихся детей в результате ЭКО составила немного больше 1 % всех младенцев¹⁵. Согласно российскому законодательству, ЭКО входит в программу обязательного медицинского страхования, поэтому количество клиник, специализирующихся на данной процедуре, возрастает. Так, на 2017 г. Центром экстракорпорального оплодотворения при Саранском роддоме № 2, созданным в 2006 г., было запланировано финансирование 375 процедур ЭКО¹⁶.

Далее участникам опроса было предложено истолковать понятие «вспомогательные репродуктивные технологии». Наиболее точное определение – «совокупность медицинских средств и процедур, направленных на достижение беременности женщины» – выбрали 57,6 % респондентов; вариант

¹⁴ Статья 55. Применение вспомогательных репродуктивных технологий [Электронный ресурс] // Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/3b0e0cbbd6f1b1a07c0b0b3d4df406a2ecf108a1/ (дата обращения: 05.10.2018).

¹⁵ ЭКО статистика по успешным беременностям [Электронный ресурс]. URL: <https://registr-eco.ru/temyi/chto-takoe-eko-ekstrakorporalnoe-oplodotvorenie/eko-statistika.html> (дата обращения: 12.07.2018).

¹⁶ Центр ЭКО в Саранске подарил многим бездетным парам надежду [Электронный ресурс]. URL: http://umedr.ru/articles/tsentr_eko_v_saranske_podaril_mnogim_bezdetnym_param_nadezhdu.html (дата обращения: 10.02.2018).

«технологии, которые направлены на лечение бесплодия» отметили 29,3 % респондентов. Впервые слышат о данном понятии и, следовательно, не имеют никаких представлений 13,2 % опрошенных.

Большинство молодых людей убеждены, что перед планированием беременности важно заранее пройти медицинское обследование (40,6 %). Многие ответили, что лучше позаботиться о своем здоровье за 1 год до зачатия ребенка, 9,8 % опрошенных выбрали вариант «за 2 года». Были предложены и свои ответы: «до заключения брака или до сожительства, если оно является аналогом брака для пары», «чем раньше, тем лучше», «все зависит от состояния здоровья человека», «медицинское обследование необходимо начать с того момента, когда пара начнет половую жизнь».

Большинство респондентов (83,3 %) не прибегали к использованию ВРТ. Однако оставшиеся 16,7 % опрошенных применяли вспомогательные технологии. Из них 6,9 % состоят в официальном браке, 6,0 – в гражданском (незарегистрированном) браке, 1,7 – не состоят в браке, 1,4 – разведены, 0,7 % – вдовы/вдовцы. По половому признаку опрошенные, использовавшие ВРТ, распределились так: 9,3 % – женщины, 7,1 % – мужчины.

Респонденты использовали следующие виды вспомогательных репродуктивных технологий: ЭКО (7,7 %), ИКСИ (6,5 %), донорство мужского биологического материала (2,5 %). Смогли зачать и родить ребенка 12,7 % опрошенных, применение ВРТ оказалось неэффективным для 4 %. Следовательно, для 77,4 % опрошенных (из 16,4 % использовавших) применение ВРТ закончилось рождением здорового ребенка.

На вопрос об использовании родственниками вспомогательных репродуктивных технологий положительно ответили 12,4 % респондентов, отрицательно – 87,6 %. Из приведенных видов ВРТ знакомые и родственники респондентов использовали суррогатное материнство (4,9 %), донорство мужского биологического материала (3,7 %), ИКСИ (2,1 %) и ЭКО (1,7 %). Помощь ВРТ была эффективна для 9,6 % родственников, которые смогли родить ребенка, у 2,8 % анкетированных родственники не добились результата.

Исследование показало, что пары, живущие в зарегистрированном или гражданском браке, чаще использовали ВРТ (12,9 %), чем холостые (1,7 %), разведенные (1,4 %), вдовы (0,7 %).

В ходе исследования проверялась гипотеза о зависимости отношения к ВРТ среди молодежи от уровня религиозности респондентов. Выяснилось, что 42,5 % верят в бога, 21,5 – скорее верят, чем нет, 14,9 – скорее не верят, 12,8 – отнесли себя к атеистам, 8,3 % – затруднились с ответом. Таким образом, большая часть респондентов оказались верующими. Не прибегали к использованию ВРТ 83,3 % опрошенных, из них 40,5 % указали, что верят в бога, 15,5 – скорее верят, чем нет. Среди использовавших ВРТ 7 % верующих в бога и 9,7 % не верующих (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Прибегали ли Вы когда-нибудь к использованию вспомогательных репродуктивных технологий в своей жизни?» в зависимости от уровня религиозности, %

Table 2. Distribution of answers to the question “Have you ever taken advantage of assisted reproductive technology in your life?” depending on the level of religiosity, %

Варианты ответов на вопрос «Верите ли Вы в бога?» / Answer options to the question “Do you believe in god?”	Ответы на вопрос «Использовали ли Вы вспомогательные репродуктивные технологии?» / Answers to the question “Have you taken advantage of assisted reproductive technology?”		
	Да / Yes	Нет / No	Итого / Total
Да / Yes	2,0	40,5	42,5
Скорее да, чем нет / Rather yes than no	5,0	15,5	21,5
Скорее нет, чем да / Rather no than yes	8,7	6,2	14,9
Нет, я атеист / No, I’m an atheist	1,0	11,8	12,8
Затрудняюсь ответить / Not sure	–	8,3	8,3
Итого / Total	16,7	83,3	100

Анкетированные, верящие в бога, положительно относятся к развитию ВРТ в обществе. Среди противников ВРТ больше атеистов – 23,6 % (сумма ответов «скорее нет, чем да» – 20 % и «атеист» – 3,6 %), чем верующих. Таким образом, гипотеза о том, что использование ВРТ зависит от религиозности респондентов, не подтвердилась (табл. 3).

Мы задали вопрос об отношении к «детям из пробирки». Большинство респондентов (58 %) отметили, что «дети из пробирки», безусловно, отличаются от детей, рожденных естественным способом, 40,2 % опрошиваемых считают, что способ зачатия никак не может выступать фактором различия между детьми в целом, 1,8 % анкетированных дали свой вариант ответа: «не могу дать точного ответа, так как никогда не сталкивался с такими детьми», «читал в Интернете, что такие дети имеют много разных заболеваний», «не знаю, не имею представлений».

Респондентам был задан вопрос: «При каких обстоятельствах людям стоит использовать небиелогические способы оплодотворения?». 59 % выбрали вариант «Проблема самостоятельно зачать и выносить», 50,7 – при диагнозе «Бесплодие», 7,3 % – «Если существуют физические или эмоциональные преграды». Невозможность самостоятельно зачать ребенка не сравнится с физическими или психологическими страхами. Эмоциональные барьеры можно преодолеть с помощью родственников, психологов и других лиц. Диагноз «Бесплодие» является весомым аргументом, чтобы пойти на применение вспомогательных репродуктивных технологий.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как в целом Вы оцениваете развитие вспомогательных репродуктивных технологий для общества?» в зависимости от уровня религиозности респондента, %

Table 3. Distribution of answers to the question “How do you assess the overall development of assisted reproductive technology for society?” depending on the level of religiosity of the respondent, %

Вера в бога / Faith in god	Отношение к вспомогательным репродуктивным технологиям / Attitude towards assisted reproductive technology			
	Положительное / Positive	Скорее положительное, чем отрицательное / Rather positive than negative	Скорее отрицательное, чем положительное / Rather negative than positive	Отрицательное / Negative
Да / Yes	41,3	36,3	16,3	6,3
Скорее да, чем нет / Rather yes than no	34,1	45,5	6,8	13,6
Скорее нет, чем да / Rather no than yes	36,7	26,7	16,7	20
Нет, я атеист / No, I’m an atheist	46,4	32,1	17,9	3,6
Затрудняюсь ответить / Not sure	56,5	34,8	8,7	–
В среднем по выборке / Sample average	41,5	36,1	13,7	8,8

Опрошенные оценивали каждый вид ВРТ от 1 до 5 баллов, где 1 – резко негативно, 5 – резко положительно. Негативную оценку получили донорство ооцитов и ИКСИ, нейтральную – ЭКО, донорство спермы, искусственная инсеминация, положительную – суррогатное материнство.

При ответе на вопрос об использовании и оценке суррогатного материнства мнения респондентов разделились. Так, 42,2 % городской молодежи (из них 31,4 % женщин и 10,8 % мужчин) считают данную технологию наиболее эффективным методом решения проблемы бесплодия для женщин и супружеских пар. Противоположной точки зрения придерживается 41,4 % опрошенных (15,0 % женщин и 26,4 % мужчин), 16,4 % – затруднились с ответом. Положительные оценки суррогатному материнству чаще давали женщины. Однако этот вид ВРТ не может рассматриваться в социуме как эффективный способ преодоления бесплодия для супружеских пар. Во-первых, он наиболее финансово затратный

(услуги зачатия и вынашивания ребенка третьим лицом требуют немалых расходов на протяжении всего периода беременности и после его окончания). Во-вторых, часто встречаются случаи, когда суррогатная мать не может справиться со своим психологическим состоянием и отдать ребенка, которого она вынашивала.

Анализ полученных результатов показал, что женщины (24,1 %) в целом более позитивно настроены по отношению к ВРТ, чем респонденты мужского пола (15 %) (табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Как в целом Вы оцениваете развитие вспомогательных репродуктивных технологий для общества?» в зависимости от пола, %

Table 4. Distribution of answers to the question “How do you assess the overall development of assisted reproductive technology for society?” depending on sex, %

Респонденты / Respondents	Варианты ответов / Answer options				
	Положительно / Positively	Скорее положительно, чем отрицательно / Rather positively than negatively	Скорее отрицательно, чем положительно / Rather negatively than positively	Отрицательно / Negatively	Итого / Total
Женщины / Women	24,1	22,8	5,8	4,3	57,0
Мужчины / Men	15,0	15,8	7,9	4,3	43,0
Итого / Total	39,1	38,6	13,7	8,6	100

В целом городская молодежь демонстрирует положительное отношение и высокий уровень информированности о ВРТ. Религиозность не является определяющим фактором в решении использования ВРТ, более значимыми оказались семейный статус, гендерная принадлежность, уровень образования, возраст. Большинство респондентов положительно относятся к использованию ВРТ. В выборке социологического исследования оказались те, кто применял ВРТ (в том числе результативно). Если суммировать респондентов и их родственников (знакомых), использовавших ВРТ, то по выборке это составило 24,6 %. Подтвердилась гипотеза о том, что большая часть респондентов, применявших вспомогательные репродуктивные технологии, состоят в семейных отношениях (законный или незарегистрированный брак).

Использование ВРТ в репродуктивном поведении членов общества выступает эффективным методом решения проблем бесплодия и тем са-

мым способствует повышению рождаемости. Однако необходимо больше освещать данный вопрос в СМИ, учебных заведениях, в семейном кругу, поскольку многие молодые люди не имеют полного представления о существовании диагноза «Бесплодие» и способах его лечения. Кроме того, использование вспомогательных репродуктивных технологий поднимает новые социальные вопросы в обществе: об открытости применения ВРТ (неоднозначное отношение общества к применению ВРТ заставляет скрывать их использование бесплодными парами), о доступности ВРТ и новых формах социального неравенства.

Обсуждение и заключение. В ходе проведенного социологического исследования были выявлены факторы, влияющие на отношение молодежи к ВРТ.

1. Фактор образования и возраста. Больше осведомлена о ВРТ молодежь старших возрастных групп и с высшим образованием.

2. Фактор пола. Женщины более осведомлены о вспомогательных технологиях, чем мужчины, чаще дают им положительные оценки и отмечали использование. Возможно, это связано с тем, что женщины больше заботятся о своем здоровье и чаще проходят медицинские обследования.

3. Семейный статус влияет на использование ВРТ. Чаще используют вспомогательные репродуктивные технологии те, кто состоит в семейных отношениях (зарегистрированный или гражданский брак). Осведомлены о ВРТ как состоящие в браке, так и нет.

4. Религиозный фактор не играет значимой роли в отношении к ВРТ: среди использовавших ВРТ были и верующие, и неверующие.

5. Среди опрошенных оказались те, кто результативно использовал ВРТ.

Сегодня использование репродуктивных технологий может выступать определенным механизмом повышения рождаемости, особенно в регионах с проблемной демографической ситуацией (как Республика Мордовия). При этом государство должно расширить финансирование программ ВРТ, если это касается репродуктивного здоровья, выделять квоты, обеспечивая доступность технологий для реализации репродуктивных прав в обществе, а также информировать население о новых видах ВРТ.

Практическая значимость статьи состоит в возможности использования результатов исследования органами власти, сотрудниками центров репродукции, клиник ЭКО для разработки и планирования программ ВРТ, проведения мониторинговых исследований по применению ВРТ в регионе. Перспективы исследования связаны с более глубоким изучением (проведением качественных исследований) пар, родителей, использующих ВРТ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Styhre A., Arman R. Institutionalizing Assisted Reproductive Technologies: The Role of Science, Professionalism and Regulatory Control, Routledge Studies in the Sociology of Health and Illness. Abingdon, Oxon; New York, NY : Routledge. 2016. 199 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315751795>
2. Becker G., Butler A., Nachtigall R. D. Resemblance Talk: A Challenge for Parents Whose Children Were Conceived with Donor Gametes in the US // Social Science and Medicine. 2005. Vol. 61, issue 6. Pp. 1300–1309. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.01.018>
3. Edwards J. Born and Bred: Idioms of Kinship and New Reproductive Technologies in England. Oxford : University Press, 2000. 264 p. URL: <https://global.oup.com/academic/product/born-and-bred-9780198233947?cc=ru&lang=en&#> (дата обращения: 03.10.2018).
4. Grace V. M., Daniels K. R., Gillett W. The Donor, the Father, and the Imaginary Constitution of the Family: Parents' Constructions in the Case of Donor Insemination // Social Science and Medicine. 2008. Vol. 66, issue 2. Pp. 301–314. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2007.08.029>
5. Almeling R., Willey I. Same Medicine, Different Reasons: Comparing Women's Bodily Experiences of Producing Eggs for Pregnancy or for Profit // Social Science and Medicine. 2017. Vol. 188. Pp. 21–29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.06.027>
6. Kılıç A., Göçmen İ. Fate, Morals and Rational Calculations: Freezing Eggs for Non-Medical Reasons in Turkey // Social Science and Medicine. 2018. Vol. 203. Pp. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2018.03.014>
7. Almeling R. Sex Cells: The Medical Market for Eggs and Sperm. Berkeley : University of California Press, 2011. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1525/j.ctt1pnt3x> (дата обращения: 03.10.2018).
8. Almeling R. Selling Genes, Selling Gender: Egg Agencies, Sperm Banks, and the Medical Market in Genetic Material // American Sociological Review. 2007. Vol. 72, issue 3. Pp. 319–340. DOI: <https://doi.org/10.1177/000312240707200301>
9. Deech R. Reproductive Tourism in Europe: Infertility and Human Rights // Global Governance. 2003. Vol. 9, issue 4. Pp. 425–432. URL: https://www.jstor.org/stable/27800494?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 03.10.2018).
10. Saravanan S. A Transnational Feminist View of Surrogacy Biomarkets in India. Singapore : Springer Verlag. 2018. 183 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-10-6869-0>
11. Wahlberg A. Good Quality: The Routinization of Sperm Banking in China. University of California Press. 2018. 248 p. URL: <https://www.ucpress.edu/book/9780520297784/good-quality> (дата обращения: 03.10.2018).
12. Исупова О. Г. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорства яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 3. С. 381–393. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3370> (дата обращения: 03.10.2018).
13. Ткач О. А. «Наполовину родные»? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях //

Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 1. С. 49–68. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3447> (дата обращения: 03.10.2018).

14. Русанова Н. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики, 2013. Т. 11, № 1. С. 69–86. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3448> (дата обращения: 03.10.2018).

15. Исупова О. Г. Вспомогательные репродуктивные технологии: новые возможности // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 1. С. 35–64. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6987>

16. Богомяткова Е. С. Вспомогательные репродуктивные технологии в контексте социального неравенства // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6, № 4. С. 98–109. URL: <http://sst.nw.ru/ru/archive/snit201564/> (дата обращения: 03.10.2018).

Поступила 12.07.2018; принята к публикации 13.09.2018; опубликована онлайн 29.03.2019.

Об авторах:

Дадаева Татьяна Михайловна, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>, dadaeva13@mail.ru

Баранова Виктория Владимировна, бакалавр ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0860-0003>, vikylj-barano@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Дадаева Татьяна Михайловна – определение замысла статьи и методологии исследования; сбор и обработка информации; подготовка начального варианта текста; доработка текста.

Баранова Виктория Владимировна – сбор и обработка информации; визуализация и представление данных в тексте; компьютерные работы; критический анализ и доработка текста.

Для цитирования:

Дадаева Т. М., Баранова В. В. Вспомогательные репродуктивные технологии в репродуктивном поведении городской молодежи (опыт пилотажного исследования) // Регионология. 2019. Т. 27, № 1. С. 138–155. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.138-155>

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Styhre A., Arman R. Institutionalizing Assisted Reproductive Technologies: The Role of Science, Professionalism and Regulatory Control, Routledge Studies in

the Sociology of Health and Illness. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge; 2016. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315751795>

2. Becker G., Butler A., Nachtigall R.D. Resemblance Talk: A Challenge for Parents Whose Children Were Conceived with Donor Gametes in the US. *Social Science and Medicine*. 2005; 61(6):1300-1309. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.01.018>

3. Edwards J. Born and Bred: Idioms of Kinship and New Reproductive Technologies in England. Oxford: University Press; 2000. Available at: <https://global.oup.com/academic/product/born-and-bred-9780198233947?cc=ru&lang=en&#> (accessed 03.10.2018).

4. Grace V.M., Daniels K.R., Gillett W. The Donor, the Father, and the Imaginary Constitution of the Family: Parents' Constructions in the Case of Donor Insemination. *Social Science and Medicine*. 2008; 66(2):301-314. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2007.08.029>

5. Almeling R., Willey I. Saame Medicine, Different Reasons: Comparing Women's Bodily Experiences of Producing Eggs for Pregnancy or for Profit. *Social Science and Medicine*. 2017; 188:21-29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.06.027>

6. Kılıç A., Göçmen İ. Fate, Morals and Rational Calculations: Freezing Eggs for Non-medical Reasons in Turkey. *Social Science and Medicine*. 2018; Vol. 203:19-27. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2018.03.014>

7. Almeling R. Sex Cells: The Medical Market for Eggs and Sperm. Berkeley, University of California Press; 2011. Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.1525/j.ctt1pnt3x> (accessed 03.10.2018).

8. Almeling R. Selling Genes, Selling Gender: Egg Agencies, Sperm Banks, and the Medical Market in Genetic Material. *American Sociological Review*. 2007; 72(3):319-340. DOI: <https://doi.org/10.1177/000312240707200301>

9. Deech R. Reproductive Tourism in Europe: Infertility and Human Rights. *Global Governance*. 2003; 9(4):425-432. Available at: https://www.jstor.org/stable/27800494?seq=1#page_scan_tab_contents (accessed 03.10.2018).

10. Saravanan S. A Transnational Feminist View of Surrogacy Biomarkets in India. Singapore: Springer Verlag; 2018. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-10-6869-0>

11. Wahlberg A. Good Quality: The Routinization of Sperm Banking in China. University of California Press; 2018. Available at: <https://www.ucpress.edu/book/9780520297784/good-quality> (accessed 03.10.2018).

12. Isupova O.G. Births as a Value in the Internet Discourse of Subfertile Women Discussing Egg Donation and Surrogate Motherhood. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* = The Journal of Social Policy Studies. 2014; (3):381-393. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3370> (accessed 03.10.2018). (In Russ.)

13. Tkach O.A. "Half-Related"? Problematisation of Kinship and Family in Print Media Discussing Assisted Reproductive Technologies. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* = The Journal of Social Policy Studies. 2013; 11(1):49-68. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3447> (accessed 03.10.2018). (In Russ.)

14. Rusanova N. Assisted Reproductive Technologies in Russia: History, Problems, Demographic Prospects. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* = The Journal

of Social Policy Studies. 2013; 11(1):69-86. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3448> (accessed 03.10.2018). (In Russ.)

15. Isupova O.G. Assisted Reproductive Technologies: New Opportunities. *Demograficheskoe obozrenie* = Demographic Review. 2017; 4(1):35-64. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6987>

16. Bogomyagkova E.S. Assisted Reproductive Technologies in the Context of Social Inequality. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* = Sociology of Science and Technology. 2015; 6(4):98-109. Available at: <http://sst.nw.ru/ru/archive/snit201564/> (accessed 03.10.2018). (In Russ.)

Submitted 12.07.2018; accepted for publication 13.09.2018; published online 29.03.2019.

About the authors:

Tatiana M. Dadaeva, Professor, Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>, dadaeva13@mail.ru

Victoria V. Baranova, Undergraduate Student, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0860-0003>, vikylj-barano@yandex.ru

Contribution of the authors:

Tatiana M. Dadaeva – formulation of the basic concept of the research; data collection and analysis; preparation of the initial version of the text; revision of the text.

Victoria V. Baranova – data collection and analysis; visualization; computer modeling and presentation of data in the text; computer works; critical analysis and revision of the text.

For citation:

Dadaeva T.M., Baranova V.V. Assisted Reproductive Technology and the Reproductive Behavior of Urban Youth (Experience of a Pilot Study). *Regionologiya* = Regionology. 2019; 27(1):138-155. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.138-155>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 338.123.7:332.1:316.343

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.156-173

ISSN 2413-1407 (Online)

Качество социального капитала региона как фактор развития гражданского общества (на примере некоммерческого сектора)

О. Л. Панченко

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный
университет» (г. Казань, Россия),
kadri@bk.ru

Введение. В статье рассмотрен некоммерческий сектор как важный агент формирующегося гражданского общества в современной России. Он выступает значимым игроком социального пространства гражданского общества, поскольку базируется на активности самих граждан как акторов. Цель исследования – изучить влияние социального капитала на развитие гражданского общества в региональном разрезе.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования взяты практики предоставления социальных услуг населению социально ориентированными некоммерческими организациями. Использованы качественно-количественные методы: фокус-группа и массовый опрос получателей социальных услуг.

Результаты исследования. Выявлены признаки социального капитала в негосударственном секторе в сфере предоставления социальных услуг; главный признак – уровень доверия – выражен через намерения и действия граждан – получателей социальных услуг в отношении социально ориентированных некоммерческих организаций. На основе исследований определено, что в обществе на микроуровне существует доверие к деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций: получатели социальных услуг удовлетворены качеством их предоставления и готовы и дальше взаимодействовать с данными подразделениями.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование подтвердило авторскую гипотезу: качество социального капитала на данном этапе социальных отношений является сдерживающим фактором в институционализации практик некоммерческого сектора. Статья будет полезна целевым группам – некоммерческим организациям как агентам гражданского социума, государственным службам, оказывающим социальные услуги населению, а также всем исследователям, работающим в понятийном поле развития гражданского общества в региональном

© Панченко О. Л., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

аспекте. Перспективные направления исследований – пути повышения доверия к некоммерческому сектору как транслятору ценностей гражданского общества.

Ключевые слова: социальный капитал, регион, социологическое исследование, гражданское общество, доверие, солидарность, некоммерческая организация

Благодарности. Автор выражает благодарность некоммерческим организациям Республики Татарстан, оказавшим содействие и помощь в проведении исследования, а также Министерству труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан за финансовую и организационную поддержку исследования. Автор благодарит УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань) за организацию полевого этапа работ, ЧУ «Городской центр образования» (г. Казань) за предоставленные базы данных и ресурсы. Автор высоко ценит вклад кандидата социологических наук, доцента Э. М. Нуруллиной в разработку инструментария, сбор данных и помощь в обработке материалов исследования.

Quality of Social Capital of a Region as a Factor in the Development of Civil Society (the Case Study of the Non-Profit Sector)

O. L. Panchenko

Kazan (Volga) Federal University (Kazan, Russia),
kadri@bk.ru

Introduction. The article considers the non-profit sector as an important agent of the emerging civil society in modern Russia. It plays an important role in the social space of civil society, since it is based on the activity of the citizens being actors themselves. The purpose of the study is to scrutinize the impact of social capital on the development of civil society in the regional context.

Materials and Methods. The object of the research is the practices of providing social services to the population by socially oriented non-profit organizations. The study employed the following qualitative and quantitative methods: focus group and mass survey of social service recipients.

Results. The article has identified the features of social capital in the non-governmental sector in the field of providing social services; the main feature is “the level of trust”, expressed through the intentions and actions of citizens receiving social services in relation to socially oriented non-profit organizations. The research has revealed that there is confidence in the activities of socially oriented non-profit organizations at the micro level of the society: recipients of social services are satisfied with the quality of the services provided and are ready to continue to interact with such institutions.

Discussion and Conclusion. The study has confirmed the author's hypothesis: the quality of social capital at this stage of social relations is a deterrent to the institutionalization of the practices of the non-profit sector. The article will be useful for the target groups - non-profit organizations as agents of civil society, public services that provide social services to the population, as well as all researchers working in the conceptual field of civil society development in the regional dimension. The promising areas of further research are the ways and directions to increase confidence in the non-profit sector as a translator of the civil society values.

Keywords: social capital, region, sociological research, civil society, trust, solidarity, non-profit organization

Acknowledgments. The author is grateful to non-profit organizations in the Republic of Tatarstan who provided assistance in conducting the research, as well as to the Ministry of Labor, Employment and Social Protection of the Republic of Tatarstan for financial and organizational support for the research. The author is grateful to the TISBI University of Management (Kazan) for organizing the field work and to the City Center of Education (Kazan) for the databases and resources provided. The author greatly appreciates the contribution of the Ph. D. (Sociology), Associate Professor E. M. Nurullina to the development of tools, data collection and assistance in the processing of research materials.

Введение. Социальный капитал детерминирует развитие социального пространства и может свидетельствовать о степени развитости гражданского общества. Данный тезис нуждается в обосновании. С этой целью в рамках данной статьи изучается влияние социального капитала на развитие пространства гражданского общества сквозь призму некоммерческого сектора. Данный сектор выступает наиболее значимым игроком социального пространства гражданского общества, поскольку базируется на активности самих граждан как акторов.

Социальное пространство предполагает высокое субъектное взаимодействие, основанное на ресурсе доверия. Личность тем плодотворнее интегрируется в социум, чем более она открыта, если под плодотворностью понимать потенциальную возможность ее самореализации именно с точки зрения *субъекта деятельности*. Соответственно, социальное пространство создает определенные условия для реализации этой потенции, а социальный капитал выступает тем ресурсом, который в условиях становления и развития гражданского общества способствует эффективным коммуникациям.

Поскольку крайне сложно исследовать влияние социального капитала на развитие гражданского общества во всех его проявлениях и на всех уровнях, следует обратиться к одному из уровней. С этой целью в статье взят срез некоммерческого сектора. В определенной степени полученные данные могут свидетельствовать и о степени влияния социального капитала на развитие гражданского общества в широком масштабе, в связи с обозначенным выше контекстом.

Таким образом, целью настоящей статьи выступает раскрытие влияния качества социального капитала региона на развитие гражданского общества на примере некоммерческого сектора. Задачами статьи являются, во-первых, обоснование используемой методологии; во-вторых, поиск и обоснование эмпирических признаков (индикаторов), позволяющих фиксировать состояние проблемы; в-третьих, анализ результатов эмпирического исследования сквозь призму выделенных признаков (индикаторов).

Исследование проблемы направлено на подтверждение или опровержение гипотезы: качество социального капитала региона сегодня является сдерживающим фактором в развитии и институционализации практик взаимодействия в некоммерческом секторе как подсистеме гражданского общества. Исследование выстроено на региональных материалах Республики Татарстан.

Обзор литературы. Исследуемая проблема находится в рамках институциональной социологии, с одной стороны, поскольку речь идет об институционализации практик некоммерческого сектора; и в рамках микросоциологии – с другой, поскольку речь идет о социальных связях на микроуровне социального взаимодействия. Таким образом, исследуемая проблема находится на пересечении двух парадигм – в рамках макросоциологии и микросоциологии; объединяющей теорией может служить интеграционная теория структуризации Э. Гидденса¹ [1]. Кроме того, мы полагаем, что методологией изучения данной проблемы может выступать также теория рисков У. Бека [2]. Слабая институционализация практик в определенной подсистеме общества влечет за собой совокупность рисков различного формата, что вызывает новые отклонения в формировании социального института. Таким образом, указанные подходы выступают методологической основой исследования заявленной проблемы в полипарадигмальном социологическом поле.

Социальный капитал в современной науке исследуется в рамках социально-экономического подхода² [2–4]. В отечественной социологии тема развития социального капитала рассматривается П. М. Козыревым, М. А. Нугаевым, Е. Н. Дискиным и другими исследователями³ [5; 6]. Экономическая социология не исчерпывает всего богатого содержания понятия «качество социального капитала», поскольку последнее обладает ярко выраженным социальным эффектом в условиях становления и развития гражданского общества в России.

В открытом социальном пространстве социальные связи выстраиваются на доверии, единстве ценностей и норм, без какого-либо принуждения и насилия⁴. Несмотря на достаточно давнюю историю развития

¹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический проект, 2003.

² Патнем Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996.

³ Козырева П. М. Доверие и его ресурсы в современной России. М. : Ин-т социологии РАН, 2011; Нугаев М. А. Базовая модель качества социального потенциала региона. Казань : Казан. гос. энерг. ун-т, 2009; Дискин Е. Н. Культура: стратегия социально-экономического развития. М. : Экономика, 1990.

⁴ Социология социального пространства / пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперимент. социологии; СПб. : Алетейя, 2005. В 2-х т. Т. 1. С. 67–72; Baker W. Market networks and corporate behavior // American Journal of Sociology. 1990. No. 96. Pp. 613–639.

понятия «социальный капитал» (впервые использовано американской социальной философией в 1920-е гг.), сегодня фактически отсутствуют его четкие эмпирические признаки. Это, безусловно, ограничивает область применения данной категории в различных областях социологической науки. В результате теория социального капитала, можно сказать, оторвана от эмпирической реальности, обозначаемой данным понятием. В этой связи важным аспектом исследования проблемы является поиск валидных индикаторов, позволяющих фиксировать состояние влияния (позитивное/негативное) качества социального капитала на развитие и институционализацию социальных практик в некоммерческом секторе.

Исследования в области развития некоммерческого сектора имеют достаточно широкую картину в современном научном дискурсе. Проблемным аспектам развития социальных услуг в некоммерческих организациях и их качеству посвящены работы О. Б. Козленко [7], А. И. Андриенко [8], В. Ю. Кульковой [9], где авторами раскрывается сущность социально ориентированных некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг и обозначаются сложности их становления в данном качестве.

Вопросы развития некоммерческих организаций в институциональном поле, включая взаимоотношения некоммерческих организаций и государства, изучаются в работах Т. И. Зворыкиной [10], А. С. Дегтярева⁵, К. Г. Рштуни, М. С. Агафоновой [11], Е. А. Харитониной, А. В. Липиной⁶.

Региональные аспекты развития некоммерческих организаций в предоставлении социальных услуг населения раскрыты в работах М. В. Шибаевой [12], А. А. Малаевой [13], Л. П. Храпылиной и соавторов [14].

Непосредственно проблема социального капитала в изучении некоммерческих организаций поставлена в работах П. А. Трескина [15], В. И. Катаевой⁷, В. В. Шильковой [16].

Обозначенное поле исследований в данной области, несмотря на широту представленной литературы, не затрагивает собственно влияния некоммерческого сектора на развитие гражданского общества через призму социального капитала региона; не достаточно широко представлен региональный аспект изучения проблемы; само понятие социального капитала слабо операционализировано; не достаточно очевидно в ука-

⁵ Дегтярев А. С. Преимущества и недостатки НКО как поставщика социальных услуг в РФ // Исследования и разработки молодых ученых: наука и практика. Сб. материалов II междунар. молодежн. науч.-практ. конф. 2017. С. 35–39.

⁶ Харитонина Е. А., Липина А. В. Взаимодействие государства и некоммерческих организаций (НКО) при предоставлении услуг в социальной сфере // Материалы ежегодного форума молодых стратегов. 2016. Т. 2. С. 60–63.

⁷ Катаева В. И. Институт социально ориентированных НКО как элемент социального капитала в современной России // Материалы Ивановских чтений. 2018. № 2 (20). С. 44–53.

занных работах прослеживается взаимодействие теории и эмпирии. Это обозначает проблемный аспект исследования.

Материалы и методы. В процессе работы были использованы следующие методы:

1) теоретико-методологические: анализ нормативной базы, теоретико-методологический анализ; операционализация понятийного аппарата; разработка эмпирических признаков для оценки влияния качества социального капитала на развитие некоммерческого сектора;

2) эмпирические: использование качественных и количественных методов в оценке состояния качества социального капитала (в разрезе практик некоммерческого сектора). В исследовании применялись методы фокус-группы, массового опроса получателей соцуслуг (зондажный вариант исследования). Использование комплексной методики позволило обеспечить необходимую глубину проработки основных аспектов проблемы;

3) аналитические: деоперационализация эмпирических результатов исследования, факторный анализ, теоретизация и концептуализация результатов исследования в рамках выбранной методологической основы.

Исследование представляет собой региональный срез ситуации в сфере развития некоммерческого сектора на примере Республики Татарстан (далее – РТ). Оно проведено автором при поддержке УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань) и Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан на средства, выигранные в результате конкурса, объявленного Кабинетом министров РТ и при его финансовой поддержке.

Группы получателей соцуслуг в РТ – группы региональных получателей соцуслуг по критерию стандартных оказываемых социальных услуг (они же – целевые группы). На основе классификации соцуслуг, приведенной в Федеральном законе 442-ФЗ⁸, реестра НКО в РТ, получающих господдержку, был произведен первичный (предварительный) анализ предоставляемых соцуслуг социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) с целью их классификации. Данные для анализа предоставлены ресурсным центром ЧУ «Городской центр образования».

На основании проведенного предварительного анализа выделены несколько групп региональных получателей соцуслуг: 1) инвалиды, пожилые и одинокие люди; 2) семьи, находящиеся в социально опасном положении, в том числе малоимущие и многодетные семьи; 3) женщины, матери-одиночки и неполные семьи; 4) дети и молодежь, в том числе дезадаптированные дети и подростки; 5) наркозависимые, больные алкоголизмом и психическими заболеваниями; 6) преступники и люди с отклоняющимся

⁸ Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 12.12.2017).

поведением; 7) бездомные, мигранты и беженцы, а также пострадавшие в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов; 8) получатели социальных услуг в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства; 9) военнослужащие.

Период исследования – октябрь – ноябрь 2016 г.

Объем генеральной совокупности как основа выборки неизвестен. Данные, отражающие объем получаемых социальных услуг от СОНКО в РТ в разрезе указанных групп получателей, отсутствуют, равно как отсутствует и статистика, отражающая общее количество получателей соцуслуг от СОНКО в РТ. В этом случае единственный тип возможной выборки – метод доступной выборки, где объектами наблюдения выступают единицы генеральной совокупности, обладающие необходимыми признаками и доступные для наблюдения. Работа представляла собой зондажное исследование, следовательно, требований к соблюдению минимально необходимого объема выборки, обеспечивающего репрезентативность, не предъявлялось. Применялся метод доступной выборки с использованием рекомендаций. Для обеспечения разностороннего анализа случаев в выборочную совокупность в качестве респондентов попали представители всех девяти указанных целевых групп исследования. Всего опрошено 138 получателей соцуслуг СОНКО разных категорий.

Результаты исследования. Технология исследования качества социального капитала в формировании институционального порядка на примере некоммерческого сектора предполагает поиск эмпирических индикаторов. Среди таких индикаторов выделим следующие:

- уровень доверия между акторами социального пространства;
- теснота социальных связей в развитии некоммерческого сектора и граждан (уровень солидарности).

В данном исследовании были проанализированы потребности получателей соцуслуг – явные и скрытые. Данные потребности представляют собой потенциал для СОНКО по оказанию соцуслуг населению. Все потребности населения РТ в получении соцуслуг при помощи СОНКО могут быть классифицированы следующим образом:

- актуальные потребности получателей соцуслуг, которые удовлетворены СОНКО;
- актуальные потребности, которые не удовлетворены ввиду их неокказания (не достаточного оказания) СОНКО (в том числе ввиду отсутствия ресурсной основы для их оказания);
- скрытые потребности, которые не удовлетворены ввиду их неопознанны (незнание о проблеме);
- потребности, которые не удовлетворены из-за недоверия получателей соцуслуг к СОНКО.

Возможность (потенциал) интерпретируется как соотношение нескольких факторов:

- а) потенциал доверия получателей соцуслуг к СОНКО (доверие как ресурс);
- б) знаниевый ресурс: знание/незнание СОНКО об актуальных и потенциальных (скрытых) потребностях получателей соцуслуг;
- в) прочие ресурсы СОНКО: финансовые, правовые, кадровые, организационно-методические, инновационные, иные.

Данное исследование сфокусировано на двух группах ресурсов – доверие как ресурс, знание как ресурс (группы а, б), через призму мнений получателей соцуслуг СОНКО в РТ.

Доверие получателей соцуслуг выступает ключевым вопросом в данном анализе. Потенциал доверия интерпретируется как уровень доверия (актуальный, эмпирически фиксируемый) плюс готовность доверять при наличии определенных (объективных, субъективных) условий. Эмпирически фиксируются следующие признаки наличия/отсутствия доверия:

- уровень доверия получателей соцуслуг к СОНКО: (условно: высокий/приемлемый/низкий);
- в случае низкого уровня доверия: причины недоверия;
- при каких условиях получатели готовы полностью доверять СОНКО в получении соцуслуг;
- выбор получателей соцуслуг между государственной организацией, предоставляющей соцслужбу, и СОНКО, оказывающей соцслужбу;
- готовность рекомендовать организацию (СОНКО) друзьям, родственникам, знакомым.

Эмпирически фиксируются следующие признаки наличия/отсутствия солидарности (теснота связей):

- знание (информированность) СОНКО о потребностях получателей соцуслуг (актуальных и потенциальных (скрытых)): мнение получателей соцуслуг;
- причины неокказания (непредоставления) определенного вида соцуслуг СОНКО их получателям: мнение получателей соцуслуг.

Рассмотрим выделенные признаки в преломлении данных эмпирии. Первый признак – уровень доверия – выражен через намерения и действия граждан-получателей соцуслуг в отношении СОНКО. Говоря о конкретных видах социальных услуг, за которыми респонденты обратились к НКО, можно отметить, что на первых позициях находятся услуги по оказанию психологической помощи и моральной поддержки (30 %), а также материальной помощи (19 %). В группу моральной поддержки с определенной степенью условности могут быть отнесены и социальная поддержка, общение (17 %). Таким образом, в общей сложности за психологической и моральной поддержкой к НКО обратилась почти половина опрошенных.

Распространенным видом соцуслуг также выступают помощь в лечении и приобретении медикаментов. За помощью коррекционного педагога обратилась десятая часть получателей соцуслуг СОНКО, столько же – за помощью в творческой самореализации. По остальным видам услуг ответы статистически менее значимы.

Подавляющее большинство получателей соцуслуг (71 %) хотя бы однажды сталкивались с ситуацией, когда им необходима была социальная помощь, поддержка и они не знали, где и как ее можно получить. Большинство опрошенных подтвердили, что основным фактором, препятствующим их обращению к НКО за получением соцуслуг, является фактор незнания, но отнюдь не недоверие (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Оценка респондентами препятствующих обстоятельств при обращении к НКО, %

Table 1. Respondents' assessment of obstacles when turning to NPOs, %

Варианты ответов / Answer options	Доля ответивших* / Response rate
Незнание, куда именно обратиться / Lack of knowledge where exactly to turn	24
Отсутствие информации об условиях оказания данных услуг НКО / Lack of information about the conditions for the provision of these services by NPOs	24
Неуверенность, что НКО окажет данную услугу лучше, чем государственная социальная служба / Lack of confidence that an NPO will provide this service better than the state social service	13
НКО данную услугу не оказывает / NPOs do not provide this service	13
Неумение обращения в НКО, незнание своих прав / Lack of skill to turn to NPO, lack of knowledge of one's rights	11
Недоверие к НКО / Lack of confidence in NPOs	2
Иное / Other	3
Таких условий и обстоятельств нет (ничто не препятствует) / There are no such conditions and circumstances (no obstacle)	26
Затрудняюсь ответить / нет ответа / Not sure / no answer	–
Все опрошенные / All respondents	100

* Сумма ответов по столбцу может составлять более 100 %, так как предусмотрена возможность выбора нескольких вариантов ответа / The total number of answers in the column can exceed 100%, since it is possible to select several answer options.

Результаты исследования показали, что чуть более половины (57 %) получателей соцуслуг (в опрошенном массиве) обращались к НКО в случае, если необходимая им помощь или поддержка по каким-то причинам не были оказаны государственными социальными службами; 38 % не обращались к НКО, но это не было вызвано недоверием. Более других обращались в НКО в случае, если необходимая помощь или поддержка по каким-то причинам им не была оказана государственными социальными службами: 70 % семей в социально опасном положении, 88 % нарко- и алкоголезависимых, 100 % бездомных, мигрантов и беженцев, 100 % военнослужащих.

В процессе взаимодействия с НКО у респондентов фактически не возникло сложностей: отмеченные трудности касаются времени («мало времени у НКО» – 2 %), «не в состоянии оказать некоторую помощь» (3 %), «сложности с документацией, помещением» (5 %), «стесняюсь обратиться» (менее 1 %). Отдельно отмечена «проблема с помещением для НКО». Таким образом, указанные сложности касаются организационных моментов, а собственно процесса взаимодействия – только около 4 %.

Функционирование фактора доверия проявляется также в каналах получения информации о деятельности СОНКО. По результатам исследования, о данных организациях получатели соцуслуг узнали в основном через личные каналы связи (по рекомендации друзей, знакомых) – 33 %, интерактивные социальные сети (25 %), Интернет (31 %), вели самостоятельный поиск информации (25 %), а также по рекомендации представителей государственных служб (21 %) или через социальное сообщество (11 %). Как видно из представленных данных, наиболее приоритетными каналами связи между получателями соцуслуг и НКО служат социальные сообщества – как реальные, так и виртуальные, реализованные в социальных интернет-сетях, а также сайты.

Другим признаком функционирования социального капитала и оценки его качества служит солидарность как теснота социальных связей. В данном аспекте целесообразно выявить, насколько совпадают установки и ценности различных групп в процессе получения соцуслуг. В данном случае нас интересуют группа получателей соцуслуг и группа представителей СОНКО, предоставляющих данные услуги. В таблице 2 отражена рефлексия респондентами собственных проблем.

Интересно, что более половины получателей соцуслуг полагают, что в обществе и среди представителей НКО ничего не известно об их нуждах в получении определенных соцуслуг, которые сегодня не оказываются никакими социальными службами (так полагают 58 % опрошенных). Данный факт свидетельствует не столько о том, что заявленные услуги действительно не оказываются социальными службами и о том, что в обществе не известно о таких нуждах, сколько о том,

Таблица 2. Мнение респондентов об осведомленности общества о нуждах получателей соцслужб, %**Table 2. Respondents' opinion on public awareness of the needs of recipients of social services, %**

Варианты ответов / Answer options	Доля ответивших / Response rate
Известно / Aware	28
Не известно / Not aware	58
Затрудняюсь ответить / нет ответа / Not sure / no answer	14
Все опрошенные / All respondents	100

что в обществе нарушена солидарность между потребителями соцслужб и их поставщиками. Это также свидетельствует и о некоторой апатии получателей соцслужб, их разочаровании, об определенной степени негативного социального восприятия. В большей степени таким настроениям подвержены женщины (в опрошенном массиве), а также такие категории получателей соцслужб, как инвалиды, пожилые и одинокие люди (считают, что обществу не известно об их проблемах, 66 % респондентов), нарко- и алкоголезависимые (68 %), бездомные, мигранты и беженцы (75 %), получатели соцслужб в области образования, науки и культуры (61 %).

Почти половина получателей соцслужб (в опрошенном массиве) считают, что информация о том, что НКО оказывают определенные социальные услуги, находится в свободном доступе (49 %). Почти треть (30 %) полагают, что информация о том, что НКО оказывают определенные социальные услуги, ограниченно доступна, а еще 12 % – вовсе не доступна. Таким образом, имеется резерв для расширения информационного поля в деятельности СОНКО, поскольку около половины получателей соцслужб отмечают ограниченность представленной информации в открытом доступе, а большинство опрошенных использовали личные каналы (социальные сообщества, рекомендации друзей) в процессе обращения к НКО за получением соцслужб.

Из таблицы 3 видно, что самым распространенным мотивом обращения к НКО со стороны получателей соцслужб является взаимопомощь. Так, более половины респондентов отметили, что больше всего в процессе взаимодействия с НКО их привлекает «общение с такими же, как я» (57 %), а также тот фактор, что НКО «мобилизуют и помогают задействовать мои личные ресурсы для преодоления трудной жизненной ситуации» (37 %). Этот факт означает, что подавляющая доля получателей соцслужб НКО нацелена на активизацию собственных ресурсов

в преодолении трудной жизненной ситуации, не проявляя при этом высоких иждивенческих ожиданий. По сути, это позволяет ограничить и целевой сегмент НКО, оказывающих соцслужбы: преимущественно это те социальные категории, которые хотели бы получить помощь и поддержку в преодолении трудной жизненной ситуации через взаимодействие с такими же нуждающимися.

Таблица 3. Мнение получателей соцслужб о процессе взаимодействия с НКО, %**Table 3. Opinion of recipients of social services about the process of interaction with NPOs, %**

Варианты ответов / Answer options	Доля ответивших* / Response rate
Оказывают финансовую и/или материальную помощь / Provide financial and / or material assistance	23
Оказывают правовую помощь / Provide legal assistance	22
Оказывают другие виды помощи / Provide other types of assistance	38
Общение с людьми, оказавшимися в схожей жизненной ситуации / Communication with people who find themselves in a similar situation	57
Мобилизуют и помогают задействовать мои личные ресурсы для преодоления трудной жизненной ситуации / Mobilize and help use my personal resources to overcome difficult circumstances	37
Все опрошенные / All respondents	100

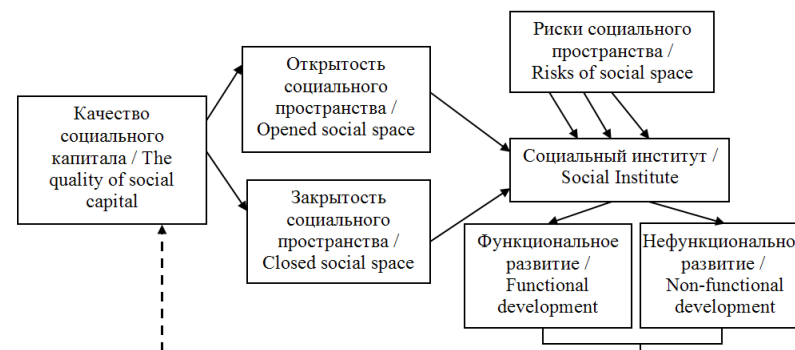
* Сумма ответов по столбцу может составлять более 100 %, так как предусмотрена возможность выбора нескольких вариантов ответа / The total number of answers in the column can exceed 100%, since it is possible to select several answer options.

Причинами активной деятельности в НКО для тех, кто является не просто получателем соцслужб, а волонтером в подобной организации, явились трудная жизненная ситуация (28 %) и болезненные переживания за судьбу определенной социальной группы и желание помочь решить их проблемы (11 %). Кроме того, 12 % опрошенных указали, что становление их как волонтеров «произошло случайно, волею обстоятельств».

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование подтвердило авторскую гипотезу, поставленную в начале статьи. Формирующиеся институциональные связи на уровне «потребитель соцуслуг – некоммерческий сектор как поставщик соцуслуг» характеризуются начальным (базовым) уровнем, поскольку в данном поле некоммерческого сектора не сложилось пока еще устойчивых отношений, хотя все предпосылки к ним имеются. Социальные связи, складывающиеся в процессе взаимодействия потребителей соцуслуг и некоммерческого сектора (в лице СОНКО) характеризуются хаотичностью и несформированностью. Это наглядно проявляется в несовпадении «понятийного поля» той и другой группы агентов, преимущественной закрытости каналов информации, транслирующего знание об НКО к получателям соцуслуг.

Анализ выделенных индикаторов качества социального капитала – уровня доверия и солидарности как тесноты социальных связей – позволили выявить их неоднозначное влияние на процесс институционализации практик некоммерческого сектора. С одной стороны, в обществе на микроуровне существует доверие к деятельности СОНКО, – получатели соцуслуг удовлетворены качеством их предоставления и готовы и дальше взаимодействовать с СОНКО в данном поле. В то же время лишь около половины получателей соцуслуг обращались к СОНКО, остальные по различным причинам получают соцуслуги только в государственных учреждениях. В процессе получения соцуслуг СОНКО у опрошенных не возникало сложностей, что свидетельствует о доверительных взаимоотношениях. В то же время положительный вектор таких взаимоотношений нивелирует фактор несовпадения понятийных полей, что наглядно проявилось в негативной рефлексии респондентами собственных проблем («в обществе не знают о моих проблемах»). Противоречивость влияния качества социального капитала на процесс институционализации практик некоммерческого сектора сказывается и в другом: с одной стороны, получатели соцуслуг прибегают к помощи СОНКО в значительной степени исходя из мотива взаимопомощи, что свидетельствует о тесноте социальных связей и высокой солидарности; с другой стороны, данный фактор функционирует пока ограниченно, в том числе ввиду низкой информированности (незнания) среди получателей соцуслуг.

Проведенный анализ показал проблематичность процесса институционализации практик некоммерческого сектора ввиду не достаточно высокого качества социального капитала (рисунок). Очевидно, что этот процесс выводит нас на понимание важности качества социального капитала для институционализации любых инновативных социальных практик и на необходимость исследования данного фактора перед стартом новых программ развития общества и его отдельных сфер, подсистем.

Р и с у н о к. Теоретическая модель влияния качества социального капитала на институциональное развитие социального пространства

F i g u r e. Theoretical model of the influence of the quality of social capital on the institutional development of social space

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов в программах социального развития региона для совершенствования способов взаимодействия некоммерческого сектора с населением. Перспективными направлениями исследований в данном ключе могут служить исследования путей повышения доверия к некоммерческому сектору как транслятору ценностей гражданского общества и фактору развития социального капитала. Важно определить и другой актуальный признак развития социального капитала – уровень солидарности некоммерческих организаций в поле предоставления социальных услуг населению региона.

Среди других направлений исследования может быть интересен кросс-культурный срез проблемы в разрезе регионов Российской Федерации и среди представителей различных культур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гидденс Э. Последствия современности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2010. № 6 (100). С. 169–181. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20183359> (дата обращения: 23.12.2018).
2. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. URL: <https://www.amazon.com/World-at-Risk-Ulrich-Beck/dp/0745642012> (дата обращения: 23.12.2018).
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/217/076/1232/011kOULMAN.pdf> (дата обращения: 03.08.2018).

4. Ларионова Н. И. Экономический подход к социальному капиталу // Экономика образования. 2014. № 4. С. 73–78. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23069789> (дата обращения: 16.12.2018).

5. Столбов В. П. К вопросу о социальном капитале в городской среде // Известия высших учебных заведений. Сер.: Экономика, финансы и управление. 2016. № 4 (30). С. 71–76. URL: http://eco-fin.ru/j_ArticlesArchive.php?aidN=30 (дата обращения: 17.12.2018).

6. Руденко К. А., Федотова Е. И. Социальный капитал и его разновидности // Вестник института экономики и управления Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2016. № 2 (21). С. 60–65. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27421745> (дата обращения: 19.12.2018).

7. Козленко О. Б. Управление качеством предоставления социальных услуг в государственных и некоммерческих организациях // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2008. № 2. С. 19–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11135583> (дата обращения: 16.08.2018).

8. Андриенко А. И. Обеспечение доступа некоммерческих организаций к предоставлению услуг в социальной сфере: некоторые вопросы правового регулирования // Вестник Сургутского государственного университета. 2017. № 1 (15). С. 70–74. URL: <http://www.surgu.ru/nauka/nauchnye-izdaniya-surgu1/vestnik-surgutskogo-gosudarstvennogo-universiteta/arhiv> (дата обращения: 26.10.2018).

9. Кулькова В. Ю. Предоставление социальных услуг населению социально ориентированными некоммерческими организациями в России // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 4. С. 136–142. DOI: <https://doi.org/10.12737/21328>

10. Зворыкина Т. И. Перспективы и проблемы развития социально ориентированных некоммерческих организаций в сфере социального обслуживания // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 5 (124). С. 73–81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32336567> (дата обращения: 16.08.2018).

11. Рштуни К. Г., Агафонова М. С. Проблемы взаимодействия государства и некоммерческих организаций // Научное обозрение. Экономические науки. 2016. № 2. С. 177–181. URL: <https://science-economy.ru/ru/article/view?id=806> (дата обращения: 04.09.2018).

12. Шибаева М. В. Целеполагание в сфере предоставления социальных услуг и его влияние на развитие сектора негосударственных некоммерческих организаций региона // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. 2014. № 2. С. 78–85. URL: <http://vestnik.astu.org/Pages/Show/131> (дата обращения: 20.08.2018).

13. Малаева А. А. Место негосударственных некоммерческих организаций в сфере предоставления социальных услуг // European Social Science Journal. 2013. № 7 (35). С. 636–643. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20363302> (дата обращения: 12.09.2018).

14. Перспективы вовлечения негосударственных организаций в предоставление социальных услуг населению / Л. П. Храпылина [и др.] // Вестник Всероссий-

ского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. 2016. № 1. С. 6–9. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27294781> (дата обращения: 09.10.2018).

15. Трескин П. А. Общественные организации как социальный капитал региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 263–277. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/64_2017treskin.htm (дата обращения: 05.10.2018).

16. Шилькова В. В. Оценка институционализации некоммерческого сектора в целевом формате социального капитала // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. 2016. № 7. С. 210–215. URL: http://vestnik_rus.bstu.ru/arhiv (дата обращения: 16.10.2018).

Поступила 15.11.2018; принята к публикации 17.12.2018; опубликована онлайн 29.03.2019.

Об авторе:

Панченко Ольга Львовна, доцент кафедры всемирного культурного наследия ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4694-1298>, kadri@bk.ru

Для цитирования:

Панченко О. Л. Качество социального капитала региона как фактор развития гражданского общества (на примере некоммерческого сектора) // Регионология. 2019. Т. 27, № 1. С. 156–173. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.156-173>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

- Giddens A. The Consequences of Modernity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* = The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2010; (6):169–181. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20183359> (accessed 23.12.2018). (In Russ.)
- Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press.; 2010. Available at: <https://www.amazon.com/World-at-Risk-Ulrich-Beck/dp/0745642012> (accessed 23.12.2018).
- Coleman G. [Social and human capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = Social Sciences and Contemporary World. 2001; (3):122–139. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/217/076/1232/011kOULMAN.pdf> (accessed 03.08.2018). (In Russ.)
- Larionova N.I. Economic Approach to Social Capital. *Ehkonomika obrazovaniya* = Education Economics. 2014; (4):73–78. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23069789> (accessed 16.12.2018). (In Russ.)

5. Stolbov V.P. To the Question on the Social Capital in the City Environment. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Seriya: Ehkonomika, finansy i upravlenie* = News of Higher Educational Institutions. Series: Economy, Finance And Production Management. 2016; (4):71-76. Available at: http://eco-fin.ru/j_ArticlesArchive.php?aidN=30 (accessed 17.12.2018). (In Russ.)

6. Rudenko K.A., Fedotova E.I. Social Capital and its Variety. *Vestnik instituta ehkonomiki i upravleniya Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* = Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University. 2016; (2):60-65. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27421745> (accessed 19.12.2018). (In Russ.)

7. Kozlenko O.B. Social Services Quality Management at State and Noncommercial Organization. *Problemy standartizatsii v zdravookhraneni* = Problems of Standardization in Health Care. 2008; (2):19-22. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11135583> (accessed 16.08.2018). (In Russ.)

8. Andrienko A.I. Access Provision of Non-Profit Organizations to Social Services: Some Issues of Legal Regulation. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta* = Surgut State University Journal. 2017; (1):70-74. Available at: <http://www.surgu.ru/nauka/nauchnye-izdaniya-surgu1/vestnik-surgutskogo-gosudarstvennogo-universiteta/arhiv> (accessed 26.10.2018). (In Russ.)

9. Kulkova V.Yu. Provision of Social Services to the Population by Socially Oriented Non-Profit Organizations in Russia. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* = Central Russian Journal of Social Sciences. 2016; 11(4):136-142. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.12737/21328>

10. Zvorykina T.I. Prospects and Problems of Development of Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Social Services Sphere. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya* = Social Policy and Sociology. 2017; 16(5):73-81. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32336567> (accessed 16.08.2018). (In Russ.)

11. Rshtuni K.G., Agafonova M.S. Problems of Interaction Between State and Non-Profit Organizations. *Nauchnoe obozrenie. Ehkonomicheskie nauki* = Scientific Review. Economics. 2016; (2):177-181. Available at: <https://science-economy.ru/ru/article/view?id=806> (accessed 4.09.2018). (In Russ.)

12. Shibaeva M.V. Goal-Setting in the Field of Social Services and its Impact on the Development of Non-Profit Organizations in the Region. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ehkonomika* = Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2014; (2):78-85. Available at: <http://vestnik.astu.org/Pages/Show/131> (accessed 20.08.2018). (In Russ.)

13. Malaeva A.A. Non-Governmental Non-Profit Organizations in Providing Social Services. *European Social Science Journal*. 2013; 7:636-643. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20363302> (accessed 12.09.2018). (In Russ.)

14. Khrapylina L.P., Kosenko O.Yu., Vinokurov A.S., Storozhenko D.V., Chandirli S.A. Prospects for involvement of nongovernmental organizations in the provision of social services to the population. *Vestnik Vserossijskogo obshchestva specialistov po mediko-socialnoj ehkspertize, reabilitacii i reabilitacionnoj industrii* = Bulletin

of the All-Russian Society of Medical and Social Expertise, Rehabilitation and Rehabilitation Industry Specialists. 2016; (1):6-9. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27294781> (accessed 9.10.2018). (In Russ.)

15. Treskin P.A. Public Organizations as the Social Capital of the Region. *Gosudarstvennoe upravlenie. Ehlektronnyj vestnik* = E-journal. Public Administration. 2017; (64):263-277. Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/64_2017treskin.htm (accessed 05.10.2018). (In Russ.)

16. Shilkova V.V. [Evaluation of Institutionalization of the Non-Profit Sector in the Targeted Format of Social Capital]. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V. G. Shukhova* = Bulletin of Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov. 2016; (7):210-215. Available at: http://vestnik_rus.bstu.ru/arhiv (accessed 16.10.2018). (In Russ.)

Submitted 15.11.2018; accepted for publication 17.12.2018; published online 29.03.2019.

About the author:

Olga L. Panchenko, Associate Professor, Department of the World Cultural Heritage, Kazan (Volga) Federal University (18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4694-1298>, kadri@bk.ru

For citation:

Panchenko O.L. Quality of Social Capital of a Region as a Factor in the Development of Civil Society (the Case Study of the Non-Profit Sector). *Regionologiya* = Regionology. 2019; 27(1):156-173. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.156-173>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Проблемы реализации этнокультурных туристических программ в селах Удмуртской Республики по оценке экспертов

Т. А. Власова

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия),
tavlasova@yandex.ru

Введение. В последние годы формы финансирования и государственной поддержки села постепенно трансформируются благодаря механизмам проектного управления. Актуальность исследования обусловлена формированием установки региональной и муниципальной власти на использование внутреннего туризма в качестве источника привлечения средств для социально-экономического развития. Цель статьи – выявление региональных факторов эффективной реализации туристических программ в контексте согласования интересов учреждений культуры и органов власти.

Материалы и методы. Исследование базируется на материалах полуструктурированных интервью с сотрудниками министерств Удмуртской Республики и руководителями ведущих музеев Ижевска.

Результаты исследования. Установлено, что система организации деятельности в сельских учреждениях культуры создает трудности для продуктивного разделения обязанностей и эффективного финансирования культурных и туристических проектов. Выявлена необходимость усовершенствования механизма взаимодействия между домами культуры и местными органами управления. В условиях, когда учреждения культуры испытывают дефицит финансирования, реализация культурного проекта зависит от поддержки органов местного управления. Исследование показало, что главы районов и муниципальных образований не всегда имеют достаточное количество бюджетных средств, но могут обеспечить помощь бизнеса. В этой связи большое значение имеет координация деятельности сельских учреждений культуры и туристических фирм.

Обсуждение и заключение. Для успешного развития внутрирегионального туризма необходимо выполнение двух факторов: объектом государственного регулирования должны стать проблемы туристической инфраструктуры; следует усовершенствовать региональное законодательство, чтобы согласовать интересы стейкхолдеров в сфере культуры и туризма. Результаты исследования имеют практическое значение и могут использоваться как главами сельских поселений и директорами домов культуры для обоснования задач, ориентированных на развитие конкретных сел, так и представителями региональных министерств и ведомств для принятия управленческих решений в регионе.

© Власова Т. А., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: этнокультурный проект, туризм, региональная политика, развитие села, социология культуры, туристическая инфраструктура

Благодарности. Статья выполнена в рамках исследовательского проекта «Роль этнокультурных проектов в развитии сельских поселений в Удмуртской Республике», поддержанного грантом РФФИ (17-13-18002).

Problems Associated with Implementation of Ethno-Cultural Tourism Programs in Rural Areas of the Udmurt Republic according to Expert Evaluation

T. A. Vlasova

Udmurt State University (Izhevsk, Russia),
tavlasova@yandex.ru

Introduction. In recent years, forms of funding and state support of rural settlements have been gradually transformed due to the mechanisms of project management. The study is of relevance due to the emerging commitment of regional and municipal authorities to use domestic tourism as a source of raising funds for socio-economic development. The purpose of the article is to reveal regional factors in the effective implementation of tourism programs in the context of coordinating the interests of cultural institutions and authorities.

Materials and Methods. The study was based on semi-structured interviews with officers of the ministries of the Udmurt Republic and directors of major museums in the city of Izhevsk.

Results. It has been established that the system of organization of activities in rural cultural institutions impedes productive segregation of duties and effective funding of cultural and tourist projects. The need to improve the mechanism of interaction between culture centers and local authorities has been revealed. In the situation when cultural institutions are experiencing a shortage of funding, implementation of a cultural project depends on the support from local governments. The study has shown that the heads of districts and municipalities do not always have sufficient budget funds, but can arrange for assistance from business entities. In this regard, coordination of the activities of rural cultural institutions and travel companies is of great importance.

Discussion and Conclusion. Combination of two factors is necessary for the successful development of intraregional tourism: the problems of tourism infrastructure should be the object of governmental regulation; regional legislation should be improved to harmonize the interests of stakeholders in the fields of culture and tourism. The results of the study are of practical importance and can be used both by heads of rural settlement, directors of culture centers to substantiate tasks focused on the development of specific villages, and by representatives of regional ministries and departments for managerial decision-making in the region.

Keywords: ethno-cultural project, tourism, regional policy, rural development, sociology of culture, touristic infrastructure

Acknowledgments. The article was done as part of the research project “The Role of Ethno-Cultural Projects in the Development of Rural Settlements in the Udmurt Republic”, supported with a grant from the Russian Foundation for Basic Research (17-13-18002).

Введение. Туристические программы в регионах России рассматриваются как один из экономических ресурсов, который может стимулировать приток инвестиций. Экономический потенциал культурных проектов широко обсуждается в академической литературе и в практической плоскости социально-экономических изменений в регионе. Степень развития туристической сферы неравномерна: в каждом регионе России имеются сильные и слабые стороны, влияющие на его туристический имидж. В качестве примера в настоящей статье описывается Удмуртская Республика. Функционирование туристической отрасли в регионе связано с социально-экономическими условиями, историко-культурными особенностями, а также установками локальной культурной политики. Цель настоящего исследования состояла в выявлении потенциала сельских этнокультурных проектов для развития сельских поселений и туристической инфраструктуры региона.

Региональная культурная политика воплощается в различных формах дискурса. Особый интерес состоит в том, что элементы официального дискурса о туристических практиках существуют преимущественно вне публичного пространства. Дискурс воспроизводится в замкнутой среде, хотя и становится идеологической рамкой принятия решений в сфере культуры. Настоящее исследование опиралось на материалы серии интервью (n = 34) с сотрудниками министерств и учреждений культуры, проведенных в Ижевске в период с февраля по июнь 2018 г. В нарративах руководителей республиканских учреждений культуры и сотрудников министерств были представлены перспективы развития внутреннего туризма в регионе.

Обзор литературы. В последние годы на смену установке, разделяющей экономическую, социальную и культурную сферы, приходит понимание социокультурных феноменов как своего рода активов или ресурсов для развития. Культурные проекты привлекают финансирование, бюджетную поддержку, инвестиции. В концепции Д. Тросби последовательно проводится аналогия между ценностью знания в современном информационном обществе и культурными ценностями. Любой объект культурного наследия, по мнению ученого, приносит выгоду той местности, где он расположен, и людям, которые живут в этой местности¹. В тех случаях, когда в регионе нет объектов всемирного наследия, туристическая привлекательность места может быть создана благодаря интенсификации культурной инаковости². Культурный ландшафт, населяемый этническими группами, отличающимися от доминирующего населения – это ресурс, который может использоваться в регионах

¹ Тросби Д. Экономика и культура. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013. С. 61.

² Макканелл Д. Турист. Новая теория праздного класса. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 85.

Российской Федерации. Согласно теории Дж. Урри, в отличие от стран Европы с интенсивным, высокоавтомобильным потоком перемещающегося населения³, в России требуются дополнительные усилия, чтобы развивать практики туристических поездок по стране, способствующих оживлению экономики. Социологические исследования Г. Юдина в малых городах Центральной России показывают, что в условиях стабильного туристического потока действительно создаются возможности для успешного экономического развития [1]. Обязательным фактором в этом случае является формирование устойчивой локальной идентичности в местном сообществе⁴.

В современной социологической литературе широко обсуждается проблема развития внегородских пространств. С. Нил ставит под вопрос линейность процессов модернизации на примере трансформации сельского образа жизни в городской [2]. В разных странах наблюдается двунаправленный процесс: отток работающего населения в город и возвращение некоторых категорий населения в сельскую местность. При этом горожане приносят с собой элементы собственного стиля жизни [3; 4]. Процессы, сходные с ситуацией в регионах России в последние годы, происходили в некоторых странах Европы 30–40 лет назад. Финский социолог Л. Гранберг, сравнивая положение села в Финляндии и в России, замечает, что недостаток бюджетных средств в сельских поселениях – давняя проблема. Часто именно с ней связывают пассивность населения [5; 6]. Это утверждение не является бесспорным. Люди демонстрируют разную степень активности. Она зависит от региональных различий, от многих социальных факторов, от возраста и других критериев. Часто фиксировалась ситуация, когда власть и бизнес взаимодействовали успешно. Трудности возникали тогда, когда органам власти или бизнесу приходилось сотрудничать с местным населением.

Специфические черты туристических практик характерны для сельской местности. Сельские проекты в регионах, где нет городов с населением свыше 1 млн чел. (например, в Удмуртии) обладают низкой инвестиционной привлекательностью. Поэтому большое значение приобретают механизмы административного управления. И. Освальд замечает, что исторически, в результате процессов коллективизации, все те вопросы, которые до революции находились под контролем семьи или общины, перешли в ведение местного административного аппарата. Те же процессы шли и в городе, но если горожане не подлежали тотальному

³ Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. С. 20–21.

⁴ Юдин Г. Б., Колошенко Ю. А. Стратегии производства туристического опыта в малом городе: локальное сообщество и символическое конструирование в г. Мышкин // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 5. С. 11.

контролю за счет «непрозрачности» образа жизни, то селяне не имели никаких способов быть автономными, они были тесно связаны с общиной. В условиях советского политического режима они не могли рассчитывать на участие в альтернативных формах образовательных и культурных практик⁵. Такой альтернативы не появилось и в современной деревне.

В настоящее время органы местного управления в регионах пытаются совместить две модели: современную практику туристически ориентированных проектов и традиционалистские установки сельского образа жизни, ориентирующего на образцы советского и досоветского развития. Публикации, посвященные обобщению результатов реализации туристических и культурных проектов с точки зрения развития регионов (например, разработки И. И. Горловой, О. И. Бычковой, Н. А. Костиной⁶, И. Н. Молчанова [7], И. В. Ковалевой, М. Н. Ульянова [8], В. М. Кисца, А. В. Вавиловой [9]), опираются на статистические данные. Они раскрывают перспективу экономического знания и теории управления регионами. Результаты статистических исследований в регионах показывают, что объем доходов от развития регионального туризма зависит от материального благосостояния населения. В условиях снижения уровня доходов населения сокращается число зарубежных туристических поездок и туров за пределы региона. Кроме того, потенциальные туристы учитывают нефинансовые риски [10]. Особенности развития туристической отрасли с точки зрения экономического потенциала и управленческих стратегий в Удмуртской Республике также часто анализируются в последнее десятилетие. В публикациях Л. В. Баталова, Г. В. Мерзляковой [11], В. П. Грахова, Ю. Г. Кисляковой, У. Ф. Симаковой [12], Т. В. Замостяновой, М. В. Кучинской, С. А. Рябой⁷ рассматриваются перспективы туристической отрасли в городах Удмуртии, в которых лучше развита инфраструктура. В более сложном положении находятся туристические объекты сельской местности. Согласно исследованию К. Н. Обухова, в сельском туризме наиболее явно проявляются проблемы транспортной доступности, ценообразования, содержания туристических программ [13].

В рамках настоящего исследования особое внимание уделялось вопросам содержания профессионального знания, разделяемого сотрудниками учреждений культуры и профильных министерств. Если в сфере

⁵ Освальд И. Новые методологические подходы к исследованию и пониманию села // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни. СПб.: Алетей, 2013. С. 9.

⁶ Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А. Разработка и реализация инвестиционных региональных этнокультурных проектов на базе объектов историко-культурного наследия // Наследие веков. 2013. № 4. С. 17–23.

⁷ Замостянова Т. В., Кучинская М. В., Рябая С. А. Событийный туризм как эффективный инструмент развития туризма в регионе Российской Федерации (на примере Удмуртской Республики) // Материалы V международной научно-практической конференции / под ред. Т. И. Рябовой. Брянск: Изд-во Брянск. ун-та, 2018. С. 374–378.

образования проблема скрытого учебного плана в учреждении широко обсуждается в работах Л. А. Окольской⁸, Е. Р. Ярской-Смирновой [14], А. А. Полонниковым [15], то имплицитная «повестка дня» в сфере культурного проектирования еще слабо рефлексирована. «Повестка дня» артикулируется в период совместной работы по организации проектной деятельности и проведении мероприятий (обучающие семинары, мастер-классы). И. Гринько, наблюдая взаимодействие участников этнолагеря «Диалог культур» в Калужской области в 2015 г., отметил недостаточный уровень информированности сотрудников учреждений культуры о культурном разнообразии регионов России. Слабая теоретическая подготовка способствует стереотипизации культуры этнических групп, преобладанию установок на привычный формат культурных мероприятий, таких как фестивали и концерты⁹. В отношении управленческой деятельности в сфере культурного проектирования участники этнолагеря демонстрировали слабое понимание механизма разделения полномочий между федеральными и региональными органами власти. Это, в свою очередь, объясняется несформированностью региональной политики на отдельных территориях. Публикации У. Бринккёра, М. Норгольма [16], Т. Б. Щепанской [17], посвященные дискурсивным формам профессионального знания, описывают содержание неформального знания. Кроме того, разнообразие направлений культурной политики в регионах требует фокусировки на локальных проблемах развития этнокультурного проектирования и внутреннего туризма.

Материалы и методы. Исследовательский проект был направлен на изучение социально-экономического потенциала локального туризма в сельской местности. Важной составляющей частью проекта выступало качественное социологическое исследование, в ходе которого проводилось несколько этапов полуструктурированных глубинных интервью. Для исследования были выбраны четыре сельских поселения: Быги (Шарканского района), Карамас-Пельга (Киясовского района), Бураново (Малопургинского района), Сеп (Игринского района). В 2017–2018 гг. было собрано 34 интервью, среди которых 12 интервью с директорами и работниками сельских учреждений культуры, 3 – с главами сельских поселений, 6 – с жителями сел, активно вовлеченными в организацию культурных мероприятий. Проводились интервью с директорами туристических фирм, предоставляющими услуги туроператоров по внутри-региональным маршрутам. Материалы этих интервью выступили интерпретативным ядром для экспертной оценки со стороны представителей органов государственного управления.

⁸ Окольская Л. А. Социализация с точки зрения социального конструктивизма и теорий социального воспроизводства // Вопросы воспитания. 2010. № 1 (2). С. 25–33.

⁹ Гринько И. Проблемные зоны российского этнокультурного менеджмента // Этнодиалог. 2016. № 1 (50). С. 134.

С февраля по июнь 2018 г. было проведено семь полуструктурированных интервью с руководителями учреждений культуры и сотрудниками министерств. В настоящей статье представлены итоги анализа экспертной оценки, на некоторые интервью с сотрудниками министерств представлены ссылки, но материалы других интервью также учитывались [18]. Отбор экспертов производился по методу «снежного кома». Ключевым фактором являлось их вовлечение в процесс культурного проектирования в Удмуртской Республике. Все эксперты принадлежат к поколению, чья профессиональная карьера началась в 1980–1990-е гг. В это время формировался интерес к уникальной истории края, тогда как установка на универсальную тематику советского периода отходила на второй план. Этническая культура удмуртов и других народов, проживающих в Удмуртской Республике, стала наиболее значительным элементом локальной идентичности, используемой в музейных экспозициях и в качестве туристических объектов. Информанты получили высшее гуманитарное образование в вузах Ижевска (история, филология), которое формировало представление о культуре края, о достопримечательностях и исторических событиях. Содержание этих разделяемых идей транслировалось как на потенциальных клиентов туристических фирм, так и внутри самого экспертного сообщества.

Использование этого метода, во-первых, позволило выявить сформировавшиеся нарративы, в которых представлены обычные приемы работы в сфере культуры. В нарративной форме приведены установки, определяющие содержание и формы культурных проектов, доминирующие идеи, осознаваемые проблемы. Во-вторых, метод интервью обеспечивал сбор фактической информации. Значительная часть данных о реализации этнокультурных проектов не зафиксирована статистикой. В материалах интервью оказались представлены данные о планировании, ходе и результатах отдельных культурных проектов. Также информанты могли рассказать об особенностях проектной деятельности в регионе, которые также остаются имплицитным знанием.

Главной проблемой формирования туристической отрасли региона стала рассогласованность деятельности учреждений культуры, разрабатывающих образовательные и развлекательные программы, туристических фирм, а также органов государственного и муниципального управления. Совместные мероприятия способствовали установлению сетей партнерства и координации. Результаты этого сотрудничества в настоящее время нуждаются в аналитическом обобщении.

Результаты исследования. Актуализация культурного наследия региона произошла только в 2000-х гг. Необходимо учитывать, что в советский период Удмуртия была закрытым регионом из-за преобладания на ее территории предприятий военно-промышленного комплекса

в субъекте. Замысел первых проектов был ориентирован скорее на деятельность учреждений культуры, чем на запросы туристов.

Позиция, которую высказывали эксперты, соотносится с положением дел в региональном законодательстве. В настоящее время в Удмуртской Республике не приняты ни региональный закон о туризме, ни концепция или стратегия развития туризма. Более подробный анализ законодательной базы описан в статьях Г. Х. Касимовой¹⁰. Реорганизация министерств и передача функций по организации туристической деятельности из одного ведомства в другое привели к тому, что Концепция развития культурно-познавательного туризма осталась на уровне проекта. В профильных министерствах с середины 2000-х гг. составляется реестр актуальных и потенциальных туристических маршрутов и собираются сведения об объеме туристического потока. Часть организационной работы по привлечению туристов и поддержке бизнес-проектов в области туризма была передана автономной организации «Корпорация развития Удмуртской Республики». Однако ее функции определены как привлечение инвестиций. Отсутствие стратегического планирования усложняет задачу разработки проекта системных действий по развитию туризма в регионе.

Для региональной власти, сельских администраций и для органов управления в сфере культуры остаются важными функции, связанные с проведением мероприятий (для домов культуры) и комплектованием фондов и экспозиций (для музеев), так как эти виды деятельности являются отчетными и информация о них предоставляется в вышестоящие инстанции. Изменение установок федеральной и региональной власти по отношению к проектной деятельности привело к активизации учреждений культуры: они стали чаще подавать заявки в грантовые фонды. Дефицит финансовых и материальных ресурсов испытывают и городские, и сельские учреждения культуры. Однако сельские дома культуры часто не имеют доступа к методическим и информационным источникам. В этих условиях музеи и специальные отделы министерств стали консультационными центрами, прежде всего для сельских домов культуры. Последние в современных организационных условиях, когда перед сельскими учреждениями была поставлена задача привлекать больше внебюджетных средств за счет туризма и проектной деятельности, стали нуждаться в консультировании еще больше. Более крупные культурные учреждения, также как отдельные специалисты в органах

¹⁰ Касимова Г. Х. Отражение модели внутреннего туризма Удмуртской Республики в нормативно-правовой базе в контексте развития села // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы III науч.-практ. конф. г. Казань, 6–7 сентября 2018 г. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 490–493.

управления, взяли на себя функции координации в сфере культурного проектирования. Так, в музеях были организованы курсы повышения квалификации и мастер-классы для сотрудников учреждений культуры.

На настоящем этапе изучения ставилась задача установить, как характеризуется деятельность учреждений культуры с позиции чиновников муниципального и регионального управления. В высказываниях информантов делается акцент на роли профессиональных кадров в развитии культурных проектов. Информанты отмечали, что успешный проект – это результат работы сотрудника-энтузиаста или сплоченной команды. Реализация туристических программ является дополнительной нагрузкой для сотрудников сельских домов культуры. Основные отчетные показатели учреждений культуры ориентированы на проведение мероприятий в деревне и кружковую работу. Прием туристов обычно не ведет ни к увеличению количества работников, ни к росту заработной платы сотрудников. Только в единичных случаях в сельских учреждениях выделялись специальные ставки методиста по культурным и туристическим проектам. В большинстве случаев сотрудники домов культуры оказывались в условиях, когда они должны быть «на посту в любое время года» (жен., 43 года, сотрудник Администрации Правительства УР).

Узловым моментом во всех интервью было суждение о совмещении коммерческой деятельности и содержания работы бюджетных учреждений, каковыми являются сельские дома культуры. С одной стороны, туризм рассматривается как источник внебюджетного финансирования, с другой – представители государственных органов управления, опираясь на статистические сведения, понимают, что в сельской местности доходы от туризма невелики. Подавляющая доля посетителей туристических объектов представлена школьными группами (70–80 % – по данным турфирм Ижевска). Большинство туристов предпочитают однодневные маршруты с длительностью поездки не более двух часов от Ижевска. Наибольшей популярностью пользуются маршруты в Воткинск, Сарапул, музей Лудорвай, с. Бураново, п. Игра, с. Шаркан. При средней стоимости такой поездки от 1 000 до 2 000 рублей на одного туриста, собственно в учреждение культуры попадает менее 10 % от общей стоимости. Сумма денежных сборов оказалась недостаточной, особенно в тех учреждениях культуры, где поток туристов был небольшой. С точки зрения менеджеров в сфере культуры, сельский туризм – «это не история прибыли, а история дополнительного финансирования» (жен., 53 года, сотрудник научно-исследовательского института). Важно отметить, что даже эти небольшие доходы появляются в тот момент, когда маршрут уже принимает туристов. В то время как сельским учреждениям культуры особенно необходимы инвестиции на первом этапе работы над туристическими проектами.

Однако примеры прямых инвестиций в развитие культурного проектирования на селе остаются редкостью. Даже в случае стабильно существующего в пригороде Ижевска музея Лудорвай привлечение прямых инвестиций крайне сложно: «бизнесмены приезжают, смотрят и уезжают» (жен., 52 года, сотрудник этнического музея). Слабую степень заинтересованности предпринимателей в инвестициях в культурные проекты участники исследования объясняют, во-первых, бюрократизацией, характерной для всех бюджетных учреждений, а во-вторых, низкой степенью доходности сельского бизнеса. Незначительный объем прямых инвестиций компенсируется практикой вовлечения сельских предпринимателей к оказанию непосредственной помощи. Благодаря преобладанию на селе коротких социальных связей по просьбе глав районов и поселений или директоров домов культуры сельские предприниматели помогали с ремонтом и небольшим строительством, предоставляли оборудование. Однако такие формы взаимной поддержки являются разовыми и зависят от характера взаимоотношений между местным бизнесом, муниципальной властью и учреждениями культуры.

Работники министерств сообщали в ходе интервью, что основная часть обращений в государственные органы управления является просьбами о финансировании проектов. Одной из наиболее распространенных форм получения средств на реализацию туристических и культурных программ является субсидия Министерства национальной политики и Министерства культуры. Помимо средств, которые выделяются министерствами в рамках плановой работы, раз в квартал происходит сбор заявок на инициативные проекты в области культуры и туризма. Затем распределяются субсидии для проведения мероприятий и реализации культурных проектов, не запланированных обычным порядком. По словам информанта, преобладают заявки на проведение мероприятий. Значительно меньше таких заявок, которые рассчитаны на длительную реализацию долгосрочных проектов. Среди критериев для отбора заявок информант называла реалистичность планируемых действий, сформировавшийся социальный запрос на результаты проекта, заинтересованность в реализации проекта исполнителя или целой команды. Однако формулируя эти критерии, информант подчеркивала, что основной механизм отбора проектов – интуитивное понимание сути предлагаемого проекта: «У меня уже чутье... – это выработанное экспертное, проектное чутье. ...Когда [хороший. – Т. В.] проект – лампочка какая-то загорается, автоматически» (жен., 49 лет, сотрудник Министерства национальной политики УР).

Другая возможность для учреждений культуры получить финансовую поддержку на развитие проекта – это поддержка от грантового фонда. Одна из участниц исследования, будучи экспертом Фонда В. Потанина,

сообщила о большом количестве заявок, поступающих из Удмуртии: «наш регион – самый активный и самый грамотный» (жен., 63 года, сотрудник исторического музея). Тем не менее растущий уровень конкуренции за ресурсы фондов ограничивает и этот источник финансирования.

Общее для всех информантов суждение о том, что «люди культуры пока не умеют зарабатывать» (жен., 49 лет, сотрудник Министерства национальной политики УР) развивалось в двух направлениях. Проговаривалась установка на преодоление зависимости учреждений культуры от получения министерских субсидий. В других интервью отсутствие коммерческих навыков у работников культуры рассматривалось как «естественная» ситуация, обусловленная профессиональной специализацией: «культура не добывает денег» (жен., 42 года, сотрудник Министерства культуры). Безусловно, идеальной признавалась ситуация, когда в учреждении культуры происходит разделение профессиональных функций: «...нужно, чтобы рядом с “придумщиком” был менеджер, который это понимает. Более того, он в этом профессионал. Не зря же у всех актеров есть агенты, которые “продают их”. ...Мне кажется, это принцип должен быть такой. Я знаю, что в каждом населенном пункте есть и по природе придумщики, и по природе коммерсанты» (жен., 49 лет, сотрудник Министерства национальной политики УР).

Это разделение труда пока является труднодостижимым идеалом. Практика показывает, что в сельских домах культуры нечетко разделены даже рутинные обязанности по кружковой работе, ведению документации и организации мероприятий.

По мнению сотрудников министерств и без того сложная ситуация, в которой находятся учреждения культуры, усугубилась после передачи полномочий управления в сфере туризма в ведение Министерства экономического развития. С одной стороны, это было вызвано оформлением туристических программ в отдельную экономическую отрасль, с другой – усилилось давление на учреждения культуры, которые вынуждены ориентироваться исключительно на коммерческие интересы.

Нарратив о роли муниципальных и региональных органов управления строится вокруг идеи о необходимости координации проектной деятельности в Удмуртской Республике. Требовались действия со стороны сотрудников министерств, чтобы обеспечить совместную реализацию туристических программ, если предполагалось сотрудничество двух-трех учреждений культуры. Все информанты отмечали сложности, которые возникают из-за отсутствия кооперации между учреждениями культуры, муниципальными и районными отделами по управлению в сфере культуры. В некоторых селах имеет место конкуренция между учреждениями социальной инфраструктуры, например, домом культуры и школой. Кроме того, встречается противостояние между сельскими

домами культуры в пределах одного района. Информанты приводили примеры происходящих в районах Удмуртии «тихих процессов» (жен., 53 года, сотрудник научно-исследовательского института).

Не отрицая межличностной природы таких конфликтов, информанты отмечали организационные основания этой конкуренции: сельские социальные и культурные учреждения стараются получить доступ к ресурсам, причем не только материальным. В условиях крайне ограниченного финансирования и слабости механизмов инвестирования, ресурсами, которыми пользуется одно из учреждений, не могут воспользоваться другие дома культуры. Информанты объясняют результат таких несогласованных действий как в отдельных поселениях, так и в районах, следующим: «...люди не понимают, что туризм – это вообще-то не то, что делается одиночно, а делается комплексно на уровне консолидации. С точки зрения отрасли, идет феодальная раздробленность, нехорошая конкуренция, когда один район что-то изобретает, делает проект, то другой район смотрит на него и делает то же самое, только хуже или лучше, и перебивает, является конкурентом. Третий район делает что-то труднее, чтобы им было труднее заработать, чтобы туристы шли мимо них к нему в район» (жен., 42 года, сотрудник Министерства культуры).

Несмотря на риторику поддержки внутреннего и въездного туризма со стороны главы Удмуртской Республики, начальная стадия существования туристической программы нуждается в использовании «административного ресурса». Те культурные проекты, которые позже стали постоянными туристическими маршрутами (Сарапул, Игринский и Шарканский районы), получили поддержку глав муниципалитетов и районов. Решающим оказывался фактор личной заинтересованности руководителя. В некоторых деревнях главы поселения до начала управленческой карьеры работали в школе или в доме культуры, поэтому проявлялся эффект личной вовлеченности представителей сельской администрации в деятельность учреждений социальной сферы.

Еще одним повсеместным феноменом было участие директоров учреждений культуры в деятельности органов местного самоуправления в качестве депутатов. Используя административные ресурсы, главы поселений могут договориться если не о выделении финансовых средств, то о проведении дорожных или ремонтных работ, предоставлении оборудования, благоустройстве территории. Также глава муниципального образования или района был способен мобилизовать местных предпринимателей для помощи.

В ходе интервью приводились примеры, когда только в процессе проектной деятельности главы поселений начинали понимать их продуктивность: «И нам было очень приятно слышать от главы муниципального образования “Пироговское” слова восхищения. Он был настолько вос-

хищен тем, что музей сделал. <...> Сказал, что сначала к этому отнесся очень скептически. Он не верил, что музей поднимет такое масштабное событие. <...> Когда он, в конечном счете, увидел, во что вылился этот праздник, то был настолько приятно удивлен, что предложил плотное, тесное сотрудничество дальше» (жен., 60 лет, сотрудник этнического музея).

Позиция главы поселения тем более важна, что происходит реорганизация соответствующих структурных подразделений в профильных министерствах. В условиях недостатка времени сотрудников министерств, их функции ограничиваются сбором статистических данных и обобщением сведений. К минимуму сведена консультационная и методическая работа, а также деятельность по сопровождению проектов.

В некоторой степени в своей проектной деятельности учреждения культуры могут ориентироваться на запрос туристических фирм. Сотрудники министерств и кураторы проектной деятельности в тех случаях, когда они видят туристический потенциал культурной программы, направляют ее инициаторов к директорам турфирм. Директора туристических фирм оценивают содержание предложенной программы и инфраструктуру маршрута (состояние дороги, возможности материальной базы учреждения). Информанты отмечали, что сельским жителям не составляло труда собрать элементы для этнографической программы: оставались костюмы и домашняя утварь, можно было использовать рецепты местных блюд. Однако программы оказались довольно однообразны. Учреждения культуры стремятся использовать уже разработанный шаблон, слабо учитывая меняющийся запрос потребителей.

С другой стороны, информанты высказывали суждение о том, что приоритет коммерческих интересов негативно влияет на содержание культурных проектов. Действуя в коммерческих интересах, туристические фирмы или другие инвесторы ориентируют учреждения культуры на массовый, но востребованный туристический продукт, направленный на развлечение и досуг. Тенденции извлечения коммерческой выгоды не поощряют развития образовательных и просветительских программ, которые предпочтительны для самих учреждений культуры. В интервью доминировала риторика эксплуатации учреждений культуры, вовлеченных в сферу коммерческих интересов.

Обсуждение и заключение. Изменяющаяся конфигурация мобильности населения в современном мире рассматривается с позиции пространственного перемещения внутри страны или местности и между странами. Становление туризма в качестве экономической отрасли способствовало формированию ожиданий, связанных получением доходов. Необходимость преодоления дефицита финансирования и переориентация деятельности учреждений культуры на новые образцы сделали актуальными методы проектного управления.

Материалы интервью с сотрудниками министерств и ведущих музеев Удмуртской Республики позволили прояснить перспективы развития сельского туризма в регионе. Риторика представителей органов управления и руководителей в сфере культуры выстраивается вокруг утверждения о слабости рыночных механизмов в сфере регионального туризма. Доминирует представление о необходимости государственного регулирования. Идеальной представляется ситуация выработки общереспубликанской стратегии, где будут определены приоритетные направления развития туризма в каждом районе. Предполагается, что централизованная стратегия развития регионального туризма позволит преодолеть основные проблемы отрасли. К наиболее сложным проблемам информанты относят, во-первых, слабость аналитических обобщений, которые затрудняют определение сильных и слабых сторон отдельных программ и регионального туризма в целом. Во-вторых, необходима программа подготовки и повышения квалификации профессиональных кадров как в сфере управления туристической отраслью, так и сотрудников учреждений культуры. Очевидно, что исчерпаны возможности традиционных форм повышения квалификации, но новые формы работы с учреждениями культуры пока не появились. В-третьих, необходимо выработать установку относительно взаимодействия региональных и муниципальных органов управления с туристическим бизнесом. Как показывают материалы интервью, финансовые интересы туристических фирм могут не соответствовать тенденциям развития сферы культуры. Особенно актуальна эта проблема для сельской местности, где слабо развиты институты общественного контроля.

Выводы относительно принципов организации деятельности учреждений культуры могут стать основанием для разработки рекомендаций для сотрудников учреждений культуры по усовершенствованию проектной деятельности в сфере туризма. Собранные данные являются источником для оценки состояния инфраструктуры сельских поселений. В каждой из четырех деревень, в которых проводился опрос, выявлены проблемные факторы, типичные для сельских поселений Удмуртии. Механизм разрешения типичных проблем может служить базой для разработки стратегий развития сельских территорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Павлюткин И., Юдин Г. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2015. Т. 7, № 3. С. 88–105. URL: <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/567/1532> (дата обращения: 10.11.2018).

2. Neal S. Transition Culture: Politics, localities and Ruralities // Journal of Rural Studies. 2013. No. 32. Pp. 60–69. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2013.04.001>
3. Prout S., Howitt R. Frontier Imaginings and Subversive Indigenous Spatialities // Journal of Rural Studies. 2009. No. 25. Pp. 396–403. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2009.05.006>
4. Portes A., Vickstorm E. Diversity, Social Capital, and Cohesion // Annual Review of Sociology. 2011. Vol. 37. Pp. 461–479. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081309-150022>
5. Гранберг Л. Структурные изменения в сельской местности России и Финляндии – сравнительный анализ двух различных типов общества // Мир России. 2015. Т. 24, № 3. С. 160–175. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4930> (дата обращения: 28.10.2018).
6. Granberg L., Nikula J., Kopoteva I. LEADER and Possibilities of Local Development in the Russian Countryside // Evaluating the European Approach to Rural Development, Grass-roots Experiences of the LEADER Programme. Farnham : Ashgate, 2015. P. 111–126. URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9781317138761/chapters/10.4324%2F9781315581194-11> (дата обращения: 28.10.2018).
7. Молчанов И. Н. Проблемы формирования и финансирования туристских кластеров в регионах России // Вестник Волгоградского университета. Сер. 3: Экономика. Экология. 2016. № 1 (34). С. 45–57. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu3.2016.1.5>
8. Ковалева И. В., Ульянов М. Н. Формирование туристическо-рекреационного кластера в системе диверсификации региональной экономики // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. Экономика и социальные науки. 2017. № 8 (154). С. 178–182. URL: <http://www.asau.ru/vestnik/2017/8/> (дата обращения: 29.10.2018).
9. Кицис В. М., Вавилова А. В. Уровень развития и размещение предприятий общественного питания на сельских территориях Республики Мордовия // Регионология. 2018. Т. 26, № 3. С. 578–605. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.578-605>
10. Овчаров А. О. Туристская индустрия в России: оценка рисков // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 47–56. URL: <http://socis.isras.ru/article/6056> (дата обращения: 14.11.2018).
11. Баталова Л. В., Мерзлякова Г. В. Становление и развитие органов управления отечественным туристско-экскурсионным делом (на примере Удмуртии) // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики севера: вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2011. № 4. С. 354–361. URL: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/2011/2011-4/3/3.htm> (дата обращения: 16.11.2018).
12. Грахов В. П., Кислякова Ю. Г., Симакова У. Ф. Развитие методики управления объектами культурно-исторического наследия (на примере Удмуртской Республики) // Вестник ИжГТУ им. М. Т. Калашникова. 2017. Т. 20, № 3. С. 86–90. DOI: <https://doi.org/10.22213/2413-1172-2017-3-86-90>
13. Обухов К. Н. Восприятие этнокультурных проектов жителями села: опыт исследования на территории Удмуртской Республики // Вестник Удмуртского

- университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2, вып. 2. С. 164–170. URL: <http://journals.udsu.ru/sociology/article/view/2343> (дата обращения: 02.09.2018).
14. Ярская-Смирнова Е. Р. Скрытый учебный план как традиция социологических исследований // Высшее образование в России. 2001. № 4. С. 102–108. URL: <http://umozak.ru/skritij-uchebnij-plan-kak-tradiciya-sociologicheskikh-issledova/index.html> (дата обращения: 02.09.2018)
 15. Полонников А. А. “Hidden curriculum” и продуктивность образования // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 165–169. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=872&article_id=5463 (дата обращения: 20.11.2018).
 16. Brinkjaer U., Norholm M. What is relation between human practical action and an accompanying discourse? Discussing the status of practical theory // Social Work & Society. 2005. Vol. 3, no. 1. Pp. 59–71. URL: <https://www.socwork.net/sws/article/view/209> (дата обращения: 28.12.2018).
 17. Щепанская Т. Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 1 (21). С. 139–161. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17574444> (дата обращения: 28.12.2018).
 18. Власова Т. А. Ресурсы развития этнокультурных проектов в селах Удмуртской Республики // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, вып. 4. С. 419–428. URL: <http://ru.sociology.vestnik.udsu.ru/archive/show/7-2017-4-3> (дата обращения: 26.08.2018).

Поступила 20.11.2018; принята к публикации 10.01.2019; опубликована онлайн 29.03.2019.

Об авторе:

Власова Татьяна Анатольевна, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1/1), кандидат философских наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3600-3214>, Researcher ID: X-4689-2018, tavlasova@yandex.ru

Для цитирования:

Власова Т. А. Проблемы реализации этнокультурных туристических программ в селах Удмуртской Республики по оценке экспертов // Регионология. 2019. Т. 27, № 1. С. 174–191. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.174-191>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Pavlyutkin I., Yudin G. Community as a Given versus Community as a Process: Strategies for Studying Small Towns. *Laboratorium: zhurnal sotsialnykh issledovanij* = *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2015; 7(3):88-105. Available at: <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/567/1532> (accessed 10.11.2018). (In Russ)

2. Neal S. Transition Culture: Politics, Localities and Ruralities. *Journal of Rural Studies*. 2013; (32):60-69. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2013.04.001>
3. Prout S., Howitt R. Frontier Imaginings and Subversive Indigenous Spatialities. *Journal of Rural Studies*. 2009; (25):396-403. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2009.05.006>
4. Portes A., Vickstorm E. Diversity, Social Capital, and Cohesion. *Annual Review of Sociology*. 2011; (37):461-479. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081309-150022>
5. Granberg L. Structural Change in Finnish and Russian Countrysides: A Comparative Analysis of Two Different Types of Society. *Mir Rossii* = Universe of Russia. 2015; 24(3):160-175. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/4930> (accessed 28.10.2018). (In Russ)
6. Granberg L., Nikula J., Kopoteva I. LEADER and Possibilities of Local Development in the Russian Countryside. In.: Evaluating the European Approach to Rural Development, Grass-roots Experiences of the LEADER Programme. Farnham: Ashgate; 2015. p. 111-126. Available at: <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9781317138761/chapters/10.4324%2F9781315581194-11> (accessed 28.10.2018).
7. Molchanov I.N. Problems of Formation and Funding of Tourist Clusters in the Regions of Russia. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya* = Bulletin of Volgograd University. Series 3: Economy. Ecology. 2016; (1):45-57. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu3.2016.1.5>
8. Kovaleva I.V., Ulyanov M.N. Formation of Tourist-Recreation Cluster in the Diversification System of the Regional Economy. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. Ekonomika i sotsialnye nauki.* = Bulletin of Altay State Agricultural University. Economics and Social Sciences. 2017; (8):178-182. Available at: <http://www.asau.ru/vestnik/2017/8/> (accessed 29.10.2018). (In Russ)
9. Kitsis V.M., Vavilova A.M. Level of the Development and Distribution of Public Catering Enterprises in Rural Areas of the Republic of Mordovia. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(3):578-605. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.578-605>
10. Ovcharov A.O. [Tourism Industry in Russia: Risk Assessment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2016; (2):47-56. Available at: <http://socs.isras.ru/article/6056> (accessed 14.11.2018). (In Russ)
11. Batalova L.V., Merzlyakova G.V. [Formation and Development of Bodies Administering Domestic Tourist and Excursion Business (the Case Study of Udmurtia)]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki severa: vestnik nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta* = Corporate Governance and Innovative Development of the Economy of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Capital Investments of Syktyvkar State University. 2011; (4):354-361. Available at: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/2011/2011-4/3/3.htm> (accessed 16.11.2018). (In Russ)
12. Grakhov V.P., Kislyakova Yu.G., Simakova U.F. Development of Method for Control of Historic Cultural Heritage Objects (the Example of the Udmurt Republic). *Vestnik IzhGTU im. M. T. Kalashnikova* = Bulletin of Kalashnikov Izhevsk

- State Technical University. 2017; 20(3):86-90. DOI: <https://doi.org/10.22213/2413-1172-2017-3-86-90>
13. Obukhov K.N. How Rural People Percept Ethno-Cultural Projects: Efforts of Research in the Territory of Udmurtia. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2018; 2(2):164-170. Available at: <http://journals.udsu.ru/sociology/article/view/2343> (accessed 02.09.2018). (In Russ)
 14. Yarskaya-Smirnova E.R. [Hidden Curriculum as a Tradition of Sociological Research]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. 2001; (4):102-108. Available at: <http://umozak.ru/skritij-uchebnij-plan-kak-tradiciya-sociologicheskikh-issledova/index.html> (accessed 02.09.2018). (In Russ)
 15. Polonnikov A.A. 'Hidden Curriculum' and Educational Productivity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal. 2012; (359):165-169. Available at: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=872&article_id=5463 (accessed 20.11.2018). (In Russ)
 16. Brinkjaer U., Norholm M. What is Relation Between Human Practical Action and an Accompanying Discourse? Discussing the Status of Practical Theory. *Social Work & Society*. 2005. 3(1):59-71. Available at: <https://www.socwork.net/sws/article/view/209> (accessed 28.12.2018).
 17. Shchepanskaya T.B. The Anthropology of Professions. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* = The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2003; 6(1):139-161. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17574444> (accessed 28.12.2018). (In Russ)
 18. Vlasova T.A. Resources of Development of Ethnic Projects in the Rural Area of Udmurt Republic. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2017; 1(4):419-428. Available at: <http://ru.sociology.vestnik.udsu.ru/archive/show/7-2017-4-3> (accessed 26.08.2018). (In Russ)

Submitted 20.11.2018; accepted for publication 10.01.2019; published online 29.03.2019.

About the author:

Tatiana A. Vlasova, Associate Professor, Department of Sociology, Udmurt State University (1/1 Universitetskaya St., Izhevsk 426034, Russia), Ph. D. (Philosophy), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3600-3214>, Researcher ID: X-4689-2018, tavlasova@yandex.ru

For citation:

Vlasova T.A. Problems Associated with Implementation of Ethno-Cultural Tourism Programs in Rural Areas of the Udmurt Republic according to Expert Evaluation. *Regionologiya* = Regionology. 2019; 27(1):174-191. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.174-191>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» принимает не опубликованные ранее оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.
2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*
3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:
 - 1) Введение (Introduction);
 - 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
 - 3) Результаты исследования (Results);
 - 4) Обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему

для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей (срок действия рецензии – 1 год). Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Электронные версии статей размещаются на сайте Научной электронной библиотеки. Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» – 73335.

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Regionology journal accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *AntiPlagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

To submit an article in the journal *Regionology* you should know.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and

resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed. *Contribution of the authors should be written in Russian and English.*

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *jpg or *tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Regionology* journal uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa (a review stays valid for 1 year). On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

Electronic copies of the journal with full text of the articles in PDF are in free access at the website of Academic Electronic Library. The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index in the catalogue of the agency of *Rospechat* is 73335.

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *А. С. Полутина*.
Перевод *А. В. Пузакова*.
Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс в каталоге АО Агентство «Роспечать» – 73335.
Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 05.03.2019. Дата выхода в свет 29.03.2019. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 11,39. Тираж 1 000 экз. I завод – 250 экз. Заказ № 521. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Адрес типографии: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»)

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing by *A. S. Polutin*.
Translation by *A. V. Puzakov*.
Sub-editor (editor on release) *E. P. Gordina*.
Informational support of the journal site by *A. A. Paramonov*.

Subscription index in the catalogue of *Rospечат Agency*: 73335.
The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016

Signed to print 05.03.2019. Date of publishing 29.03.2019. Sheet size 60x84 1/16. Conventional printed sheets 11,39. Number of copies: 1,000. Print run 1: 250 copies. Order No. 521. Open price. Free price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Tel/Fax: +7 (834 2) 48 14 24, +7 (834 2) 32 86 14
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia (Publishing House of National Research Mordovia State University)

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.